

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ»

На правах рукописи

КИЛИМБАЕВ Роман Валерьевич

**ОСНОВАНИЕ И ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Лапшин Валерий Федорович

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ	
1.1. Уголовная ответственность и формы ее реализации.....	13
1.2. Особенности современной гуманизации уголовного законодатель- ства.....	27
Глава 2. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ОКОНЧЕННОГО И НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
2.1. Социально-правовое содержание общественной опасности пре- ступления и критерии ее оценки.....	41
2.2. Правовая природа неоконченного преступления и его общественная опасность.....	58
2.3. Содержание противоправности неоконченного преступления.....	74
Глава 3. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ	
3.1. Наказуемость неоконченного преступления в контексте теорий уго- ловного наказания.....	91
3.2. Содержание целей наказания за неоконченное преступление.....	107
3.3. Законодательное установление и назначение наказания за неокон- ченное преступление.....	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	150
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	184

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Введение в действие Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), отличающегося от УК РСФСР 1960 г. повышенной строгостью мер уголовно-правового воздействия, создало условия для устойчивого роста количества осужденных, в том числе отбывающих реальное наказание в местах лишения свободы. При отсутствии комплексной системы пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации это обстоятельство стимулировало совершение повторных преступлений. В связи с этим Президент Российской Федерации многократно обращал внимание представителей Федерального Собрания РФ (2002, 2019 гг.), Министерства внутренних дел РФ (2001, 2013, 2015 гг.) и Генеральной прокуратуры РФ (2016, 2018 гг.) на имеющую место социальную потребность гуманизации действующего уголовного законодательства¹.

Таким образом, современная уголовная политика в целом ориентирована на смягчение уголовной ответственности. Это отражается в законодательных решениях о полной или частичной декриминализации ряда преступных деяний, смягчении уголовного наказания и иных мер, реализуемых в рамках применения уголовной ответственности за совершение преступления, расширении практики применения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Представляется, что своеобразным резервом для реализации политики гуманизации уголовного законодательства является институт неоконченного преступления (гл. 6 УК РФ), нормы которого не изменялись и не дополнялись на всем протяжении действия российского уголовного закона. В отчетные периоды 2012–2019 гг. правоохранительными органами выявлялось от 83,9 (2016 г.) до 107 (2015 г.) тыс. преступлений, совершение которых было пресечено на стадии приготовления или покушения, что составляет 4–5 % от общего числа ежегодно регистрируемых преступлений². От-

¹ Более подробно см.: ТАСС-ДОСЬЕ // URL: <https://tass.ru/info/6234971> (дата обращения: 01.12.2020).

² См.: Состояние преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/10> (дата обращения: 01.12.2020).

носительно высокие статистические показатели можно наблюдать и в области назначения наказания лицам, признанным виновными в совершении неоконченного преступления. За период 2012–2018 гг. этот показатель варьировался в пределах 6–9 % от общего количества осужденных, что в абсолютных величинах составляло от 38 574 (2018 г.) до 69 102 (2015 г.) человек¹. В связи с этим представляется необходимым пересмотреть подходы к оценке общественной опасности, противоправности, а также к наказуемости деяний, прерванных на стадиях приготовления или покушения на преступление.

Действующее уголовное законодательство содержит общее правило по определению основания и установлению пределов уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния (ст. 8 УК РФ). Каких-либо исключений для неоконченного преступления в этой части уголовный закон не предусматривает. На фоне современной уголовной политики дифференциация ответственности за неоконченное преступление нуждается в корректировке с учетом содержания отдельных принципов уголовного права и общих начал назначения наказания.

Решение указанных проблем обладает высокой степенью востребованности в российском обществе и нуждается в глубокой научной проработке, что и обусловило актуальность избранной темы диссертационного исследования.

Степень разработанности темы диссертационного исследования характеризуется тем, что общие вопросы уголовной политики, уголовной ответственности и определения оснований для ее установления рассматривались такими учеными, как: А. И. Алексеев, Я. М. Брайнин, А. А. Герцензон, В. И. Гладких, В. Г. Громов, Н. Д. Дурманов, А. Э. Жалинский, И. Э. Звечаровский, А. В. Иванчин, О. С. Иоффе, Н. Г. Кадников, С. Г. Келина, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, В. Ф. Лапшин, Т. А. Лесниевски-Костарева, Н. А. Лопашенко, А. В. Наумов, Г. П. Новоселов, В. С. Овчинский, А. А. Пионтковский, Э. Ф. Побегайло, Т. Г. Понятовская, Ю. Е. Пудовочкин, Б. Т. Разгильдиев, А. И. Рарог,

¹ См.: Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 и 2019 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.07.2020).

Е. В. Рогова, Н. С. Таганцев, А. Н. Трайнин, П. А. Фефелов, В. Д. Филимонов, А. В. Шеслер и др.

Правовая природа уголовного наказания, цели его применения и особенности назначения, сущность и условия реализации иных мер уголовно-правового воздействия стали предметом исследований следующих выдающихся представителей уголовно-правовой науки: З. А. Астемиров, Л. В. Багрий-Шахматов, Я. М. Брайнин, Р. Р. Галиакбаров, В. А. Елеонский, В. И. Зубкова, Л. Л. Кругликов, Ю. Б. Мельникова, А. С. Михлин, Т. В. Непомнящая, И. С. Ной, Н. А. Огурцов, Н. А. Стручков, Ф. Р. Сундуков, В. А. Уткин, А. А. Чистяков, М. Д. Шаргородский, В. А. Якушин и др.

Различные аспекты института неоконченного преступления, определения юридической природы стадий осуществления преступной деятельности, добровольного отказа от преступления и особенностей квалификации неоконченных уголовно наказуемых деяний освещались в трудах А. П. Козлова, А. Н. Круглевского, Н. Ф. Кузнецовой, А. И. Ситниковой, а также в новейших диссертационных исследованиях М. В. Гриня (2003); Т. Г. Жуковой, М. П. Редина, К. Т. Тедеева, С. В. Чернокозинской (2005); С. Ф. Нигматьяновой, Д. Ю. Поротикова (2007); Н. Н. Баймаковой (2011); С. А. Иванчиной, Д. В. Решетниковой (2012); В. Н. Некрасова (2013); С. Н. Безуглого, М. Ю. Маляра (2017).

Однако при всем многообразии представленных работ в уголовно-правовой науке отсутствуют новейшие исследования, посвященные проблемам определения общественной опасности, противоправности, обоснования наказуемости тех деяний, которые не содержат состава окончченного преступления, а также специфике назначения наказания за совершение неоконченного уголовно наказуемого посягательства. Данные обстоятельства предопределили выбор темы настоящей диссертации.

Объектом диссертационного исследования являются уголовно-правовые отношения, которые возникают в связи с совершением неоконченного преступления.

Предметом диссертационного исследования выступают нормы уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства; со-

вокупность теоретических и практических проблем определения основания и пределов ответственности за неоконченное преступление; статистические данные о неоконченных преступлениях и лицах, осужденных за их совершение; материалы следственно-судебной практики по делам о неоконченных преступлениях; научные и иные публикации по исследуемым вопросам.

Цель диссертационного исследования заключается в определении основания наказуемости неоконченного преступления, а также формировании предложений по совершенствованию законодательства о неоконченном преступлении, в том числе назначении наказания за его совершение.

Для достижения поставленных целей в процессе проведения исследования были решены следующие **задачи**:

- определено содержание и формы реализации уголовной ответственности;
- дана оценка тенденциям проведения современной политики гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации;
- охарактеризовано социально-правовое содержание общественной опасности преступления и критериев ее оценки;
- исследована общественная опасность неоконченного преступления, прерванного на стадиях приготовления и покушения;
- раскрыто содержание противоправности неоконченного преступления, прерванного на стадиях приготовления и покушения;
- произведена оценка наказуемости неоконченного преступления в контексте различных теорий уголовного наказания;
- проанализированы цели уголовного наказания, назначаемого за оконченное и неоконченное преступления, а также особенности их достижения;
- скорректированы установленные в уголовном законе правила назначения наказания за неоконченное преступление.

Теоретическая основа диссертации представлена фундаментальными исследованиями ученых-правоведов в области современной российской уголовной политики, определения основания и сущности уголовной ответственности, правовой природы неоконченного преступления.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод, а также методы индукции и дедукции. Кроме того, в процессе исследования применялись частнонаучные методы познания, используемые в гуманитарных науках: сравнительно-правовой и формально-логический – при оценивании общественной опасности неоконченных преступлений, достижимости официально заявляемых целей уголовного наказания и др.; социологический – при проведении анкетирования и последующей обработке полученных данных и др.; логический метод, метод анализа и теоретической интерпретации – при изучении статистических данных, положений законодательства и научных источников о категории неоконченного преступления, особенностях установления и реализации уголовной ответственности за его совершение, а также формулировании предложений по изменению и дополнению действующего уголовного законодательства.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство России, международные нормативные акты и уголовные законы ряда зарубежных стран.

Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждается значительным объемом изученных источников отечественного и зарубежного уголовного законодательства по теме диссертационного исследования; постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам назначения уголовного наказания; официальных статистических данных; материалов судебной практики по уголовным делам, прежде всего о неоконченном преступлении; различных источников науки уголовного, уголовно-исполнительного права, криминологии, социологии и психологии, а также эмпирическими данными, полученными в процессе подготовки диссертационного исследования.

Эмпирическую основу исследования составляют материалы уголовных дел – более 150 приговоров, вынесенных в 2010–2020 гг. (непосредственно изучалась практика судов Рязанской и Тульской областей, а в режиме удаленного доступа к оцифрованным материалам судебных решений по уголовным делам – практика судов, действующих на территории восьми федеральных

округов); официальные статистические данные 2012–2019 гг. Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за неоконченное преступление, статистические и аналитические данные МВД РФ о состоянии преступности в России за 2011–2019 гг. и официальные сведения ФСИН России о количестве лиц, отбывающих уголовное наказание в период с 2011 г. по 1 мая 2020 года; результаты анкетирования, проведенного в 2017–2019 гг. среди представителей практических органов: сотрудников уголовно-исполнительной системы среднего и старшего начальствующего состава, судей и их помощников (320 чел.), а также – профессорско-преподавательского состава российских юридических вузов и факультетов (110 чел.).

Научная новизна исследования состоит в обозначении и решении проблем, которые ранее не являлись предметом специального монографического уголовно-правового исследования в сфере уголовной ответственности за неоконченное преступление. В частности:

- сформулировано направление возможной гуманизации отечественного уголовного законодательства посредством пересмотра положений о неоконченном преступлении;
- определены критерии установления общественной опасности, противоправности и наказуемости деяний, совершаемых на стадиях приготовления и покушения на преступление;
- сформулированы и научно обоснованы предложения о декриминализации неоконченного преступления, совершение которого прервано на стадии приготовления, а также предложения о назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера за неоконченное преступление, совершение которого прервано на стадии покушения.

По результатам диссертационного исследования сформулированы следующие основные **положения, выносимые на защиту**:

1. В качестве перспективного направления политики гуманизации уголовного законодательства предложено отказаться от признания преступными

большинства деяний, которые совершены на стадии приготовления. Это требует пересмотра основания для признания уголовно наказуемыми многих видов приготовления к совершению преступления, а также проведения последовательной дифференциации ответственности за неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения, с учетом его действительной общественной опасности.

2. Обоснована универсальность закрепленных в ч. 1 ст. 14 УК РФ признаков преступления, которые в равной степени должны быть присущи как оконченному, так и неоконченному преступлению. Неоконченное преступление, прерванное на стадии приготовления, в действительности не обладает признаками общественной опасности и противоправности. Криминализация действий, представляющих собой приготовление к преступлению, не согласуется с содержанием уголовно-правового принципа законности, поскольку создает условия для расширения пределов определения преступности деяния и применения положений норм Особенной части УК РФ по аналогии.

3. Установлено, что материальным основанием наказуемости преступления выступает общественная опасность фактически совершенного деяния, исходя из чего подмена общественной опасности деяния целесообразностью предупреждения противоправных действий способна нарушить систему всего уголовно-правового воздействия.

В процессе исследования выявлен факт того, что применение уголовного наказания за приготовление не может признаваться эффективным средством предупреждения новых преступлений. В этом случае наказание не воспринимается осужденным как справедливое: фактически не начав осуществление запрещенного уголовным законом деяния, он привлекается к ответственности наряду с лицами, признанными виновными в совершении оконченного преступления.

4. Доказано, что в результате совершения приготовления вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям не причиняется, равно как и не создается реальная угроза причинения такого вреда. В связи с этим действия, совершаемые на стадии приготовления, не должны признаваться

разновидностью неоконченного преступления. Данное решение обеспечит соблюдение принципа справедливости в процессе назначения и исполнения уголовного наказания, назначаемого в том числе с целью воздаяния за вред, который причинен в результате совершения преступления, для достижения соответствия между общественной опасностью совершенного деяния и строгостью избранной меры уголовно-правового принуждения.

5. Аргументирована необходимость осуществления более последовательной дифференциации ответственности за неоконченное преступление в сравнении с закреплённой действующим уголовным законом. Предлагаемый подход включает в себя:

- отказ от осуществлённой в нормах Общей части УК РФ криминализации приготовления к совершению преступления. Исключением из этого являются отдельные преступления террористической, экстремистской и коррупционной направленности ввиду их крайне высокой общественной опасности. Приготовление к ним должно признаваться уголовно наказуемым деянием, ответственность за которое устанавливается специальной нормой Особенной части УК РФ;

- сокращение сроков или размеров всех видов наказаний, назначение которых возможно за неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения. Это должно исключить предусмотренную УК РФ возможность назначения одного и того же наказания за аналогичные преступления, но завершённые на разных стадиях совершения умышленного преступления.

6. Выявлен факт отсутствия дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление в части течения срока погашения судимости. С учётом пониженной общественной опасности неоконченного преступления следует считать судимость погашённой с момента исполнения или отбытия в полном объёме наказания, назначенного за неоконченное преступление. Это повысит качество дифференциации ответственности за неоконченное преступление, что обеспечит дополнительные гарантии обоснованности и справедливости соответствующих судебных решений.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты дополняют учение о неоконченном преступлении: конкретизируют юридическую природу неоконченного преступления, обеспечивают разграничение категорий «неоконченное преступление» и «стадии преступления», отражают специфику установления уголовной ответственности за неоконченное преступление, а также формируют правила назначения наказания за его совершение. Полученные результаты диссертационного исследования могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, посвященных вопросам определения общественной опасности, противоправности и наказуемости неоконченных преступлений.

Практическая значимость исследования видится в том, что сформулированные выводы и предложения могут учитываться при совершенствовании действующего уголовного законодательства об определении и сущности неоконченного преступления, назначении уголовного наказания и некоторых иных мер уголовно-правового воздействия за его совершение, а также при подготовке соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Предложения об оценке общественной опасности неоконченного преступления и целесообразности реализации уголовной ответственности могут учитываться следственными и судебными органами в процессе квалификации, выбора вида и размера (срока) уголовного наказания, применения иных мер уголовно-правового воздействия за неоконченное преступление. Материалы диссертации также могут быть использованы в учебном процессе юридических вузов и факультетов при преподавании следующих дисциплин: «Уголовное право», «Актуальные проблемы уголовного права», «Криминология».

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите кафедрой уголовного права Академии ФСИН России.

Основные положения и результаты исследования отражены в содержании 17 научных работ, из которых 8 опубликованы в периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени

кандидата и доктора наук, одна в издании, включенном в международную базу цитирования (Scopus), а также в одной монографии и одной коллективной монографии. Выводы и предложения, сформулированные в процессе проведения исследования, стали также предметом обсуждения на международных и всероссийских научно-практических конференциях (Архангельск – 2019 г.; Москва – 2020, 2018 гг.; Рязань – 2020, 2018, 2017 гг.; Вологда – 2017 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Правового управления ФСИН России, УФСИН России по Ульяновской области и Республике Северная Осетия – Алания, Рязанского областного суда, адвокатских палат Республики Мордовия и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, а также в образовательный процесс Академии ФСИН России, Вологодского института права и экономики ФСИН России, Самарского юридического института ФСИН России, Университета прокуратуры Российской Федерации, Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Учебного центра ГСИН при Правительстве Кыргызской Республики.

Структура диссертации определена ее целью и задачами и состоит из введения, трех глав, включающих в себя восемь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

1.1. Уголовная ответственность и формы ее реализации

Категория «уголовная ответственность» используется в различных отраслях современной российской системы права, что свидетельствует о ее межотраслевом юридическом значении. Уголовная ответственность представлена в качестве негативных последствий для лица, в деянии которого установлены все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ), материального основания для осуществления процессуальных действий и принятия процессуальных решений (ч. 7 ст. 132 УПК РФ), условия изменения правового статуса (ст. 77.2, 97 УИК РФ), превентивной меры правового воздействия (ч. 6 ст. 44, ч. 8, 9 ст. 56 УПК РФ; ч. 5 ст. 173.1 УИК РФ) и др. Однако, безусловно, базовое значение данная категория имеет для общественных отношений, получивших уголовно-правовую охрану.

Дефиниция уголовной ответственности не предусматривалась ни в одном из источников отечественного уголовного законодательства, включая и действующий уголовный закон. В то же время именно она используется в различных значениях при формулировании уголовно-правовых предписаний¹, что спровоцировало в науке широкомасштабную дискуссию относительно сущности уголовной ответственности². В отечественном законодательстве термин «уголовная ответственность» впервые был употреблен в ст. 3 Основ уголовного законодательства

¹ См.: Лапшин В. Ф. Уголовная ответственность как юридически значимый признак в составах преступлений против правосудия // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (г. Рязань, 24 мая 2016 г.) / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2016. С. 246–249.

² Анализ содержания данного научного спора представлен в различных уголовно-правовых исследованиях. См., напр.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 38–40; Ширшов А. А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 30 с.

СССР 1958 г. при описании мер воздействия, применяемых в отношении лица, которое признано виновным в совершении преступления¹. По этой причине можно сделать вывод о расширении пределов негативного реального уголовно-правового воздействия на преступника, которое уже не ограничивалось применением уголовного наказания. В соответствии с источниками русского и советского уголовного законодательства уголовная ответственность реализовывалась путем применения наказания, а затем – меры государственного принуждения, «предусмотренной санкцией правовой нормы»². Однако, несмотря на данную законодательную новеллу того времени, некоторые авторы посчитали ее юридически несущественной, а потому не усматривали принципиальных различий между категориями «уголовная ответственность» и «уголовное наказание»³.

Другие ученые более прагматично подошли к решению вопроса о разграничении уголовной ответственности и наказания, предложив считать, что они находятся в соотношении общего и частного понятий. Уголовное наказание является составной частью более емкой по своему содержанию уголовной ответственности, тогда как обе эти категории находят свое воплощение в той или иной мере государственного принуждения, применяемой по отношению к преступнику⁴.

Данное мнение в науке оказалось далеко не единственным: многие исследователи предпочитали рассматривать уголовную ответственность вне плоскости уголовного наказания, определяя ее сущность через иные социально-правовые ка-

¹ См.: Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1. Ст. 6 (утратил силу).

² Денисов Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л., 1983. С. 140.

³ См.: Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 85–87; Марцев А. И. Преступление: сущность и содержание : учеб. пособие. Омск, 1986. С. 18; Каплин М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 12.

⁴ См.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 451–452; Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / отв. ред. А. А. Пионтковский. М., 1974. С. 26–27; Лапшин В. Ф., Килимбаев Р. В. Современные формы реализации уголовной ответственности и их соответствие принципу справедливости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 41–49; Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. По материалам следственной и прокурорско-судебной практики : учеб. пособие. Волгоград, 1973. С. 57–60.

тегии. Достаточно широкое распространение получила идея о сведении сущности уголовной ответственности к обязанности лица, признанного виновным в совершении преступления, подвергнуться применению мер правоограничительного характера, дать отчет перед обществом за свои действия¹.

Поскольку обязанность претерпеть негативные последствия совершения запрещенного уголовным законом деяния могла быть реализована только в рамках общественного отношения, урегулированного правовыми нормами, в научной литературе сформулировано предложение о сведении сущности уголовной ответственности к уголовному, а также уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному правоотношению² или к результату его реализации³.

И наконец, реализуемая только в рамках приговора, вступившего в законную силу, сущность уголовной ответственности отдельными учеными виделась в состоявшемся факте осуждения, порицания, дачи негативной правовой оценки, закрепленном в обвинительном приговоре суда⁴.

Все приведенные точки зрения относительно сущности уголовной ответственности имеют как развернутую научную аргументацию, так и указания на дискуссионность соответствующих положений и выводов. По уже названным причинам мы не будем дискутировать и опровергать высказанные суждения относительно сущности уголовной ответственности, однако при этом готовы разделить только мнение О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородского, С. Г. Келиной, А. В. Наумова и иных авторов, которые сущность уголовной ответственности определяли через меру государственного принуждения, применяемую к преступнику. Как представляется, это суждение в наибольшей степени соответствует развитию отечественного уголовно-

¹ См.: Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 12. С. 40; Филимонов В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М., 2008. С. 95; Ширшов А. А. Указ. соч. С. 18.

² См.: Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 27; Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989. С. 31–33; Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы исправительно-трудового права. М., 1967. С. 9.

³ См.: Огурцов Н. А. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правовых отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979. С. 12.

⁴ См.: Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Саратов, 1993. С. 161–162; Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 18.

го законодательства о мерах государственного принуждения, которые применяются к лицу, совершившему преступление.

Применение указанных мер уже в XIX в. полностью не охватывалось институтом уголовного наказания, в связи с чем законодатель был вынужден решить проблему расширения содержания уголовного наказания как негативной реакции общества и государства на совершенное преступление. Очевидно, по этой причине в уголовный закон введена категория, которая подразумевала наказание, а также иные меры, которые не были включены в систему уголовных наказаний, но носили принудительный и правоограничительный характер и применялись к лицам, совершившим уголовно наказуемые деяния. Мы считаем, что в соответствии с действующим российским законодательством сущность уголовной ответственности наиболее точно выражается в качестве меры государственного принуждения, которая применяется к лицу, совершившему преступление, и заключается в лишении и (или) ограничении прав и свобод этого лица в пределах, устанавливаемых уголовным законом.

Определившись с сущностью уголовной ответственности, следует рассмотреть вопрос о видах тех мер государственного принуждения, применение которых обеспечивает ее реализацию. Действующее законодательство предусматривает четыре разновидности данных мер:

- уголовное наказание;
- иные меры уголовно-правового характера;
- условное осуждение;
- судимость.

В современной науке высказано мнение о необходимости признания институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания в качестве самостоятельных видов реализации уголовной ответственности¹. Логика данного суждения представляется небезупречной, поскольку реализация различных мер пра-

¹ См.: Авдеев В. А. Проблемы реализации уголовной ответственности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 5. С. 51, 54; Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 119.

воограничительного характера не предполагает решения об освобождении от их реального применения. Уже примененные на более ранних стадиях уголовно-процессуальной деятельности меры правоограничительного характера никак не обязывают властного субъекта к принятию решения об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности или уголовного наказания. Вот почему содержащиеся в действующем законе институты освобождения от уголовной ответственности и наказания следует рассматривать не как реализацию ответственности за совершение преступления, а в качестве одного из средств ее дифференциации¹.

Здесь же будет уместна оговорка, что меры государственного принуждения, которые носят правоограничительный характер, фактически применяются к лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, уже на начальных стадиях производства по уголовному делу, а потому справедливо включаются отдельными авторами в содержательный объем уголовной ответственности². Однако применение указанных мер осуществляется на основании не уголовного, а уголовно-процессуального законодательства, вследствие чего правовую сущность уголовной ответственности они могут представлять только опосредованно — учитываться при назначении окончательного размера уголовного наказания (ч. 3–5 ст. 72 УК РФ).

Уголовное наказание, бесспорно, является ядром содержания уголовной ответственности, а, по мнению отдельных специалистов, данные категории по-прежнему следует рассматривать как тождественные. Современная уголовно-правовая доктрина рассматривает совокупность всех видов предусмотренных уголовным законом наказаний в качестве системы, дифференциация внутри которой осуществляется на основании степени негативного воздействия соответствующего

¹ См.: Тер-Акопов А. А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 72.

² См.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 26; Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 39; Лапшин В. Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 60.

ющего вида наказания на осужденного – объема правоограничительных мер, составляющих сущность отдельного вида уголовного наказания¹.

Однако системность перечня наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, подвергается в научной литературе справедливой критике². Частные случаи несовершенства системы уголовных наказаний проявляются, прежде всего, в фактическом использовании нескольких оснований для дифференциации: во-первых, степень строгости видов уголовных наказаний относительно друг друга; во-вторых, различные возможности применения соответствующего вида наказания, на основании чего все они подразделяются внутри заявленной системы на основные, дополнительные и смешанные (применяемые в качестве и основных, и дополнительных). Построение единой системы элементов на различных основаниях явно противоречит правилам формальной логики. Степень суровости видов уголовного наказания должна возрастать от видов наказаний, применение которых возможно только в качестве дополнительных, и завершаться группой наказаний, которые применяются только в качестве основных. Мер негативного воздействия, которые составляют сущность дополнительного наказания, явно недостаточно для обеспечения справедливости и полноты карательного воздействия на преступника. В связи с этим наказание применяется в качестве дополнительного к основному, более строгому, виду уголовного наказания.

Содержание действующей системы уголовного наказания позволяет признать, что применяемое только в качестве дополнительного наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград формально является более строгим по сравнению со штрафом и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Аналогичные нарекания можно высказать относительно места расположения в системе уголовных наказаний ограничения свободы, приме-

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1 / предисл. А. В. Наумова. Тула, 2001. С. 100; Галиакбаров Р. Р. Система и виды наказаний. Горький, 1986. С. 4; Дядькин Д. С. К проблеме формализации системы наказаний // Российский следователь. 2006. № 8. С. 46–49.

² См.: Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития : монография / под ред. В. Ф. Лапшина. М., 2018. С. 59–76; Гладких В. И. О соответствии наказаний степени общественной опасности преступлений // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 45.

нение которого возможно в виде как основного, так и дополнительного наказания. Подобный сбой в систематизации видов наказаний относительно друг друга создает возможность назначения такого вида наказания, которое по своему содержанию не соответствует общественной опасности совершенного преступления, и, как следствие, нарушает права и законные интересы всех участников уголовного правоотношения.

В отличие от института уголовного наказания институт иных мер уголовно-правового характера до настоящего времени не получил должной систематизации ни на законодательном, ни на доктринальном уровне. Составляющими данного института (разд. VI УК РФ) являются принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискация имущества (гл. 15.1 УК РФ) и судебный штраф (гл. 15.2 УК РФ). В то же время в разд. VI УК РФ не включены принудительные меры воспитательного воздействия, которые традиционно рассматриваются в качестве структурного элемента института иных мер уголовно-правового характера¹, что может свидетельствовать о несовершенстве действующего уголовного закона в этой части.

Современная уголовно-правовая теория предлагает различные варианты определения видов института иных мер уголовно-правового характера, помимо перечисленных в разд. VI УК РФ: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от уголовного наказания, замена уголовного наказания более мягким видом, судимость²; предусмотренные уголовным законом виды отсрочек отбывания наказания и условное осуждение³. Мы не поддерживаем столь широкий подход к определению границ института иных мер уголовно-правового характера ввиду существенного различия правового содержания между институтами освобождения от уголовной ответственности и наказания, условного осуждения и судимости и институтом иных мер

¹ См.: Боровиков С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних : монография. М., 2008. С. 7–29.

² См.: Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 21.

³ См.: Гареев М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 5; Сундугов Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. С. 56.

уголовно-правового характера, на что многократно обращалось внимание в научной литературе¹.

Классическое учение об иных мерах уголовно-правового характера не определяет их в качестве одной из разновидностей реализации уголовной ответственности, несмотря на то что при их применении лицо вполне может претерпеть лишения и правоограничения, сопоставимые с теми, которые составляют сущность уголовного наказания. Отказ от возможности признания иных мер уголовно-правового характера обосновывался преимущественно социальными или психическими особенностями лица, совершившего уголовно наказуемое деяние. По причине объективной невозможности осознать общественную опасность совершенного деяния, вызванной наличием психического расстройства либо объективным отсутствием должного восприятия социальных ценностей, применение к данным лицам мер уголовной ответственности для достижения социально-превентивных целей является бессмысленным.

На основании этого иные меры уголовно-правового характера – принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия – признавались институтом уголовно-правового воздействия, находящимся за пределами содержания уголовной ответственности. Их реализация никогда не носила карательного характера, поскольку применение осуществлялось не за совершение общественно опасного деяния, предусмотренного соответствующими нормами Особенной части УК РФ, а в связи с совершением данного деяния². Цели, достижение которых должно было обеспечить применяемые меры,

¹ См.: Долгополов К. А., Магомедов Г. Б. Применение иных мер уголовно-правового характера: теоретические аспекты // Власть закона. 2017. № 1. С. 117–124; Костюк М. Ф., Батанов А. Н., Посохова В. А. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера : учеб. пособие. М., 2011. С. 3; Лапшин В. Ф., Килимбаев Р. В. Иные меры уголовно-правового характера: социально-правовые метаморфозы // Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 6 декабря 2018 г.). М., 2019. С. 195–201; Павлова А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 13.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2002. С. 225; Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 161, 191–192; Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти, 2018. С. 315–316.

предполагали надлежащее восприятие лицом реальной действительности и должное отношение к социальным ценностям.

Введенные после принятия действующего уголовного закона виды иных мер уголовно-правового характера – конфискация имущества и судебный штраф – не имеют перечисленных специфических ограничений применения. Их назначение осуществляется за общественно опасное деяние, содержащее в себе все признаки состава преступления. По этой причине решение законодателя о включении данных видов уголовно-правового воздействия в состав института иных мер уголовно-правового характера вызывает в науке справедливую критику¹.

Мы намеренно оставляем проблему теоретической обоснованности отнесения к иным мерам уголовно-правового характера конфискации имущества и судебного штрафа за пределами предмета нашего исследования. В настоящее время имеет место факт официального признания указанных категорий в качестве составляющих института иных мер уголовно-правового характера. По этой причине возникает необходимость ответить на вопрос о возможности признания конфискации имущества и судебного штрафа формами реализации уголовной ответственности.

Конфискация имущества до декабря 2003 г. включалась в систему уголовных наказаний. Ее применение было возможно только в качестве дополнительного наказания². Современная конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера принципиально отличается от конфискации-наказания только по предмету изъятия, видам преступлений, за совершение которых к виновному можно применить конфискацию имущества, а также по целям применения.

Задолго до вступления в законную силу Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в научных работах уже поднимался вопрос о необходимости

¹ См.: Лапшин В. Ф. Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 1. С. 75; Долгополов К. А., Магомедов Г. Б. Указ. соч. С. 118–119; Лобанова Л. В. Правовая природа судебного штрафа и перспективы масштабной декриминализации преступных деяний // Legal-Concept. 2017. № 3. С. 18.

² См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

пересмотра перечня деяний, совершение которых может повлечь за собой применение конфискации имущества как предусмотренной уголовным законом меры государственного принуждения¹. Противники конфискации имущества, в результате которой осужденный мог лишиться любого имущества, не предусмотренного специальным перечнем (личные вещи, предметы первой необходимости и др.), ввели в научный лексикон такой термин, как «специальная конфискация имущества», которая предполагала существенные ограничения возможностей изъятия имущества осужденного².

Содержание современного института конфискации имущества (гл. 15.1 УК РФ) существенным образом отличается от содержания института мер государственного принуждения, применяемых к лицу, признанному виновным в совершении преступления (уголовная ответственность). При ее применении *в первую очередь* решается вопрос о возмещении вреда, который был причинен законному владельцу (ч. 1 ст. 104.3 УК РФ). Такая юридическая особенность может свидетельствовать о том, что современная конфискация имущества прежде всего призвана выполнить функцию компенсации вреда, который был причинен потерпевшему от преступления, что характерно лишь для гражданско-правовых институтов.

Проведенное нами анкетирование профессорско-преподавательского состава вузов показало, что на вопрос «Целесообразно ли включить в содержание уголовного наказания обязательное возмещение потерпевшему ущерба, причиненного преступлением?» положительно ответили 46 % опрошенных, не согласились с этим 50 % опрошенных, иные мнения выразили 4 % (прил. 2). Данный результат также может свидетельствовать о неоднозначности восприятия специалистами возможности вы-

¹ См.: Веселова В. Н. Конфискация в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 7; Дуюнов В. К., Цветинович А. Л. Дополнительные наказания: теория и практика / отв. ред. С. Г. Келина. Фрунзе, 1986. С. 97; Марогулова И. Л. Конфискация имущества как мера наказания по советскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 7.

² См.: Висков Н. В. Специальная конфискация: юридическая природа, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения исполнения : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; Степанов А. А. Правовая природа конфискации имущества (ст. 104.1, 104.2 УК РФ) // Вестник ЯрГУ. Сер. : Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 74.

полнения уголовным наказанием не только карательной, но и восстановительной функции в части нарушенных имущественных прав потерпевшего.

Так же как и конфискация имущества, судебный штраф по юридической природе существенно отличается от традиционных видов иных мер уголовно-правового характера. Он назначается без учета личности лица, совершившего уголовно наказуемое деяние. Анализ соответствующих норм УК РФ не позволяет признать судебный штраф самостоятельным видом освобождения от уголовной ответственности, несмотря на положения ст. 76.2 УК РФ: возмещение ущерба или иное заглаживание вреда лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести, не свидетельствует о полной утрате общественной опасности совершенного деяния и личности преступника. Перечисленные в ст. 76.2 УК РФ позитивные постпреступные действия указывают на пониженную общественную опасность лица, совершившего преступление. Общественная опасность последнего принципиально не меняется даже при учете указанных фактов, имеющих значение для индивидуализации уголовной ответственности. В связи с этим судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера в большей степени соответствует уголовному наказанию в виде штрафа, назначаемому ниже низшего предела (ст. 64 УК РФ), что подтверждается наличием в действующем законодательстве следующих юридически значимых признаков:

- размер судебного штрафа определяется на основании санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ;
- применение судебного штрафа является исключительным правом суда;
- назначение судебного штрафа становится возможным только при выполнении условий, перечисленных в ст. 76.2 УК РФ;
- неуплата судебного штрафа в срок, установленный судом, влечет за собой отмену решения об освобождении лица от уголовной ответственности, после чего последняя реализуется по общим правилам.

В связи с изложенным конфискация имущества и судебный штраф как виды иных мер уголовно-правового характера в действительности по своей правовой природе являются формами реализации уголовной ответственности. Они применяются

судом в отношении лица, которое признано виновным в совершении преступления, что указывает на их юридическую близость к институту уголовного наказания.

Следующие выделенные нами категории «условное осуждение» и «судимость» как в теории, так и на практике рассматриваются в качестве разновидностей реализации уголовной ответственности за совершенное преступление¹. Однако их юридическая природа и обоснованность наличия в уголовном законодательстве в научной литературе оценивается неоднозначно. Нам достаточно трудно согласиться с мнением о том, что условное осуждение представляет собой особую разновидность уголовного наказания или иную меру уголовно-правового характера², хотя бы потому, что данная категория не содержится ни в ст. 44, ни в разделе VI УК РФ.

Толкование положений ст. 73 УК РФ позволяет предположить, что юридическая природа условного осуждения сводится к особому порядку исполнения отдельных видов уголовных наказаний: исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части и лишение свободы на определенный срок – до 8 лет лишения свободы. В этих случаях суд назначает наказание, после чего постановляет считать это наказание условным. Соответственно определяемое в обвинительном приговоре наказание не меняется, а его исполнение осуществляется в специфических условиях, определяемых ст. 73 УК РФ.

Лишения и правоограничения, которые возлагаются судом на условно осужденного в период испытательного срока, сравнимы с лишениями и правоограничениями, представляющими собой содержание самостоятельного вида уголовного наказания в виде ограничения свободы³. Учитывая данное обстоя-

¹ См.: Звечаровский И. Э. Ответственность в уголовном праве. СПб., 2009. С. 37–38; Иванов А. Л. Уголовное наказание, уголовная ответственность, меры уголовно-правового характера // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 168–170; Кошаева Т. О. Уголовная ответственность как вид юридической ответственности // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 47–53.

² См.: Гладких В. И., Дьяконова С. В. Условное осуждение: правовая природа и проблемы применения : монография. М., 2009. С. 4; Рябко Д. А. Уголовно-правовая характеристика условного осуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 8; Эрхитуева Т. И. Условное осуждение: юридическая природа, основания применения и порядок исполнения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 7.

³ См.: Ворогушина Н. А. Ограничение свободы и условное осуждение: вместе или порознь? // Судья. 2016. № 4. С. 34–35.

тельство, отдельные авторы высказывают сомнения в возможности применения условного осуждения в совокупности с ограничением свободы¹, а также обосновывают необходимость исключения из УК РФ наказания в виде ограничения свободы².

Все перечисленное свидетельствует о неоднозначном восприятии в уголовно-правовой науке содержания условного осуждения. Несмотря на различные подходы авторов к его определению, бесспорным является правоограничительный характер мер, которые применяются к осужденному, в отношении которого назначенное наказание суд постановил считать условным. Данное обстоятельство позволяет нам рассматривать условное осуждение в качестве одной из форм уголовной ответственности.

И наконец, реализация уголовной ответственности прекращается гораздо позже, нежели момент исполнения (отбытия) назначенного судом наказания. Это следует из анализа уголовно-правового института судимости, который формально присущ исключительно уголовно-правовым отношениям, поскольку ни одна другая отрасль российской системы права не содержит подобного правового последствия применения наказания (меры ответственности) за совершенное правонарушение. Лишения и правоограничения, которые вызваны наличием у лица, отбывшего уголовное наказание, судимости, распространяются не только на уголовно-правовые отношения, но и на отношения, регламентируемые иными отраслями права: уголовно-исполнительным, трудовым, избирательным, административным, семейным и др.³

Легитимность наличия судимости в отечественном уголовном законодательстве была предметом не только доктринального анализа, но и рассмотрения Конституционного Суда РФ, назначенного «в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граж-

¹ См.: Дядькин Д. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // Уголовное право. 2010. № 3. С. 36–37.

² См.: Лаптев С. А. Условное осуждение или ограничение свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 1. С. 16.

³ См.: Зинин Г. Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. С. 8–9, 15–20.

дан»¹. В итоге Конституционный Суд РФ признал уголовно-правовые нормы о судимости соответствующими Основному Закону России и разъяснил основания для разграничения институтов уголовного наказания и судимости.

Однако в рамках указанного решения из 19 судей двое высказали по данному вопросу особое мнение, которое сводилось к тому, что судимость в действительности представляет собой превентивное, продолжающееся уголовное наказание. На этом основании делается вывод о том, что факт наличия судимости в действующем законодательстве, равно как и ее применение к лицам, в отношении которых полностью исполнено уголовное наказание, противоречит принципам справедливости и гуманизма (Н. В. Витрук). Наличие в уголовном законе института судимости создает реальные предпосылки для нарушения принципа недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление. «Всякая добавка к назначенному наказанию» после отбытия последнего является недопустимой независимо от характеристики личности осужденного и его поведения в процессе и после отбытия уголовного наказания, так как искупление вины в совершенном преступлении обеспечивается реализацией назначенного справедливого уголовного наказания. Большого ни государство, ни общество требовать от осужденного не вправе (А. Л. Коновалов)².

Признавая справедливость приведенных критических замечаний, отметим, что судимость включает в себя лишения и правоограничения, которые возлагаются на осужденного. По этой причине судимость тоже представляет собой форму реализации уголовной ответственности, но при этом не включается в состав уголовного наказания.

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством уголовная ответственность реализуется путем применения уголовного наказания; иных

¹ По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы РФ от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19032003-n> (дата обращения: 15.03.2018).

² См.: Там же.

мер уголовно-правового характера в виде конфискации имущества и судебного штрафа; условного осуждения и судимости. Учитывая указанные обстоятельства, гуманизация уголовного законодательства может реализовываться прежде всего путем смягчения перечисленных форм ее реализации или расширения законодательно устанавливаемых возможностей освобождения от ответственности лиц, признанных виновными в совершении уголовно наказуемых деяний.

1.2. Особенности современной гуманизации уголовного законодательства

Принятый в 1996 году российский уголовный закон должным образом не обеспечил потребности общества относительно предупреждения преступности. Одним из проявлений данного факта стал отмечаемый многими специалистами рост количества осужденных, включая тех, которые отбывали уголовное наказание в местах лишения свободы, что, в свою очередь, стимулировало рост преступности в целом. Строгость УК РФ современные исследователи связывают с необходимостью имеющей место в конце XX века поддержки неокрепших институтов государственной власти, созданных после распада Союза ССР, неадаптированностью правоохранительной системы к борьбе с преступностью в условиях новых рыночных и общественно-политических отношений¹. Эти обстоятельства обусловили потребность во включении в отечественное уголовное законодательство норм о преступлениях, которые не были свойственны советской системе общественных отношений. Однако криминализация указанных деяний неизбежно сопровождалась невозможностью доподлинного осознания их действительной общественной опасности, а в ряде случаев – объективной потребности в их криминализации. Вновь сформированная к началу действия УК РФ система наказаний также оказалась небезупречной, поскольку для некоторых ее видов не были созданы элементарные условия для исполнения, что предопределяло назначение

¹ См.: Гуманизация современного уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов и др. ; под общ. ред. В. П. Кашепова. М., 2015. С. 25.

за многие преступления, в том числе небольшой или средней тяжести, лишения свободы как единственно возможного к исполнению в сложившихся условиях уголовного наказания¹.

Негативные результаты стали проявляться в течение первых десяти лет действия нового уголовного закона. Как уже отмечалось, серьезной проблемой для России начала XXI века стало значительное количество осужденных за преступления различной степени тяжести, содержащихся в местах лишения свободы. Данный факт обозначался как социальная проблема не только представителями гуманитарных наук, но и руководителями высших органов государственной власти. Например, директор ФСИН России в 2008 году высказал предположение о необходимости пересмотра проводимой уголовной политики России, указав на ежегодную положительную динамику роста количества обвиняемых, содержащихся под стражей, а также осужденных к реальным срокам лишения свободы, из которых более 30 % приговариваются не более чем на три года. Им же указывалось, что даже незначительный срок пребывания в местах лишения свободы существенно затрудняет процесс возврата к нормальной жизни в сравнении с ресоциализацией лица, в отношении которого исполнено не связанное с изоляцией от общества уголовное наказание².

В том же году проблема обозначена и Первым заместителем Председателя Верховного Суда РФ В. И. Радченко. Им в средствах массовой информации представлен анализ динамики показателей количества осужденных, приговариваемых к реальным срокам изоляции от общества. Результаты оказались угрожающими: с момента объявления Россией государственного суверенитета к уголовной ответственности было привлечено 15 миллионов человек, треть из которых – с отбыванием наказания в пенитенциарных учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Обращалось внимание, что критикуемая за чрезмерный карательный уклон советская уголовно-исполнительная система во второй половине 80-х годов XX века обеспечивала исполнение лишения свободы в от-

¹ См.: Гаврина А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95–97.

² См.: Калинин Ю. И. Расплатиться за неволю // Российская газета. 2008. 17 сент.

ношении двух с половиной миллионов осужденных, хотя общая численность населения СССР существенно превосходила численность населения России на начало XXI века. Исходя из этого, В. И. Радченко указывал на критическое положение в области установления и реализации уголовной ответственности, сложившееся к 2009 году в России, поскольку каждый десятый ее гражданин уже привлекался к уголовной ответственности, а каждый 28 – отбыл или отбывает реальный срок лишения свободы¹.

Указанные должностные лица особо подчеркивали, что строгость реализации уголовной ответственности в действительности не приводит к социально полезным результатам. Это следует из того, что соответствующие показатели преступности имели прямо пропорциональную зависимость от количества осужденных, и особенно содержащихся в местах лишения свободы. Отсутствие должной системы постпенитенциарной ресоциализации осужденных стимулировало рост наиболее опасных видов преступности: организованной, профессиональной и рецидивной.

Таким образом, к 2009 году стало очевидно, что стремление к строгости реализации уголовной ответственности в действительности не обеспечивает должным образом предупреждение совершения новых преступлений, которое является одной из официальных целей уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), а, напротив, стимулирует количественный и качественный рост преступности в российском обществе. Для преодоления уже формировавшихся кризисных явлений в области назначения и исполнения уголовного наказания высшими органами государственной власти начинает пересматриваться уголовная политика, направленная на смягчение уголовно-правового воздействия. Одной из основных задач реализации данной политики стала гуманизация действующего уголовного законодательства.

Для обеспечения решения этой задачи, начиная с 2010 года, разрабатываются и внедряются в законодательную и правоприменительную деятельность меры, которые призваны обеспечить существенный пересмотр приоритетов уго-

¹ См.: Радченко В. И. Хорошо сидим // Российская газета. 2008. 2 сент.

ловно-правового воздействия на лиц, совершивших преступное деяние. Свидетельством тому может являться принятие программного нормативного акта – Концепции развития уголовно-исполнительной системы России¹ – документа, определившего основные направления совершенствования деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, а также наиболее востребованные в обществе результаты этой деятельности. Принятие указанной Концепции фактически означало официальное признание недопустимости увеличения количества лиц, отбывающих лишение свободы, равно как и широкого распространения применения мер уголовной репрессии в обществе. Здесь же можно указать и на признание в целом недостаточно эффективными тех средств и методов осуществления уголовно-исполнительной деятельности, которые используются современной уголовно-исполнительной системой России.

В современной научной литературе высказывается справедливое сужение о том, что добиться снижения статистических показателей преступности (качественных и количественных; в абсолютном и относительном значениях) можно несколькими способами, отличающимися друг от друга степенью формализации и, как следствие, действительной полезностью для общества. Например, сокрытие выявленных фактов преступной деятельности, необоснованное исключение из уголовного законодательства норм, определяющих преступность и наказуемость отдельных видов общественно опасного поведения, применение внесудебных механизмов освобождения от уголовной ответственности и наказания, а равно иные подобные меры обеспечат лишь внешнее сокращение количественных объемов преступности и численности осужденных. В действительности же перечисленные меры через некоторое время станут причиной осложнения криминогенной обстановки в обществе, поскольку какого-либо действенного предупредительного воздействия на преступность они не оказывают, порождая только безнаказанность

¹ См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544; Мусаелян М. Ф. Развитие альтернативных лишению свободы наказаний – важнейшее направление гуманизации уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 1. С. 15–17.

совершаемых общественно опасных деяний¹. На основании этого в Концепции содержалось указание на то, что органы и учреждения уголовно-исполнительной системы должны обеспечить надлежащее отношение к осужденным в процессе отбытия или исполнения последними уголовного наказания. Ключевым средством исправления осужденного признавалась социальная и воспитательная работа с осужденным, что также не исключало применения и иных средств исправительно-психологического и иного воздействия.

К настоящему времени официально признано, что не все задачи, обозначенные Концепцией для отечественной уголовно-исполнительной системы, были успешно решены за отведенное для этого время, поэтому уже сегодня разработан проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года. В части средств исправительного воздействия принципиальных изменений не наблюдается, так как психологическая работа с осужденными и оказание им социальной помощи, как во время исполнения наказания, так и после его исполнения, остаются ключевыми средствами исправительного процесса².

Качество исполнения уголовного наказания лежит в основе целей его достижения. Однако для обеспечения гуманизации уголовного законодательства фокусироваться только на деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы неверно. Первоочередное значение в этой области отводится действующему уголовному законодательству, которое и закрепляет требуемый баланс между криминализацией и декриминализацией негативных (общественно опасных) форм поведения, а в отношении криминализируемых деяний – тот объем негативного воздействия на осужденного, который определяется как сущность соответствующего вида уголовного наказания. В связи с этим, несмотря

¹ См.: Амутинов А. А. Проблемы естественно-латентной преступности (по материалам Республики Дагестан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. С. 3–4; Гончарова М. В. Преступность в России: аспекты латентности // Российский следователь. 2005. № 11. С. 36.

² Более подробно см.: Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 23 декабря 2016 г. № 2808-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2 (Ч. II). Ст. 413; аналогичные положения содержатся в проекте развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г.; Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 5–6, 10–11 и т. д.

на важность принятой в 2010 году Концепции развития уголовно-исполнительной системы, был необходим по меньшей мере еще один программный документ, который закрепил бы основные направления изменения и дополнения уголовного законодательства для обеспечения гуманизации последнего. Официально такой нормативный акт принят не был, но Общественной палатой РФ в 2013 году была разработана Концепция уголовно-правовой политики РФ, в которой были обозначены основные направления реформирования уголовного законодательства и задачи для обеспечения его гуманизации¹.

Разработанный Общественной палатой РФ проект Концепции определял в качестве одной из целей уголовной политики (п. 5) снижение социальной напряженности, которая неизбежно возникает в результате совершения преступления. Гарантией разрешения данного социального конфликта является справедливость принимаемых решений в отношении и обвиняемого, и иных участников уголовного судопроизводства. Для решения этого вопроса предлагался комплекс мер уголовно-правовой регламентации (п. 6 Концепции – задачи уголовно-правовой политики), к которым относились:

- недопустимость использования при описании признаков преступления оценочных и иных категорий, обеспечивающих возможность неоднозначной интерпретации положений закона о преступности и наказуемости деяния;
- соответствие тяжести деяния, инкриминируемого осужденному, тому объему лишений и правоограничений, которые реализуются в процессе назначенного уголовного наказания;
- соответствие уголовного законодательства и практики его применения стандартам и принципам, которые закреплены нормами международного и конституционного права;
- эффективность реализации мер уголовной ответственности и наказания с обеспечением сбалансированного использования их предупредительной, компенсационной, социально-реинтеграционной и иных функций; и др.

¹ См.: Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации, разработанная Общественной палатой Российской Федерации. М., 2013. URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 01.07.2020).

В части непосредственной модернизации действующего УК РФ Общественная палата РФ предложила изменить подходы к установлению уголовной ответственности за деяния, которые были прерваны на стадиях приготовления и покушения, то есть за неоконченное преступление. Анализ содержания абз. 4 п. 11 указанной Концепции может свидетельствовать о том, что неоконченная преступная деятельность, прерванная на стадии приготовления, не во всех случаях отвечает требованию наличия достаточной общественной опасности для возникновения основания и необходимости применения мер уголовной репрессии¹.

Полагаем, что предложения разработчиков проекта Концепции уголовно-правовой политики, касающиеся как соотношения категорий общественная опасность – наказуемость – воздаяние, так и необходимости пересмотра концептуального подхода реализации уголовной ответственности за неоконченное преступление, особенно в случаях, когда эта деятельность прерывается на стадии приготовления, являются объективными и обоснованными. Содержание института неоконченного преступления не пересматривалось даже фрагментарно за все время действия российского уголовного закона, хотя признать его правовую безупречность вряд ли представляется возможным.

В современной научной литературе обоснованно поднимается вопрос о юридической корректности официального определения неоконченного преступления. По действующему законодательству таковым признается «приготовление к преступлению и покушение на преступление» (ч. 2 ст. 29 УК РФ), хотя в действительности преступление является «деянием», которому присущ ряд юридически значимых признаков, перечисленных в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Отождествление деяния (действия или бездействия) со стадиями его совершения уже может свидетельствовать об отсутствии должного качества законодательной техники формулирования уголовно-правовых предписаний о неоконченном преступлении.

Следует признать спорность установления в большинстве приготовительных действий той общественной опасности, которая была бы достаточна для

¹ См.: Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации, разработанная Общественной палатой Российской Федерации...

привлечения лица к уголовной ответственности, а также признака противоправности – состава преступления. Общеизвестно, что совершаемые на стадии приготовления действия часто легитимны, а потому не могут причинить реальный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Однако при отнесении вида готовящегося преступления к категории тяжкого или особо тяжкого приготовительные к нему действия уже становятся преступными (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Отдельной проблемой уголовной ответственности за неоконченное преступление является непоследовательность правил определения меры ответственности за его совершение. Действующий уголовный закон указывает, что при назначении наказания за неоконченное преступление обязательному сокращению верхних пределов санкции подлежит только наиболее строгое предусмотренное ею наказание. Однако это правило не распространяется на максимальные сроки или размеры иных видов уголовных наказаний, предусмотренных этой же уголовно-правовой санкцией, что создает реальные возможности для назначения одинаковых наказаний как за оконченное, так и за такое же неоконченное преступление.

Все вышеперечисленные обстоятельства указывают на обоснованность заявления представителей Общественной палаты РФ о необходимости пересмотра соответствующих положений российского уголовного законодательства о неоконченном преступлении. Однако, к сожалению, проект указанной Концепции не получил юридической силы, а иные нормативные акты, определяющие направления развития отечественной уголовной политики, органами государственной власти и (или) официальными общественными организациями не разрабатывались ни в 2013 году, ни в более поздние периоды. В связи с этим объявленный процесс гуманизации уголовного законодательства с 2010 года осуществляется без нормативно-стратегических установок.

Отсутствие программного документа, регламентирующего реализацию задач уголовной политики, в целом негативно отражается на процессе изменения действующего уголовного законодательства: вместо целостной системы рефор-

мирования отдельных отраслевых институтов законодатель идет по пути «точечных», иногда не согласованных друг с другом, изменений и дополнений уголовно-правовых норм. Подобная практика подвергается резким осуждениям со стороны отдельных представителей научного сообщества, которые в отдельных случаях определяют российскую уголовную политику XXI века, используя такие термины и словосочетания, как: «кризис», «деградация», «Чего изволите?» и «хаотичный характер»¹.

Мы не преследуем в настоящем исследовании цели полного анализа проводимой уголовной политики и оценки ее результативности, а только ограничиваемся определением основных направлений, по которым осуществляется изменение российского уголовного закона, начиная с 2010 года. Декриминализация деяний, запрещенных нормами Особенной части УК РФ, осуществлялась в основном частично. За это время по отдельным составам преступлений или группам преступлений увеличивался размер криминообразующих признаков состава: крупный размер, особо крупный ущерб и др. (ст. 158, 169, 170.2, 198 УК РФ и др.), введен признак административной преюдиции как обязательного условия для формирования основания уголовной ответственности (ст. 157 УК РФ и др.). Следует отметить, что именно этот вариант усеченной декриминализации получил наиболее широкое распространение в качестве средства гуманизации уголовного законодательства РФ. Полная декриминализация преступных деяний осуществлялась в исключительных случаях: нормы об ответственности за клевету (ст. 129 УК РФ), оскорбление (ст. 130 УК РФ), контрабанду (ст. 188 УК РФ) и др. были исключены из уголовного закона, хотя некоторые из якобы декриминализированных деяний вновь получили статус общественно опасных и уголовно наказуемых – ст. 128.1, 200.1, 200.2 УК РФ и др., что тоже позволяет говорить не о планомер-

¹ См.: Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 15; Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 3; Кибальник А. Г. Уголовный кодекс РФ: двенадцатый год деградации // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 24–35; Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков [и др.]. М., 2017. С. 7; Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития. С. 54–55; Волков К. А. Уголовная политика и судебная практика // Российский судья. 2019. № 2. С. 36.

ном реформировании уголовного законодательства, а о непоследовательности правотворчества.

По инициативе Верховного Суда РФ в настоящее время активно обсуждается еще один вариант декриминализации, реализуемой в рамках процесса гуманизации уголовного законодательства. Он сводится к переводу значительного числа преступлений (преимущественно небольшой или средней тяжести) в категорию уголовного проступка. Указанное решение обеспечит существенное смягчение уголовного наказания, назначаемого виновному в совершении данного преступления-проступка, а также и иных форм реализации уголовной ответственности¹. Целесообразность такого нововведения вызывает большие разногласия в научном сообществе, а потому в настоящее время нельзя дать однозначный ответ о том, насколько оправданным будет это средство гуманизации уголовного законодательства России.

Однако, по мнению специалистов, осуществление декриминализации ряда предусмотренных УК РФ преступлений в действительности не обеспечивает целей гуманизации уголовного законодательства. Во многих случаях происходила подмена исключаемых преступлений новыми деяниями-аналогами, а УК РФ дополнялся нормами о новых видах общественно опасных посягательств, относимых в том числе к категориям небольшой или средней тяжести. Все это явно усложняет и замедляет решение задачи гуманизации российского уголовного закона².

¹ См.: О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 октября 2017 г. № 42. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=517495#0613473341626338> (дата обращения: 27.03.2018).

² См.: Басова Т. Б. Кодификация уголовного закона России: нужна ли поспешность в конструировании новых составов преступлений? // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее : материалы VIII Рос. конгресса уголовного права. М., 2013. С. 265–268; Килимбаев Р. В. Ответственность за неоконченное преступление в контексте современной уголовной политики // Уголовная ответственность и наказание : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Рязань, 18 мая 2018 г.) / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2018. С. 97–102; Коробеев А. И. Уголовная политика России: состояние и перспективы // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 249; Парог А. И. Уголовной кодекс России против терроризма // LEXRUSSICA. 2017. № 4. С. 155–178.

Самостоятельным видом гуманизации российского уголовного закона можно признать принятое в 2011 году решение (Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) об исключении нижних границ санкций значительного количества норм Особенной части УК РФ, что существенно увеличило возможности смягчения назначаемого наказания. Такое решение стало предметом наибольшего количества критических замечаний, высказываемых в научной литературе. В действительности это привело не столько к смягчению уголовного наказания, проявляющегося в его заниженных сроках или размерах, определяемых в приговоре, сколько к нарушению правил осуществления дифференциации уголовной ответственности, в основу которой положена общественная опасность преступного деяния. Вопиющим примером непродуманности такого решения стало законодательное закрепление возможности назначения двухмесячного лишения свободы за совершение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в том числе повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ст. 111 УК РФ). Подобное нарушение правил дифференциации уголовной ответственности имеется в нормах почти каждой главы Особенной части УК РФ, что свидетельствует о его системном характере. Учитывая данное обстоятельство, представители уголовно-правовой науки обоснованно критикуют применение шаблонного метода исключения нижних пределов санкций статей Особенной части, указывая, что подобным образом создаются предпосылки нарушения принципа справедливости при вынесении обвинительных приговоров. Гуманизация уголовного законодательства, реализуемая подобными средствами, не может обеспечить достижения общественно полезных целей, поскольку порождает безнаказанность осуществления преступной деятельности, чрезмерную мягкость назначаемого уголовного наказания, явно не соответствующего общественной опасности совершенного преступления. Все эти обстоятельства могут спровоцировать существенное увеличение количества совершаемых преступлений¹.

В качестве предмета гуманизации законодатель использовал уголовно-правовые нормы не только о преступлении, но и об уголовном наказании. В этой

¹ См.: Миненок М. Г. Преступность и ее предупреждение: реальность и фикция // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2012. № 9. С. 79.

части следует отметить попытку расширить возможности назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества и представляющих собой альтернативу лишению свободы¹. В контексте указанного направления гуманизации уголовного законодательства система уголовных наказаний была дополнена специфическим видом наказания – принудительными работами, которые получили официальное закрепление альтернативного лишению свободы уголовного наказания (ст. 53.1 УК РФ).

Мы полагаем, что введение в действие данного наказания также не повлечет за собой принципиальных изменений в области гуманизации уголовного закона. Это связано с тем, что принудительные работы по существу представляют собой не альтернативу лишению свободы, а его аналог, отбываемый в наиболее льготных условиях. Обращает на себя внимание и то, что принудительные работы не могут быть назначены самостоятельно: в соответствии с установленными требованиями осужденному изначально должно быть назначено наказание в виде лишения свободы, и только потом суд по своему усмотрению может применить в отношении данного лица более мягкую альтернативную меру государственного принуждения – принудительные работы. Установление такого механизма назначения наказания, а также сопоставительный анализ положений уголовно-исполнительного законодательства о принудительных работах и лишении свободы, отбываемом в колонии-поселении, свидетельствуют о справедливости сделанного предположения.

Думается, что попытка законодателя увеличить количество наказаний, которые не предполагают в процессе исполнения изолированное содержание осужденного от общества, не имеет ключевого значения для решения задачи гуманизации уголовного законодательства. Для этого необходимо исключение из УК РФ норм о преступлениях, не представляющих значительной общественной опасности, за которые возможна реализация мер иной юридической ответственности, отвечающих требованиям принципа справедливости. Как это ни странно, но анализ

¹ См.: Скобелин С. Ю. Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века // LEXRUSSICA. 2016. № 4. С. 134.

поправок в УК РФ указывает на противоречивую ситуацию в области реформирования уголовного законодательства: при решении общей задачи гуманизации в уголовном законе с 2010 года установлена ответственность за 83 вида преступных посягательств (учитываются нормы, содержащие признаки только основного состава преступления), из которых 52 и 18 относятся к категориям небольшой и средней тяжести соответственно (84 %). На этом фоне декриминализация только шести видов уголовно наказуемых деяний явно не способна обеспечить должное решение задачи гуманизации уголовного законодательства, что не снимает актуальность поиска решений противодействия преступности путем изменений и дополнений российского уголовного закона.

Объективность вывода о нерешенности проблемы противодействия преступности подтверждается и данными официальной статистики: количество лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной системы, по состоянию на 1 мая 2020 г. составило 511 030 чел., что не превышает 66,8 % от аналогичного показателя 2011 г.¹ Несмотря на столь значительное снижение количества заключенных, общие показатели состояния преступности в России снизились только на 16 %². На основании этого наиболее перспективным направлением гуманизации уголовного законодательства является определение не представляющих существенной общественной опасности групп преступлений, декриминализация которых не повлечет за собой возникновения пробела в российском уголовном законе. Именно поэтому определенным резервом для решения указанной задачи в настоящее время является институт неоконченного преступления. Крайне спорная общественная опасность действий, совершаемых на стадии приготовления, действительное отсутствие признаков состава преступления в указанном деянии, а также почти что недифференцированный подход к наказуемости неоконченного преступления указывают на перспективность смягчения уголовной ответственности за его совершение.

¹ См.: Статистические данные // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <http://фсин.рф/statistics> (дата обращения: 01.07.2020).

² См.: Состояние преступности. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.07.2020).

Таким образом, сокращение возможностей реализации уголовной ответственности за неоконченное преступление, а также корректировка правил назначения наказания за его совершение отвечают интересам общества и государства в части решения задачи гуманизации уголовного законодательства и естественного уменьшения количества ежегодно регистрируемых преступлений на территории России. Для этого необходимо осуществление глубокого и всестороннего исследования общественной опасности и противоправности признаков неоконченного преступления, а также особенностей его уголовной наказуемости.

Глава 2. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ОКОНЧЕННОГО И НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. Социально-правовое содержание общественной опасности преступления и критерии ее оценки

Действующий уголовный закон называет общественную опасность в качестве одного из признаков преступления, что уже само по себе свидетельствует о высокой значимости данной уголовно-правовой категории. Однако современная наука уголовного права до настоящего времени не предложила универсального подхода к определению природы общественной опасности¹. Исследователями представлены обоснования диаметрально противоположных точек зрения: от признания общественной опасности в качестве основания для осуществления межотраслевой дифференциации юридической ответственности² до нецелесообразности ее использования даже в рамках уголовного законодательства³. В то же время и среди ученых, не ставящих под сомнение значимость общественной опасности деяния как социально-правовой категории, нет единства в вопросах об определении ее сущности и границах сферы применения.

С определенной долей условности все имеющиеся в современной научной литературе суждения о природе и содержании общественной опасности деяния, запрещенного уголовным законодательством или имеющего действительный потенциал для криминализации, можно подразделить на следующие виды:

— социологические (криминологические);

¹ См.: Воронин В. Н. Индивидуализация наказания с учетом характера и степени общественной опасности // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 113; Килимбаев Р. В. Общественная опасность и критерии ее оценки // Пенитенциарная наука : научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН России. 2019. Т. 13(3). С. 330–335.

² См.: Кругликов Л. Л. Преступление как основание дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 29–30 янв. 2009 г.). М., 2009. С. 45–46.

³ См.: Красиков Ю. А. Множественность преступлений: социальная сущность и проблемы уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 12; Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. С. 90–94.

- правовые;
- технико-юридические.

Социологический (криминологический) подход к определению природы общественной опасности предоставляет достаточно широкие возможности в установлении границ изучаемого феномена¹. Отдельные исследователи рассматривали общественную опасность в качестве основания для осуществления межотраслевой дифференциации юридической ответственности, составляющей уголовно-правового принципа справедливости, критерия для выбора вида и размера (срока) уголовного наказания, условия для применения поощрительных уголовно-правовых норм.

Дефиниции общественной опасности в действующем уголовном законе не содержится, что позволяет многим авторам формулировать ее содержание путем буквального и расширительного толкования используемых законодателем терминов: «общественная» – «социальная»; «опасность» – «вредоносность» и др. Юридическая неопределенность пределов общественной опасности при рассмотрении ее в качестве одного из признаков преступления породила выдвижение различных, иногда и противоположных, суждений относительно ее социальной сущности. Так, некоторые авторы утверждают, что общественная опасность является определяющим объективным свойством любого преступления² или объективной вредоносностью деяния и последствий его совершения³. Одним из первых данный постулат сформулировал Ч. Беккариа, указав, что истинным мерилом преступления является тот вред, который причиняется обществу в результате его совершения⁴. По этому поводу А. А. Пионтковский писал: «Общественная опасность преступного деяния порождает

¹ См.: Фефелов П. А. Общественная опасность преступного деяния // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 138; Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002. С. 107–108.

² См.: Гребенкин Ф. Общественная опасность и ее характеристики // Уголовное право. 2006. № 1. С. 23; Лупарев Д. А. Общественная опасность как объективное свойство преступных последствий // Российский следователь. 2007. № 5. С. 14; Макаров А. В. Проблемы определения объекта общественно опасного деяния // Российский судья. 2005. № 10. С. 21.

³ См.: Новоселов Г. Без преступных последствий нет преступления // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 56.

⁴ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004. С. 98.

ется тем, что оно или непосредственно наносит вред социалистическим общественным отношениям, или заключает в себе возможность причинения соответствующего ущерба»¹. Впоследствии о действительном содержании общественной опасности преступления полемизировали многие ученые, но при этом все принципиально соглашались с ее главным свойством – наличие реального или потенциального вреда общественным отношениям².

С развитием гуманитарных знаний о преступлении содержание общественной опасности было дополнено иными объективными характеристиками деяния, как-то: объект посягательства, вид и размер причиненного ущерба, способ совершения посягательства и т. п.³ Некоторые авторы акцентировали внимание на том, что при характеристике общественной опасности предпочтительнее использовать термин «вред», а не «ущерб». По своему содержанию вред представляет собой любые разновидности негативных последствий, которые наступают или могли бы наступить после совершения общественно опасного деяния. В свою очередь, ущерб характеризует исключительно материальные реально наступившие последствия от совершения посягательства на соответствующий вид общественных отношений, что явно недостаточно для осуществления полной и всесторонней характеристики феномена общественной опасности⁴.

Мнение о необходимости определения общественной опасности деяния только путем оценки его объективных признаков представляется несколько дискуссионным, поскольку перечисленные авторами критерии явно недостаточны для

¹ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 157.

² См.: Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 709; Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении : избр. лекции. М., 2008. С. 24–25; Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8.

³ См.: Мальцев В. В. Проблема отражения общественно опасного поведения в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 9; Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовой санкции. Аксиологические аспекты. Л., 1976. С. 122; Рясков А. И. Принцип справедливости в назначении наказания при множественности преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 69.

⁴ См.: Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного закона : учеб. пособие. М., 1989. С. 39; Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. М., 2001. С. 95; в современной научной литературе можно встретить и противоположное мнение. См.: Гребенкин Ф. Указ. соч. С. 22; Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 36–56.

криминализации, что подтверждается анализом действующих норм Особенной части как отечественного, так и зарубежного уголовного законодательства. Достаточно большое число деяний признаются преступными только в случаях их умышленного совершения. Напротив, совершение тождественных действий, но по неосторожности, влечет за собой отказ в признании общественной опасности деяния и, как следствие, его уголовной противоправности: преступления в сфере экономической деятельности, экологические преступления и др.

Некоторые ученые настаивают на необходимости включения в социальное содержание общественной опасности как объективных, так и субъективных характеристик. Общественную опасность, по их мнению, формируют не только (а иногда не столько) объективные свойства деяния и его последствий. Существенное влияние на определение общественной опасности деяния оказывает личность совершающего это деяние¹. Отдельные авторы предпочитали конкретизировать содержание личности преступника как категории, определяющей общественную опасность деяния. Например, Н. Ф. Кузнецова не допускала возможности влияния личности преступника на характеристику общественной опасности, в то же время не отрицала факта формирования общественной опасности деяния юридически значимыми особенностями специального субъекта преступления². Данный подход к определению содержания общественной опасности подвергался научной критике, поскольку не предполагал оценку влияния формы и вида вины на определение общественной опасности деяния.

Еще одна группа сторонников объективно-субъективного подхода предложила рассматривать общественную опасность в качестве социально-правового явления, включающего в себя объективные характеристики вредоносности дея-

¹ См.: Герцензон А. А. Понятие преступления в советском уголовном праве. М., 1955. С. 52; Дурманов Н. Д. Понятие преступления / отв. ред. М. Д. Шаргородский. М. ; Л., 1948. С. 164; Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1992. С. 8, 16; Мальцев В. В. Проблема отражения общественно опасного поведения в уголовном праве. С. 9–10; Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 11.

² См.: Кузнецова Н. Ф. Глава II. Признаки (свойства) преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. СПб., 2005. С. 67.

ния, а равно форму и вид вины, имевшие место в момент его совершения¹. Сформулированное подобным образом предложение нашло свое закрепление в действующем уголовном законодательстве: в соответствии со ст. 15 УК РФ одним из оснований для отнесения любого вида преступления к той или иной категории признается форма вины, имевшая место при совершении уголовно наказуемого деяния.

Довольно интересный подход в этой части демонстрируют Э. С. Мурадов и П. С. Яни, предлагая рассматривать общественную опасность деяния и вину, имевшую место при его совершении, как составляющие более емкой, по их мнению, уголовно-процессуальной категории виновности, которая в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ является одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу².

Некоторые представители уголовно-правовой доктрины допускают возможность определения общественной опасности деяния с учетом различных обстоятельств объективного и субъективного значения, включая и те, которые действующим уголовным законом признаются смягчающими или отягчающими уголовное наказание³.

Нам представляется неоправданным и столь широкий подход к возможности определения общественной опасности деяния. Несмотря на свою обстоятельность, предлагаемые авторами варианты ее определения фактически включают в себя все юридически значимые признаки преступления, состава преступления, а также обстоятельства, учитываемые в процессе индивидуализации уголовной ответственности. Это приводит к фактической невозможности определения общественной опасности как одной из составляющих преступности деяния, а равно к смешению ее содержания с категорией общественной опасности преступника.

¹ См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 33; Рясов А. И. Указ. соч. С. 78; Ширшов А. А. Указ. соч. С. 26.

² См.: Мурадов Э. С., Яни П. С. Вина, виновность, общественная опасность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2007. № 1. С. 13–18.

³ См.: Мельникова Ю. Б. Указ. соч. С. 38; Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. С. 107–108.

Разновидностью подхода к определению социальной природы общественной опасности является ее качественное соотношение с преступностью деяния. Деяние признается преступным и, как следствие, уголовно наказуемым только в том случае, если на первоначальной стадии процесса нормотворчества устанавливается его общественная опасность¹.

Некоторые исследователи полагают, что первоочередным признаком преступления является его уголовная противоправность. Исходя из этого общественной опасностью обладает то деяние, совершение которого запрещено соответствующей нормой уголовного закона. В свою очередь, если деяние не предусматривается в УК РФ, то оно не обладает общественной опасностью или его общественная опасность недостаточна для криминализации².

Данная точка зрения была подвергнута справедливой критике. Замечания сводились к тому, что законодатель не способен по собственному волеизъявлению менять социальную сущность деяния, наделяя или лишая его общественной опасности в процессе принятия или исключения соответствующих норм уголовного закона³. Кроме того, А. Э. Жалинский, критикуя подобный формалистский подход, указал на недопустимость фактического отказа от осмысления и оценки общественной опасности деяния на том основании, что оно уже нашло законодательное закрепление⁴.

Полностью соглашаясь с позицией А. Э. Жалинского, дополнительно отметим, что определение общественной опасности на основании состоявшегося факта признания деяния преступлением не в полной мере соответствует одному из правил формальной логики о причине и следствии. Так, деяние изначально должно быть признано общественно опасным, что и будет основанием для его последующего

¹ См.: Уголовное право России. Часть Общая : учебник / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2013. С. 91.

² См.: Кузнецова Н. Ф. Избр. тр. СПб., 2003. С. 34; Лупарев Д. А. Указ. соч. С. 13–14; Малков В. П. Характер и степень общественной опасности преступлений в системе общих начал назначения наказания // Российская юстиция. 2008. № 9. С. 41; Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 117–122.

³ См.: Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования. Минск, 1990. С. 38–39.

⁴ См.: Жалинский А. Э. Общественная опасность преступления в структуре уголовно-правовой оценки деяния // Избр. тр. : в 4 т. Т. 2. Уголовное право. М., 2015. С. 129.

официального признания преступлением. В противном случае общественная опасность может устанавливаться применительно к любому виду закрепленного в уголовном законе деяния, что в отдельных случаях далеко небесспорно: ст. 130, 200 УК РФ, а также ч. 1 ст. 169, 138.1, 172.1 УК РФ и др. Для недопущения случаев включения в уголовное законодательство видов деяний, явно не обладающих достаточной для преступления общественной опасностью, например, неоконченной преступной деятельности, прерванной на стадии приготовления, необходимо изначально решить проблему о тех критериях общественной опасности, совокупность которых гарантированно обеспечит установление основания для последующей криминализации. Думается, что данная задача останется неразрешимой в условиях применения социологического (криминологического) анализа онтологии общественной опасности по причине высокой степени абстрактности и противоречивости получаемых в результате изучения характеристик.

Пример неоконченной преступной деятельности, прерванной на стадии приготовления, как деяний, не обладающих общественной опасностью, выбран нами не случайно. Вред или непосредственную (реальную) угрозу причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям действия лица, совершаемые на стадии приготовления, нанести (представлять) не могут. Так, изучая график работы собственников жилища в целях последующего совершения хищения, лицо, планирующее данное преступление, прав собственности еще не нарушило, как и не создало угрозы их нарушения. Даже многократное выполнение перечисленных действий не создает реальной угрозы охраняемым уголовным законом отношениям собственности. В связи с этим приготовительные к совершению преступления действия не характеризуются достаточным объемом общественной опасности, присущей преступлению. Исключение составляют случаи, когда на стадии приготовления лицо совершает деяние, содержащее в себе признаки самостоятельного состава преступления: хищение оружия для последующего совершения убийства.

Правовое содержание общественной опасности прежде всего сводилось к признанию ее первым юридически значимым признаком преступления. Здесь

следует сделать оговорку, что общественная опасность как уголовно-правовая категория используется не только для характеристики преступления. Подтверждением этому является многократное упоминание об общественной опасности в нормах, раскрывающих содержание различных институтов Общей части УК РФ: принцип справедливости, детализированный в общих началах назначения наказания (ст. 6, 60), категории преступлений (ст. 15), лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние (ст. 20–22), отдельные обстоятельства, исключающие преступность деяния (ст. 37, 38). Исходя из этого определение тех составляющих, наличие которых обеспечивает факт признания совершенного деяния общественно опасным, имеет весьма важное значение не только для определения преступности, но и для его уголовной наказуемости. Последнее находит свое выражение в решении вопроса о целесообразности применения наказания или иной меры уголовно-правового воздействия.

Однако исключительность общественной опасности как признака преступного деяния в настоящее время полностью согласуется с содержанием норм различных отраслей российской системы права, устанавливающих ответственность за совершение тех или иных правонарушений. Только для определения преступления законодатель в совокупности с иными юридически значимыми признаками использует категорию «общественная опасность», хотя и не раскрывая ее содержания. Правонарушения, предусмотренные нормами иных отраслей права: административного, трудового, уголовно-исполнительного, гражданского и др., официально определяются без указания на их общественную опасность. Это создает предпосылки для вывода о правовой исключительности общественной опасности как признака преступления¹.

Спор о наличии или об отсутствии общественной опасности (вредоносности) в правонарушениях, которые не предусмотрены нормами уголовного законодательства, вряд ли носит содержательный характер. Любое правонарушение в той или иной мере причиняет вред отдельно взятому индивиду, обществу и (или) государ-

¹ См.: Васильев Э. А. Общественная опасность – основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений // Государство и право. 2007. № 4. С. 84–90; Гонтарь И. Я. Категория общественной опасности в российском уголовном праве: история становления и современное понимание // История государства и права. 2008. № 2. С. 8–9; Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 189.

ству, а потому каждое из них представляет вред для сложившихся в обществе отношений. В то же время общественная опасность, понимаемая в узком, сугубо юридическом значении, является признаком преступления, поскольку последнее представляет собой посягательство на особо значимые для общества отношения.

В процессе изучения общественной опасности как материального признака преступления было сформулировано предложение о выделении специфических свойств данного феномена: характера и степени. Указанное предложение впоследствии получило широкую поддержку в научной литературе и на сегодняшний день разделяется многими представителями уголовно-правовой науки¹, а общественная опасность рассматривается в первую очередь в качестве собирательной уголовно-правовой категории.

Характер общественной опасности является качественной определенностью преступного деяния, тогда как степень – количественной. Характер общественной опасности прежде всего формируют основной объект посягательства и форма вины, а в ряде случаев – некоторые обстоятельства, имеющие юридическое значение: предмет посягательства, способ его совершения, возраст злоумышленника, цель совершения посягательства и др. Практическое значение характера общественной опасности видится, во-первых, в обеспечении возможности выделения из общего массива правонарушений тех, которые заслуживают именно уголовно-правовой регламентации, а во-вторых, в осуществлении разделения и расположения относительно друг друга разнородных и однородных видов преступлений в Особенной части уголовного закона.

В отличие от характера, степень общественной опасности не признается основанием для осуществления межотраслевой дифференциации юридической ответственности, однако она позволяет фиксировать существенное изменение общественной опасности уголовно наказуемого деяния при наличии различных юридически значимых признаков, во-первых, неучитываемых при определении характера общественной опасности, а во-вторых, не зависящих от индивидуальных особенностей ли-

¹ См.: Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. для академ. бакалавриата. М., 2020. С. 67; Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М., 2015. С. 100.

ца, совершающего деяние. Степень общественной опасности представляет собой количественную характеристику последней. Она изменяется в зависимости от установления юридически значимых признаков, свидетельствующих о существенном увеличении или уменьшении общественной опасности деяния, уже признанного преступным: квалифицирующие и привилегирующие признаки, обстоятельства, смягчающие и отягчающие уголовное наказание, и др. Универсальность этих признаков позволила признать степень общественной опасности в качестве типовой категории, применяемой для осуществления дифференциации исключительно уголовной ответственности за совершение юридически однородных и тождественных деяний¹.

Признание наличия в содержании общественной опасности деяния ее характера и типовой степени тем не менее не сняло споры по поводу определения тех признаков (свойств, особенностей, критериев, качеств и т. п.), которые формируют указанные качественную и количественную составляющие общественной опасности. При практическом применении уголовно-правовых предписаний определить наличие или отсутствие общественной опасности в конкретном деянии крайне сложно. В связи с этим было высказано мнение о том, что для установления общественной опасности необходимо определить те виды деяний, которые всегда признавались наиболее вредными для общества независимо от существующего политического строя, формы правления, государственного устройства и т. д. Исходя из этих посылок делается заключение, что своеобразной константой общественной опасности во все времена признавались нарушения заповедей, перечисленных в Священных Писаниях различных мировых религий – аналогов источников уголовного права. В современных условиях деяние может признаваться общественно опасным и претендовать на уголовно-правовую регламентацию только в случае, когда оно сопряжено с нарушением, по меньшей мере, одной заповеди Закона Божьего: «не убивай», «не кради» и др.²

¹ См.: Кругликов Л. Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве // Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права : избр. ст., 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. С. 45–50.

² См.: Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2016. С. 280–282.

Высказанное мнение, несмотря на выдержанную временем проверку, все же нуждается в конкретизации, особенно в условиях практического применения. Все заповеди, содержащиеся в Священных Писаниях, по существу представляют собой лишь общие установки социально одобряемого поведения. Данная проблема в современном уголовном законодательстве полностью решена, поскольку структура Особенной части УК РФ сформирована с учетом обеспечения охраны наиболее важных и значимых прав и свобод личности, а также интересов общества и государства. Все виды запрещаемого религиозными заповедями поведения уже предусмотрены в уголовном законе в качестве преступлений, однако проблема универсального определения общественной опасности, к сожалению, остается неразрешенной.

В научной литературе имеются и иные предложения об определении общественной опасности преступного деяния. Например, Е. В. Епифанова сформировала систему оценки общественной опасности деяния, в которую включила следующие подлежащие учету факторы:

- значительность причиняемого деянием вреда;
- соотношение политических сил в обществе;
- содержание международных обязательств, принятых на себя Российской Федерацией;
- религиозные каноны, признаваемые большей частью населения России в качестве обязательных правил поведения;
- нормы морали и нравственности;
- действующая социально-экономическая доктрина и исторические особенности развития государства;
- данные о распространенности деяния, получаемые из официальных источников, социологических опросов и т. д.;
- современные научные представления об опасности деяния¹.

Практическая пригодность предложенной автором системы критериев вызывает определенные сомнения. Большинство элементов этой системы носят не-

¹ См.: Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М., 2012. С. 62–63.

конкретизированный и субъективный характер: «соотношение политических сил», «содержание международных обязательств», «социально-экономическая доктрина» и др., вследствие чего произвести на их основании оценку общественной опасности преступного деяния крайне затруднительно.

Различные варианты определения общественной опасности деяния в целом, равно как по отдельности составляющих ее «характера» и «степени», предлагались многими исследователями данного социально-правового феномена. Так, при решении вопроса о наличии в деянии общественной опасности предлагалось учитывать: ценность благ, на которые направлено посягательство, качественные и количественные характеристики причиняемого вреда, способ совершения посягательства, личные качества посягающего, содержание вины, мотивов и целей и др.¹ Однако многие из предлагаемых авторами критериев определения общественной опасности деяния (характера, степени) не поддаются практическому определению, что приводит к объективной трудности или невозможности юридической констатации наличия (отсутствия) общественной опасности деяния.

Юридический (формально-юридический) подход к определению общественной опасности предполагает наличие ее официального определения и (или) толкования. Российский уголовный закон, как уже отмечалось, не содержит определения общественной опасности как признака преступления. Пленум Верховного Суда РФ ранее определял, что характер общественной опасности конкретного деяния зависит от объекта преступного посягательства, формы вины и категории совершенного преступления. Степень общественной опасности включает в себя различные обстоятельства, установленные в ходе производства по уголовному делу, а именно: степень реализации преступного намерения, способ совершения деяния, размер причиненного ущерба и иных вредных последствий и т. д.² Данные разъяснения служили ориентиром для определения меры ответственности за совершенное деяние в процессе ин-

¹ См.: Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации : монография. М., 2016. С. 13; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А. С. Михлина. М., 2004. С. 55.

² См.: О практике назначения судами уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 (утратило силу) // Российская газета. 1999. 7 июля.

дивидуализации уголовной ответственности, а также могли учитываться в процессе законотворчества для определения возможности криминализации соответствующего вида поведения, обладающего общественной опасностью. Однако в настоящее время приведенное постановление Пленума Верховного Суда РФ утратило силу, а действующие разъяснения высшей судебной инстанции включают в содержание общественной опасности довольно значительный перечень юридических и фактических обстоятельств, чрезмерно усложняя процесс ее установления¹.

Категории «общественная опасность» или «общественная вредность» редко используются в уголовном законодательстве зарубежных государств, и, как правило, без раскрытия юридической природы или критериев оценки: характера и степени. Так, УК Болгарии содержит указание на «несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задержанным лицом преступления», которое используется при описании соответствующего обстоятельства, исключающего преступность деяния².

В ч. 2 ст. 37 УК Швейцарии общественная опасность характеризует осужденного, который при наличии иных предусмотренных уголовным законом условий может быть направлен для отбытия наказания в виде каторжной тюрьмы или тюремного заключения в пенитенциарное учреждение с более строгими условиями содержания заключенных. Эта же категория используется в ч. 1 ст. 43 УК Швейцарии для характеристики невменяемого лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, которому суд может назначить принудительное содержание в специальном учреждении³. Аналогичное значение общественной опасности придает эстонский законодатель, описывая состояние душевнобольного лица, со-

¹ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. 2015. 29 дек.

² См.: Уголовный кодекс Республики Болгария. Ст. 12а // Уголовные кодексы мира. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-bolgarii> (дата обращения: 30.10.2020); Килимбаев Р. В. Особенности регламентации института неоконченного преступления в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран // Наука и жизнь Казахстана. Астана, 2017. № 6 (51). С. 128–129.

³ См.: Уголовный кодекс Швейцарии // Уголовное право Швейцарии. Законодательство Швейцарии. Швейцария деловая. URL: <https://business-swiss.ch/wp-content/uploads/2020/04/311.0-4.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).

вершившего запрещенное уголовным законом деяние и нуждающегося в применении специальных медицинских мер воздействия¹.

В УК Японии термин «общественная опасность» используется в качестве одного из юридически значимых признаков при описании отдельных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка: поджог иных объектов (ст. 110), взрыв взрывоопасного предмета (ст. 117), затопление (ст. 120) и др.² Однако общественная опасность употребляется в значении «создание угрозы» и не относится к характеристике преступления в целом.

По этим причинам существенный интерес представляет польский законодательный опыт определения составляющих общественной опасности. Так, в соответствии с § 2 ст. 115 УК Польши оценка общественной вредности включает в себя:

- вид и характер нарушенного блага;
- размеры причиненного или возможного вреда;
- способ и обстоятельства совершенного деяния;
- значимость нарушенных виновным обязанностей;
- степень вины;
- мотивы совершения преступления;
- вид нарушенных правил предосторожности и степень их нарушения³.

Наличие в польском уголовном законе отдельных критериев, на основании которых определяется общественная вредность (опасность) преступления, заслуживает самого пристального внимания. Все перечисленные признаки оказывают непосредственное влияние не только на правоприменителя (в процессе квалификации преступления и назначения меры ответственности за его совершение), но и на законодателя (в процессе уголовного правотворчества). При криминализации того или иного деяния возникает необходимость установления вида объекта уголовно-правовой охраны, возможности описания с предельной

¹ См.: Уголовный кодекс Эстонской Республики. Ст. 59 // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=446> (дата обращения: 30.10.2020).

² См.: Уголовный кодекс Японии // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 30.10.2020).

³ Kodekskarnydznia 6 czerwca 1997 r. / USTAWADz.U. 1997 Nr 88 poz. 553 Kancelaria Sejmu. 13.04.2018. S. 43.

конкретизацией действия (действий) или бездействия, различных особенностей личности преступника, а также его внутренних побуждений, спровоцировавших общественно опасное поведение.

Значимость выделения критериев общественной опасности в настоящее время признана Пленумом Верховного Суда РФ, который в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 перечисляет юридически значимые факты, определяющие характер и степень общественной опасности преступления: признаки состава преступления, направленность деяния, причиненный вред, способ совершения преступления и др. Однако данное решение не может быть признано достаточным, поскольку этот вопрос должен решаться на уровне уголовного закона, то есть нормативного акта, признаваемого источником отрасли уголовного права. Анализ перечисленных характеристик позволяет провести аналогию с содержанием элементов состава преступления, установление которого в совершенном деянии является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ).

С учетом приведенного положительного опыта польского законодателя полагаем, что наиболее рациональное предложение по поводу юридического содержания общественной опасности и ее определения в процессе правотворческой деятельности сформулировано А. Э. Жалинским. Он рассматривал все закрепленные в ч. 1 ст. 14 УК РФ признаки преступления исключительно в качестве юридических конструкций¹, а не социальных или правовых явлений. Общественная опасность, по мнению А. Э. Жалинского, является юридической конструкцией и определяется путем установления совокупности взаимодействующих друг с другом системных элементов – состав общественной опасности, который отражает факты реальной действительности, описанные на языке права. Отсутствие возможности установления одного или нескольких элементов общественной опасности влечет за собой принятие решения о ее отсутствии в соответствующем деянии, то есть отсутствии преступления². На этом основании автор предлагает выделять следующие элементы состава общественной опасности:

¹ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М., 2018. С. 350.

² См.: Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / сост. К. А. Барышева и др. М., 2014–2016. С. 235.

- охраняемое правовое благо и его признаки: социальную ценность, уязвимость и возможность охраны этого блага;
- посягательство как объективную сторону деяния и его признаки: насилие, обман, пренебрежение обязанностями или долгом;
- нарушение социальных благ и интересов и его признаки: реальную опасность благам, угрозу, вред различного содержания и интенсивности¹.

Предложенный перечень элементов является, по убеждению автора, исчерпывающим. В связи с этим обращает на себя внимание факт отказа от включения в систему элементов состава общественной опасности вины: формы и вида. Наличие объективных характеристик нарушаемых общественных отношений, деяния, его последствий и т. п. не во всех случаях определяют наличие общественной опасности, достаточной для криминализации соответствующих действий или бездействия. Выработанные уголовно-правовой наукой характеристики вины имеют не менее важное значение по сравнению с объективными признаками общественной опасности деяния, в связи с чем обязательно должны учитываться при определении ее характера и типовой степени².

Однако, несмотря на непризнание автором вины в качестве самостоятельного элемента, значение предложенной им системы переоценить невозможно. Общественная опасность является базовым началом для признания деяния преступным, поэтому установление социальной природы общественной опасности любого поведения на ранних стадиях нормотворческого процесса позволит существенно снизить степень возможности криминализации деяний, в действительности не обладающих общественной опасностью. Ясное представление об элементах общественной опасности деяния, признанного преступлением, повысит технико-юридическое качество уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за его совершение. В диспозиции нормы Особенной части УК РФ будет необходимо конкретизировать каждый из элементов общественной опасности де-

¹ См.: Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / сост. К. А. Барышева и др. С. 235.

² См.: Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. М., 1960. С. 210–211; Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 159; Кругликов Л. Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве. С. 47–50.

яния и выстраивать их в иерархическом порядке в зависимости от значимости нарушаемых социальных благ и интересов.

Определение общественной опасности деяния путем обозначения и последующего установления совокупности характеризующих ее элементов имеет существенное практическое значение. Осуществляемая подобным путем оценка наличия общественной опасности, достаточной для последующей криминализации соответствующего деяния, существенно облегчается ввиду относительной простоты, сочетающейся с универсальностью и строгостью последовательности установления каждого из входящих в конструкцию элементов.

Использование данного подхода при определении общественной опасности если не полностью исключает, то сводит к минимуму возможность необоснованной криминализации соответствующего деяния, в котором отсутствует тот или иной элемент устанавливаемой юридической категории.

Факт наличия в деянии общественной опасности является основанием для создания конструкции состава преступления, что существенно облегчает процесс правотворческой деятельности, поскольку каждый из элементов общественной опасности в какой-то степени корреспондирует соответствующему элементу конструкции состава преступления. Отсюда следует, что рассмотрение общественной опасности деяния в качестве разновидности юридической конструкции дает ряд существенных преимуществ, а именно:

- универсальность применения к любому виду посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения;
- типизация элементов, совокупность которых образует юридическую конструкцию общественной опасности, позволяющую точно определить границы анализа общественной опасности деяния;
- исключение возможности необоснованной криминализации деяния;
- упорядочение законотворческого процесса, обеспечение логичности и обоснованности принимаемых решений о криминализации деяния. Построение состава преступления представляет собой уточнение и (или) конкретизацию содержания элементов ранее установленной общественной опасности деяния (действий или бездействия).

Подводя итог анализу представленных в научной литературе доктринальных подходов к определению сущности общественной опасности, считаем, что наиболее рациональным и перспективным для уголовного правотворчества является сформулированное А. Э. Жалинским предложение признать категорию «общественная опасность» в качестве разновидности юридической конструкции. Содержание элементов данной юридической конструкции: общественные отношения, предметом которых выступает охраняемое правовое благо; общественно опасное деяние; нарушение социальных благ и интересов; форма и вид вины, которыми характеризуется совершаемое деяние; во многом совпадает с содержанием соответствующих признаков состава преступления, что позволяет установить внутреннюю взаимосвязь между общественной опасностью и противоправностью преступного деяния и исключает возможность искусственного конструирования состава преступления при реальном отсутствии общественной опасности запрещаемого уголовным законом деяния.

2.2. Правовая природа неоконченного преступления и его общественная опасность

Современная уголовно-правовая наука располагает достаточно большим объемом знаний об институте неоконченного преступления. Однако, как это ни парадоксально, до настоящего времени среди ученых, подготовивших по этой проблематике в том числе монографические и диссертационные исследования, отсутствует единство взглядов на содержание даже основополагающих категорий указанного института: оконченное преступление, неоконченное преступление, стадии совершения умышленного преступления. При этом все исследователи проявляют единодушие только в том, что небезосновательно указывают на неполноту и (или) противоречивость уголовно-правовых норм гл. 6 УК РФ, положения которых, несмотря на научную критику, остаются неизменными с 1996 г.

Основные взгляды представителей отечественной науки на содержание перечисленных категорий можно систематизировать, представив их в виде следующих положений:

- неоконченное преступление является разновидностью категории преступления, поскольку ему присущи все перечисленные в ч. 1 ст. 14 УК РФ юридически значимые признаки последнего¹;
- неоконченное преступление является обособленной категорией, поскольку не обладает всеми юридически значимыми признаками оконченного преступления, но при этом также влечет за собой уголовную ответственность²;
- стадии совершения преступления – приготовление, покушение, оконченное преступление – являются видами преступления, момент окончания которого определяется в зависимости от содержания соответствующей нормы Особенной части УК РФ³;
- стадии совершения преступления, оконченное преступление и неоконченное преступление являются содержательно непересекающимися понятиями, поскольку в каждое из них вкладывается собственное уголовно-правовое значение⁴.

¹ См.: Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. С. 125; Чернокозинская С. В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 135.

² См.: Жукова Т. Г. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 13.

³ См.: Иванов В. Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях их проявления. Ростов н/Д, 2000. С. 85; Милюков С., Дронова Т. Определение неоконченного преступления в современной уголовно-правовой литературе // Уголовное право. 2008. № 2. С. 43; Поротиков Д. Ю. Неоконченное преступление: теоретические модели, законодательные конструкции и проблемы их применения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 193; Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 13; Ситникова А. И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление : монография. М., 2006. С. 92–102.

⁴ См.: Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 39–41; Колодкин Л. М. Стадии преступления и предупреждение преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970. С. 9; Гринь М. В. Неоконченное преступление : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 180; Иванчина С. А. Оконченное преступление: закон, теория, практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 16.

Нетрудно заметить, что все перечисленные мнения представляют собой полную противоположность друг другу, однако в данном вопросе предложить вариант «золотой середины» невозможно по объективным причинам: не может для одних случаев неоконченное преступление влечь за собой уголовную ответственность, а для других – исключать ее по причине юридической незавершенности преступной деятельности; нельзя определять покушение на совершение одних преступлений как процесс осуществления преступной деятельности, а для других – как результат, влекущий за собой определенные УК РФ юридические последствия, и т. п.

Аргументация «pro et contra» каждой из перечисленных позиций достаточно хорошо известна в уголовно-правовой литературе, что освобождает нас от необходимости проведения детального анализа перечисленных суждений¹. Коротко обозначим свое мнение в отношении указанных вопросов, которое, разумеется, не может претендовать на окончательность и абсолютную верность.

Во-первых, категории «неоконченное преступление» и «преступление» находятся в соотношении части и целого. Базовое определение преступления предусмотрено ч. 1 ст. 14 УК РФ, в связи с чем любая разновидность преступления, получившая свое закрепление в нормах не только Особенной, но и Общей части УК РФ, полностью охватывается содержанием данной категории. Неоконченное преступление ни при каких условиях не может рассматриваться в качестве исключения из этого правила и представлять собой параллельно существующую юридически обособленную от преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) категорию.

Во-вторых, несмотря на прямое указание, содержащееся в ч. 2 ст. 29 УК РФ, неоконченное преступление нельзя отождествлять с приготовлением и покушением. Формулировка приведенной уголовно-правовой нормы содержит в себе нарушение одного из правил логики: «преступление» определяется через «приготовление к преступлению» или через «покушение на преступление», то есть содер-

¹ Более подробно см.: Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002; Уголовное право. Общая часть. Преступление : академ. курс : в 10 т. / А. В. Наумов и др. ; под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. Т. 8. Множественность преступлений. Стадии преступления. Кн. 2. Стадии преступления. С. 315–352; Бабий Н. А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях : монография. М., 2017. 712 с.

жание дефиниции раскрывается в нарушение правила о «недопустимости круга»¹. По этой причине неоконченное преступление не подлежит отождествлению с приготовлением или покушением, которые, по справедливым замечаниям ряда исследователей, являются стадиями осуществления преступной деятельности.

В-третьих, выделяемая в уголовно-правовой науке категория «стадия совершения умышленного преступления» характеризует только процесс совершения преступления путем указания на наиболее типичные действия, которые совершаются на определенном этапе реализации преступного замысла. Установление вида стадии совершения преступления не имеет принципиального юридического значения для его квалификации, если не считать указание на соответствующую часть ст. 30 УК РФ. Однако, будучи отражением характера и степени общественной опасности запрещенного уголовным законом деяния, установленный в процессе производства по уголовному делу вид стадии преступной деятельности подлежит обязательному учету в процессе индивидуализации уголовной ответственности.

Обозначив свое принципиальное видение на содержание базовых категорий института неоконченного преступления, перейдем к характеристике его общественной опасности. Мы уже приводили в пример утверждения А. Э. Жалинского, Л. Л. Кругликова и иных крупных ученых о том, что общественная опасность как юридическая конструкция включает в себя совокупность следующих признаков:

- охраняемое правовое благо и его признаки;
- посягательство как объективную сторону деяния и его признаки;
- нарушение социальных благ и интересов и его признаки²;
- формы и виды вины, а также мотивы, цели и эмоции, охватываемые созданием и волей лица в момент совершения деяния³.

Ввиду отсутствия в действующем уголовном законе большинства определенных перечисленных категорий, а также неоднозначности их толкования в совре-

¹ См.: Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика : учеб. для вузов. М., 2001. 268 с.

² См.: Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / сост. К. А. Барышева и др. С. 235.

³ См.: Кругликов Л. Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве. С. 47–50.

менной уголовно-правовой доктрине необходимо раскрыть их социально-правовое содержание для последующего использования в построении результатов проводимого исследования. Охраняемое правовое благо нами отождествляется с объектом уголовно-правовой охраны, а точнее – с общественными отношениями, охраняемыми уголовным законом. Сфера данного объекта определяется границами, заданными ч. 1 ст. 2 УК РФ: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, российского конституционного строя от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества. Иными словами, объект уголовно-правовой охраны вполне сопоставим с общим объектом преступления.

Социальное благо, которое рассматривается в качестве составляющей общественной опасности деяния, представляет собой общественные отношения, имеющие существенное значение для личности, общества и государства. Важность данных отношений заключается в том, что причиняемый им вред:

- нельзя восстановить в принципе, например, в случаях совершения преступлений против жизни;
- подлежит лишь частичному восстановлению, например, при совершении некоторых преступлений против здоровья личности, а также ее свободы, чести и достоинства;
- может быть восстановлен, но на протяжении длительного срока, например, в случаях совершения многих экологических преступлений;
- в процессе причинения оказывает негативное воздействие на значительное количество иных общественных отношений, например, при совершении экономических или должностных преступлений.

На этом основании соответствующие виды общественных отношений обеспечиваются уголовно-правовой охраной.

В то же время общественную опасность формирует само посягательство на перечисленные виды общественных отношений. В этой части можно признать справедливость утверждения о необходимости понимания терминов «деяние», «посягательство» и тому подобных в узком смысле. Их содержательный объем, в

отличие от предусмотренного в ч. 1 ст. 14 УК РФ деяния, ограничивается только совершением действия (действий, деятельности) или бездействия, запрещенных уголовным законом¹. Деяние как одна из составляющих общественной опасности может выражаться в физическом или психическом насилии², во введении потерпевшего в заблуждение³, игнорировании выполнения возложенных профессиональных обязанностей или общественного (гражданского) долга⁴, нарушении принятых в обществе правил⁵, а равно в сочетании двух и более перечисленных видов поведения. В связи с этим мы, безусловно, соглашаемся с высказанным еще в середине XX в. мнением о необходимости установления объективно существующей общественной опасности деяния, в результате совершения которого наступает вредный результат⁶. Вот почему факт наличия в деянии общественной опасности является основанием для признания его преступным путем определения в уголовном законе характерных юридически значимых признаков и установления уголовной ответственности.

Кроме того, общественная опасность включает в себя нарушение социальных благ, прав и законных интересов личности, общества и государства, а равно иных составляющих объекта уголовно-правовой охраны. С учетом построенной структуры составляющих признаков общественной опасности здесь было бы уместным вести речь о последствиях совершения преступления или преступных последствиях. Однако данный подход к определению содержания состоявшихся нарушений в результате совершения деяния оказался бы неточным.

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 85; Уголовное право России. Часть Общая : учеб. для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 147–150.

² См.: Иванцова Н. В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 8–9.

³ См.: Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 244, 248, 257.

⁴ См.: Парфенов А. Ф. Общее учение об объективной стороне преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 8; Рудавин А. А. Преступное бездействие (уголовно-правовой и криминологический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 13–14.

⁵ См.: Рудавин А. А. Указ. соч. С. 13; Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / сост. К. А. Барышева и др. С. 235; Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967. С. 12; Ковалев М. И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства // Советское государство и право. 1985. № 8. С. 74.

⁶ См.: Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 116–117; Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 17–18.

Обозначать рассматриваемый признак в качестве последствий преступления неверно, так как общественная опасность деяния еще не установлена, но последнее уже рассматривается в качестве преступного, то есть предусмотренного уголовным законом. Решение, в соответствии с которым противоправность деяния устанавливается ранее, чем его общественная опасность, нелогично, а потому и неприемлемо.

Наименее обосновано решение о сведении вредного результата совершения деяния к одному из признаков объективной стороны – преступным последствиям. Как и в предыдущем случае, будет необходимо устанавливать изначально признак уголовной противоправности деяния, а только потом его общественную опасность. Однако затем при определении данного признака юридической конструкции общественной опасности будут учитываться только те деяния, составы которых являются материальными и предусматривают в качестве обязательного признака объективной стороны упомянутые преступные последствия. При использовании такого метода установления общественной опасности мы неизбежно придем к выводу о ее отсутствии в деяниях, составы которых сконструированы в действующем уголовном законе по типу формальных и усеченных, то есть для которых установление преступных последствий не является обязательным в процессе квалификации. Указанный вывод содержит еще одно логическое противоречие, так как именно те преступления, составы которых являются формальными или усеченными, обладают наибольшей общественной опасностью, в связи с чем юридический момент окончания преступления искусственно переносится законодателем на более ранние стадии развития запрещаемой уголовным законом деятельности. По этим причинам мы разделяем высказанное в научной литературе мнение о целесообразности рассмотрения вредных изменений объекта уголовно-правовой охраны, наступивших в результате совершения того или иного деяния, в качестве характеристики общественной опасности последнего. Вред, наносимый общественным отношениям, может включать в себя несколько разновидностей, а именно:

– создание угрозы для общественных отношений, но при отсутствии действительного их нарушения. В этом случае существенное значение для определения нанесения вреда имеет субъективное восприятие иными участниками обще-

ственных отношений совершаемого деяния, а в некоторых случаях и личности лица, его совершающего (ст. 208, 209, 210, 282.1, ч. 2 ст. 291.1 УК РФ и др.);

– реальная опасность нарушения общественных отношений, которая впоследствии может привести или не привести к действительному их негативному изменению или уничтожению (ч. 1 ст. 122, ст. 162, 163, 227 УК РФ и др.);

– действительное вредное изменение общественных отношений, явившееся результатом совершения деяния. В данном случае это может признаваться последствиями юридически совершенного преступления (ст. 126, 222, 307, 338 УК РФ и др.) или преступными последствиями (ст. 105, 158, 272, 285 УК РФ и др.).

Общественную опасность деяния также формируют не только объективные характеристики совершаемого деяния, но и вина, которой оно характеризуется. Подтверждением вывода об участии вины в формировании общественной опасности деяния являются положения ч. 2 ст. 5 УК РФ о недопустимости объективного вменения. Это означает, что характеризуемое только объективными признаками деяние ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве общественно опасного.

Вина, которая, по мнению ряда ученых, включает в себя не только формы и виды, но и мотивы, цели и эмоции, является признаком, с помощью которого обеспечивается наиболее интенсивная дифференциация характера и типовой степени общественной опасности. Так, тождественные по объективным признакам деяния могут существенно различаться по общественной опасности ввиду различных форм и видов вины, имевшей место при их совершении (ст. 105 и 109, 167 и 168 и др. УК РФ). С учетом этих обстоятельств и при наличии иных перечисленных признаков общественная опасность деяния может устанавливаться и дифференцироваться в пределах уголовного закона, но может и исключаться из-за отсутствия вины в совершаемом действии (действиях) или бездействии.

В отдельных случаях даже наличие умысла на совершение деяния оказывается недостаточным для признания общественной опасности, обеспечивающей положительное решение о его криминализации, поэтому общественная опасность деяния определяется формой (видом) вины в совокупности с мотивом или целью

совершения (ст. 285, 186 и др. УК РФ). Эмоциональное состояние лица – вид эмоций, будучи одним из факультативных признаков субъективной стороны состава преступления, влияет только на изменение типовой степени общественной опасности (ст. 106, 107 и др. УК РФ).

Выделив признаки (критерии) общественной опасности деяния как юридической конструкции, перейдем к их сопоставительному анализу с действиями и (или) бездействием, которыми характеризуются стадии приготовления и покушения. Результаты данного анализа позволят ответить на вопрос о действительном наличии общественной опасности в деянии, которое действующее уголовное законодательство определяет в качестве неоконченного преступления.

Согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ приготовлением к преступлению признается совершение следующих действий:

- приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления;
- приискание соучастников преступления;
- сговор на совершение преступления;
- иное умышленное создание условий для совершения преступления.

Все перечисленные действия имеют юридическое значение, если «преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Однако прежде чем перейти к анализу действий, совершаемых на стадии приготовления к совершению преступления, для качественного уяснения содержания их общественной опасности необходимо проанализировать две предшествующие стадии преступной деятельности: формирование умысла и обнаружение умысла (голый умысел), которые в соответствии с действующим уголовным законодательством и мнениями некоторых авторов не имеют юридического значения¹.

В соответствии с общей теорией уголовного права на стадии формирования умысла лицом осуществляется общее планирование уголовно наказуемой деятельности без конкретизации основных признаков преступления, имеющих юридическое

¹ См.: Баймакова Н. Н. Момент окончания преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 95.

значение. Стадия обнаружения умысла (голый умысел) характеризуется наличием представления лица обо всех основных признаках преступления, имеющих юридическое значение. Эти стадии не порождают факта неоконченного преступления и не влекут за собой уголовную ответственность для соответствующего лица, потому что они не имеют внешнего проявления и протекают в сознании лица, формирующего свой преступный замысел. Преступные намерения могут быть выражены во внешней среде словами, конклюдентными действиями, но за рамки перечисленных стадий они не выходят, так как отсутствуют основания опасаться их действительного осуществления¹. Все это свидетельствует об отсутствии общественной опасности действий (деятельности), осуществляемых на стадиях формирования и обнаружения умысла.

Думается, что высказанная точка зрения относительно разграничения стадий обнаружения умысла и приготовления к преступлению несостоятельна, поскольку предлагаемый подход не позволяет определить принципиальные различия между этими стадиями совершения преступления. Только действия или игнорирование различного рода обязанностей (бездействие) способно причинить вред общественным отношениям или создать реальную угрозу для их нарушения. Мысли человека, его убеждения и мировоззрение не могут быть криминализованы по определению: *cogitationis poenam nemo patitur* (мысль ненаказуема), что было известно еще со времен римского права (Дигесты, XVIII 48, 19)². Если же лицо приступает к совершению действий, направленных на реализацию своего преступного замысла, то в этом случае начинается формирование предпосылок для нарушения объекта уголовно-правовой охраны. Указанное обстоятельство и есть та основа, на которой проводится четкая грань между мыслительной деятельностью человека и криминализируемыми современным уголовным законом действиями, направленными на подготовку совершения преступления.

Однако содержание выделенных признаков общественной опасности преступного деяния не свидетельствует о ее наличии в действиях, которые официально рас-

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право : в 2 т. Часть Общая : лекции. М., 1994. Т. 1. С. 196; Иванчина С. А. Указ. соч. С. 17.

² См.: Академик: Словари и энциклопедии. URL: <https://translate.academic.ru/Cogitationis%20%20poenam%20nemo%20patitur/xx/xx> (дата обращения: 12.01.2021).

сматриваются в качестве приготовительных к совершению преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ). Ввиду открытости перечня действий, характеризующих стадию приготовления к преступлению, и предоставленной законодателем возможности расширительного толкования их фактического содержания мы не будем подробно останавливаться на раскрытии каждого вида действий, перечисленных в ч. 1 ст. 30 УК РФ.

Во-первых, по общему правилу ни один вид действий, объединенных понятием «создание условий или устранение препятствий» для совершения преступления, не обладает общественной опасностью в той степени, которая была бы достаточна для криминализации. При совершении данных действий охраняемое социальное благо не нарушается и не ставится под угрозу непосредственного нарушения. Это утверждение относится ко всем видам объекта: отношения охраны личности, собственности, общественной безопасности, порядка управления и др.

Для большей убедительности здесь уместно провести аналогию с институтом необходимой обороны. Как известно, одним из условий ее правомерности является «наличность посягательства»: причинение физического вреда нападающему может быть признано правомерным, то есть исключаящим преступность деяния, только если это имело место либо в условиях уже начатого нападения, либо перед непосредственным началом осуществления нападения. Во всех иных случаях деяние признается уголовно наказуемым¹.

Рассмотренный алгоритм определения уголовно наказуемого и правомерного причинения вреда в процессе отражения нападения можно применить и при установлении момента возможной криминализации неоконченного преступления. Как и в случае преждевременной обороны, приготовление к совершению преступления не нарушает охраняемые уголовным законом общественные отношения (оконченное преступление) и не создает непосредственной угрозы их нарушения (покушение). Не оспаривая наличие высокой социальной значимости всех охраняемых уголовным законом общественных отношений, следует признать, что действия, характеризующиеся как приготовление к нарушению данных отношений,

¹ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. СПб., 2007. С. 98–99, 102–103.

не содержат для них действительной непосредственной угрозы нарушения. Отсюда и криминализация preparatory acts, за редким исключением, не может признаваться юридически обоснованной.

Проведенное нами анкетирование представителей практических органов на вопрос: «С какого момента, по Вашему мнению, деятельность лица приобретает ту общественную опасность, которая достаточна для применения уголовной ответственности (категория преступления в данном случае значения не имеет)?», – показало следующие результаты:

1 % – лицо задумало совершение преступления и поделилось данной информацией с третьими лицами;

6 % – лицо задумало совершение преступления и выполнило не запрещенные законом действия, создающие условия для достижения преступного результата (покупка топора для убийства);

91 % – лицо задумало совершение преступления и выполнило запрещенные законом действия, создающие условия для достижения преступного результата (хищение оружия для убийства);

2 % – лицо начинает выполнять деяние, запрещенное нормой Особенной части УК РФ (прил. 1).

Полученные результаты являются дополнительным подтверждением тезиса, что preparatory acts не представляют общественной опасности и не угрожают охраняемым уголовным законом общественным отношениям, за исключением случаев, когда они уже содержат признаки самостоятельного состава преступления.

Во-вторых, в теории уголовного права вряд ли можно найти обоснованные предложения об отождествлении содержания деяний, представляющих собой preparatory acts, и деяний, являющихся непосредственным посягательством на тот или иной вид объекта уголовно-правовой охраны. Разумеется, данные деяния существенно отличаются друг от друга, в том числе по своей общественной опасности. Действия, не выходящие за рамки объема «приготовления к преступлению», не могут повлечь за собой тот вредный результат, требующий уголовно-правового реагирования. Более того, почти все из этих действий не противоречат действующим нормам

права, в связи с чем невозможно признать их одной из составляющих категории «общественная опасность».

В-третьих, даже в широком понимании вредных последствий, представляющих собой нарушение социальных благ, прав и законных интересов личности, общества, государства, а равно иных составляющих объекта уголовно-правовой охраны, их установление возможно в исключительных случаях. Эти случаи в действительности представляют собой разновидность юридических фикций, а не характеристику реального вреда, который является результатом совершения приговорительных действий. В связи с этим установление общественной опасности нарушения охраняемых уголовным законом отношений в результате совершения деяний, охватываемых содержанием приготовления к совершению преступления, возможно в крайне редких случаях.

И наконец, в-четвертых, все анализируемые действия, совершаемые в рамках стадии приготовления к совершению преступления, характеризуются умышленной формой вины, а точнее, только прямым умыслом¹. Деяния, совершаемые с прямым умыслом, при прочих равных условиях представляют собой наибольшую общественную опасность по сравнению с другими аналогичными деяниями. Казалось бы, что в этой части проблем с положительным решением вопроса о составляющей вида вины возникать не должно, особенно если учесть, что все приговорительные действия имеют достаточно четко выраженные мотивы и (или) цели. Однако это только на первый взгляд.

В соответствии с официальными дефинициями уголовно-правовых видов вины они распространяют содержание интеллектуального и волевого моментов только на деяние и последствия, уже признанные общественно опасными и закреплённые соответствующей нормой Особенной части УК РФ в качестве обязательных для установления признаков объективной стороны состава преступления (ч. 2, 3 ст. 25 УК РФ).

¹ Некоторые авторы предпочитают не уточнять вид вины, которым характеризуются действия, направленные на приготовление к преступлению. Однако в настоящее время общепризнанным является мнение о возможности выделения стадий только в умышленных преступлениях. Совершаемые на этой стадии действия с учетом их фактического содержания определяются только прямым умыслом. См.: Рапог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие. М., 2006. С. 160.

Учитывая результаты представленного анализа наличия критериев общественной опасности в подготовительных действиях, мы приходим к выводу, что виновно совершаемые действия на стадии приготовления нельзя признать формирующими общественную опасность, достаточную для криминализации подготовительных действий, поскольку они не содержат всех признаков, совокупность которых образует предложенную конструкцию общественной опасности. Исключением из этого являются отдельные преступления террористической, экстремистской и коррупционной направленности ввиду их крайне высокой общественной опасности и масштабов негативных последствий. Приготовление к ним должно признаваться уголовно наказуемым деянием, ответственность за которое устанавливается специальной нормой Особенной части УК РФ. Указанные исключения уже имеют место в современном уголовном законе, что подтверждается наличием в УК РФ составов прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), бандитизма (ст. 209), организации экстремистского сообщества (ст. 282.1), обещания или предложения посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1) и др.

Иная ситуация возникает при определении общественной опасности действий, совершаемых на стадии покушения. Согласно ч. 3 ст. 30 УК РФ «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

Исходя из данного определения, покушение представляет собой деяние, которое непосредственно направлено на нарушение объекта уголовно-правовой охраны и характеризуется частичным выполнением объективной стороны состава соответствующего преступления. Это позволяет сделать вывод о наличии всех признаков общественной опасности, представляемой в качестве юридической конструкции.

Во-первых, охраняемое уголовным законом общественное отношение как минимум ставится под угрозу нарушения или частично нарушается.

Во-вторых, в полном объеме или частично совершается деяние, обладающее признаками общественной опасности. Впоследствии именно оно подлежит зако-

нодательному закреплению в диспозиции соответствующей нормы Особенной части УК РФ.

В-третьих, социальные блага при совершении деяния, признаваемого покушением на преступление, уже нарушаются, хотя и не в том объеме, который предусмотрен составом соответствующего преступления. Подобных примеров в судебной практике достаточно много: 4.04.2019 Л. была осуждена за покушение на убийство своего мужа по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Неоконченное преступление совершено при следующих обстоятельствах: имея внезапно возникший умысел на причинение смерти потерпевшему, Л. нанесла с размаху находящимся у нее в правой руке клинком топора один удар в область головы потерпевшего. В этот момент потерпевший лежал в кухонном помещении на полу и не мог оказать сопротивление по причине сильного алкогольного опьянения. От полученного телесного повреждения у потерпевшего открылось кровотечение, и он потерял сознание. Полагая, что полностью реализовала умысел на убийство мужа, Л. прекратила дальнейшие насильственные действия. Однако потерпевший не скончался, так как ему была своевременно оказана квалифицированная медицинская помощь. Исходя из этого, желаемые Л. общественно опасные последствия в виде смерти потерпевшего не наступили по независящим от нее обстоятельствам¹. В данном случае Л. причинила реальный физический вред потерпевшему, то есть нарушила объект уголовно-правовой охраны в виде общественных отношений, сложившихся по поводу неприкосновенности жизни потерпевшего.

Наконец, в-четвертых, анализируемые действия на стадии покушения характеризуются только прямым умыслом, что, как уже отмечалось, представляет наибольшую общественную опасность в сравнении с деяниями, которые совершаются с иными видами вины, предусмотренными действующим уголовным законодательством.

На основании изложенного следует признать, что действия, совершаемые на стадии покушения на преступление, содержат в себе все признаки, совокупность которых рассматривается как юридическая конструкция общественной опасности. В связи с этим запрещенное уголовным законом деяние, процесс со-

¹ См.: Архив Рязанского районного суда Рязанской области // Уголовное дело № 1-17/2019.

вершения которого по независящим от лица обстоятельствам был прерван на стадии покушения, обладает достаточной общественной опасностью для последующей криминализации, то есть признания преступным и уголовно наказуемым.

В процессе проведения анкетирования представителей практических органов на вопрос: «Считаете ли Вы обоснованной криминализацию неоконченного преступления?» – были получены следующие результаты: 61 % респондентов полагает, что криминализация неоконченных преступлений, осуществленная в действующем УК РФ, является социально полезной и юридически обоснованной; 8 % опрошенных считают, что криминализация неоконченного преступления необоснованна, так как данное деяние фактически не содержит в себе всех признаков состава преступления; 29 % респондентов уверены в том, что из всех неоконченных преступлений криминализации заслуживают только деяния, прерванные на стадии покушения; наконец, 2 % опрошенных считают существующую криминализацию недостаточной, поскольку необходимо признание преступным приготовления к совершению преступлений небольшой и (или) средней тяжести (прил. 1).

Аналогичные результаты были получены в результате анкетирования представителей профессорско-преподавательского состава юридических вузов и факультетов:

49 % – криминализация неоконченных преступлений, осуществленная в действующем УК РФ, является социально полезной и юридически обоснованной;

7 % – криминализация неоконченного преступления необоснованна, так как данное деяние фактически не содержит в себе всех признаков состава преступления;

35% – всех неоконченных преступлений криминализации заслуживают только деяния, прерванные на стадии покушения;

8 % – криминализация недостаточна: необходимо признание преступным приготовления к совершению преступлений небольшой и (или) средней тяжести;

1 % – иное мнение (прил. 2).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что около одной трети респондентов разделяют мнение о необходимости установления наказуемости неоконченного преступления только в части деяний, совершаемых на стадии покушения. Эти показатели подтверждают необходимость теоретического обоснования

декриминализации preparatory actions, которые в настоящее время могут признаваться неоконченным уголовно наказуемым деянием.

Подводя итог исследованию общественной опасности неоконченного преступления, можно заключить, что общественная опасность неоконченного преступления, прерванного на стадии приготовления к преступлению, по общему правилу отсутствует. Исключением из этого являются отдельные преступления террористической, экстремистской и коррупционной направленности ввиду их крайне высокой общественной опасности и масштабов негативных последствий. Подготовка к ним должно признаваться уголовно наказуемым деянием, ответственность за которое устанавливается специальной нормой Особенной части УК РФ. Данный подход имеет место в современном уголовном законодательстве, что подтверждается наличием в УК РФ составов прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), бандитизма (ст. 209), организации экстремистского сообщества (ст. 282.1), обещания или предложения посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1) и др.

Деяния, совершаемые на стадии покушения на преступления, содержат в себе все юридически значимые (конструктивные) признаки общественной опасности. В связи с этим неоконченное посягательство, процесс исполнения которого по не зависящим от лица обстоятельствам был прерван на стадии покушения, представляет собой общественно опасное деяние.

2.3. Содержание противоправности неоконченного преступления

Как и общественная опасность, противоправность деяния является базовым признаком преступления и заключается в официальном признании соответствующего общественно опасного деяния уголовно наказуемым. Включение в норму Особенной части УК РФ указанного деяния представляет собой фиксацию его специфических юридически значимых признаков – элементов состава данного преступления. По этой причине признаку противоправности преступления корреспондирует формирование в положениях уголовно-правовых норм элементов его состава.

Следует согласиться с мнением авторов, ставящих под сомнение справедливость выделения в качестве юридически обособленных признаков преступления «виновность» и «наказуемость». Вина прежде всего является принципом уголовного права, конкретизация которого осуществляется в каждой норме Особенной части УК РФ. Отсутствие вины вне зависимости от социальной значимости нарушаемого объекта уголовно-правовой охраны и характеристик вредных последствий ни при каких обстоятельствах не порождает оснований для реализации мер уголовной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 5 УК РФ. Данное обстоятельство позволяет предположить, что вина в виде конкретных форм и видов представляет собой содержание общественной опасности деяния, а не обособленный признак преступления.

Наказуемость деяния как признак преступления производна от признаков общественной опасности и противоправности, поэтому в контексте положений ч. 1 ст. 14 УК РФ наказуемость отождествляется с санкцией, то есть с той частью уголовно-правовой нормы, которая описывает не содержание преступного поведения, а возможные юридические последствия его совершения. Учитывая данные факты, можно согласиться с утверждением о том, что общественная опасность и противоправность представляют собой материальный и формальный признаки преступления¹.

Итак, противоправность как признак преступления раскрывается прежде всего в содержании норм Особенной части УК РФ и иных уголовно-правовых норм, в совокупности формирующих состав конкретного преступления². Теоретико-практическое значение данной юридической конструкции достаточно велико: открытие состава преступления в науке уголовного права приравнивается к открытию периодической системы Д. И. Менделеева в химии³, а учение о нем рассматривается в качестве одной из базовых составляющих уголовно-

¹ См.: Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 48; Иванчин А. В. Состав преступления : учеб. пособие. Ярославль, 2011. С. 25; Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. СПб., 2005. С. 85.

² См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 82–83; Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 260–261.

³ См.: Кругликов Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Пятой Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 24–25 янв. 2008 г.). М., 2008. С. 126.

правовой доктрины¹. В соответствии со ст. 8 УК РФ деяние, содержащее в себе все признаки состава преступления, выступает единственным основанием уголовной ответственности, без установления которого уголовное преследование исключается². В этой части остается только сожалеть, что столь значимая категория никогда не имела официального определения в отечественных уголовных законах, а ее содержание по сей день остается результатом доктринальных исследований.

Несмотря на имеющиеся в уголовно-правовой литературе разногласия относительно наименования структурных единиц состава преступления³, можно признать принципиальную сформированность и общепризнанность данной юридической конструкции, включающей в себя совокупность четырех элементов: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона⁴. Каждый из данных элементов обладает рядом признаков, обязательность установления которых в процессе квалификации преступления определяется соответствующими уголовно-правовыми нормами и зависит от вида конструкции состава конкретного преступления.

По самым скромным подсчетам, в современной уголовно-правовой теории предложено более семи классификаций составов преступлений, в основе которых находятся различные технико-юридические характеристики. С учетом предмета заявленного исследования для нас особый интерес представляют авторские классификации, построенные в зависимости от определения момента юридического окончания преступления. За основу предлагаемых классификаций ученые преимущественно брали традиционное деление составов преступлений на материальные и нематериальные или материальные и формальные (в ряде случаев –

¹ См.: Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 4; Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, ХеБинсуна. СПб., 2009. С. 11.

² См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2014. С. 62–63; Шеслер А. В. Состав преступления : монография. Новокузнецк, 2016. С. 12.

³ См.: Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. С. 103.

⁴ См.: Брайнин Я. М. Указ. соч. М., 1963. С. 162.

формальные и усеченные)¹. Однако в результате проведенных исследований формулировались предложения достаточно разнообразных видов составов преступлений, отличающихся друг от друга моментом юридического и фактического окончания преступления.

Все виды перечисленных составов преступлений отличаются друг от друга юридическим определением в диспозиции нормы Особенной части УК РФ момента окончания соответствующего преступления. Как уже отмечалось, каждое преступление обладает общественной опасностью, то есть фактически наносит вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям или по меньшей мере ставит их под реальную угрозу нарушения. В то же время по различным причинам моменты фактического и юридического окончания преступления совпадают только в материальных составах. Преступления, составы которых сконструированы по типу формальных и усеченных, признаются оконченными в процессе квалификации до момента наступления вредных последствий их совершения, что ни в коей мере не ставит под сомнение наличие вреда, причиняемого объекту уголовно-правовой охраны².

В одном из новейших монографических исследований вопросов определения оконченного преступления сформулировано предложение о развернутой многоступенчатой классификации, включающей в себя следующие виды составов преступлений:

1. Материальные составы преступлений, которые признаются юридически оконченными в момент наступления последствий, указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы.

2. Нематериальные составы преступлений, которые признаются юридически оконченными в момент совершения действий или бездействия, указанных в уголовном законе, а именно:

¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 251; Шаргородский М. Д. Вопросы Общей части уголовного права: законодательство и судебная практика / отв. ред. В. А. Иванов. Л., 1955. С. 95; Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. С. 136; Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики : монография. Кемерово, 2012. С. 81.

² См.: Кудрявцев В. Н. Основные вопросы причинной связи в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 10–11; Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. С. 139.

2.1. Формальные, признаваемые оконченными с момента выполнения преступного деяния в полном объеме.

2.2. Составы создания опасности, которые характеризуются возможностью повлечь за собой при определенных условиях наступление общественно опасных последствий.

2.3. Усеченные составы преступлений, подразделяемые:

- на усеченные при создании условий для совершения преступления;
- усеченные при осуществлении действий, непосредственно направленных на совершение преступления.

3. Смешанные составы преступлений, которые могут признаваться оконченными как с момента совершения указанных в уголовном законе действий (бездействия), так и с момента наступления общественно опасных последствий¹.

Анализ приведенных классификаций преступлений, сгруппированных на основе определения момента окончания преступлений, свидетельствует об отказе некоторых авторов рассматривать в данном аспекте составы неоконченных преступлений. Выделяемые составы создания опасности характеризуются не опасностью для нарушения объекта уголовно-правовой охраны в широком смысле (наличие общественной опасности под сомнение не ставится), а возможностью наступления конкретных общественно опасных последствий в результате совершения деяния, предусмотренного диспозицией нормы Особенной части УК РФ. Примерами формулировок соответствующих конструктивных признаков, содержащихся в диспозициях указанных норм, являются следующие: «могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды» (ч. 1 ст. 215 УК РФ), «могло повлечь причинение вреда интересам безопасности государства» (ч. 1 ст. 340 УК РФ) и др.

Решить проблему определения юридической конструкции, состава неоконченного преступления, предлагалось следующим образом: элементы и признаки состава преступления предусматриваются не только диспозициями норм Особенной части УК РФ, но и отдельными положениями уголовно-правовых норм Об-

¹ См.: Иванчина С. А. Указ. соч. С. 18; Ее же. Оконченное преступление : монография / науч. ред. Е. В. Благов. М., 2013. С. 107–108.

щей части УК РФ. Подобный вариант законодательной регламентации обосновывается необходимостью экономии законодательного материала и компактного его расположения. Отсюда следует, что нормы гл. 6 УК РФ «Неоконченное преступление» конкретизируют содержание состава неоконченного преступления в совокупности с положениями соответствующей нормы Особенной части УК РФ. Признаки неоконченной деятельности законодателем «вынесены за скобки» положений норм Особенной части УК РФ, предусматривающих юридически значимые специфические признаки состава преступления¹.

Поддерживая доводы о необходимости исключить казуистическое перечисление всех признаков составов преступлений в каждой норме Особенной части УК РФ, мы не можем согласиться с утверждением о специфичности конструкции состава неоконченного преступления. «Оконченное преступление» и «неоконченное преступление» не находятся в соотношении обособленных видовых категорий, объединяемых родовым понятием «преступление». В соответствии с толкованием положений действующего законодательства ответственность за неоконченное преступление наступает только в случае, если оно характеризуется прямым умыслом. Из этого следует, что значительная часть видов преступлений, совершаемых с косвенным умыслом, а равно по неосторожности, не включаются в содержание категории «неоконченное преступление».

Дискуссионность попыток обоснования самостоятельности состава именно неоконченного преступления проявляется и при анализе норм, определяющих базовые начала современного российского уголовного права. Несмотря на значительное количество предложенных уголовно-правовой доктриной разновидностей составов преступлений, следует помнить, что деяние, запрещенное уголовным законом, должно содержать все признаки состава преступления. В противном случае исключается возможность установления основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и осуществления уголовного преследования (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). С некоторой долей условности данное правило применяется и в отношении запре-

¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. С. 268; Иванчин А. В. Состав преступления. С. 16–17.

щенного уголовным законом деяния, процесс выполнения которого был прерван на стадии покушения. Погрешность состава преступления в таком случае определяется неполнотой признаков объективной стороны – это, как правило, предусмотренные диспозицией уголовно-правовой нормы последствия, а равно причинно-следственная связь. Однако, несмотря на это, лицо уже приступает к выполнению общественно опасного деяния, причиняющего вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Здесь уголовно-правовое реагирование становится оправданным при условии установления иных элементов состава соответствующего преступления, хотя и прерванного на стадии покушения.

Иная ситуация возникает на стадии приготовления, когда во всех совершаемых действиях отсутствуют юридические признаки состава преступления, а потому закрепленный в ч. 1 ст. 14 УК РФ признак противоправности установлению в соответствии с нормой Особенной части УК РФ не подлежит. Криминализация preparatory actions, осуществленная в действительности на основании ч. 1 и 2 ст. 30 УК РФ, не согласуется с закрепленным в ст. 3 УК РФ принципом законности, поскольку создает условия для расширения пределов определения преступности деяния и применения положений норм Особенной части УК РФ по аналогии.

В основу указанного вывода положена общепринятая структура уголовно-правовой нормы, гипотеза которой вынесена в Общую часть УК РФ, а диспозиция и санкция содержатся в нормах Особенной части УК РФ. Из этого следует, что признак противоправности любого преступления определен уголовно-правовой нормой Особенной части, тогда как обеспечение регламентации условий ее применения выполняет норма Общей части УК РФ.

Установление уголовной ответственности за действия, совершаемые на стадии приготовления к совершению преступления, не соответствует сущности общепринятой структуры уголовно-правовой нормы, так как их противоправность – противоправность приготовления к преступлению – определяется ч. 1 и 2 ст. 30 УК РФ, в связи с чем при квалификации preparatory actions применение соответствующей статьи Особенной части УК РФ осуществляется по аналогии,

поскольку в действительности виновный даже не приступает к выполнению запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния. Применение уголовного закона по аналогии осуществляется и в части назначения наказания за «приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению», поскольку правоприменитель осуществляет его назначение в соответствии с санкцией нормы Особенной части УК РФ, хотя юридическая противоправность приготовительных действий сводится исключительно к содержанию ч. 1 и 2 ст. 30 УК РФ.

Современной аксиомой в уголовном праве является утверждение о недопустимости расширительного толкования круга преступных действий, запрещенных законом. В то же время еще в 20-х годах XX в. квалификация деяний в соответствии с применяемыми по аналогии уголовно-правовыми нормами допускалась в связи с безусловной необходимостью из-за невозможности предусмотреть в уголовном законе все вероятные формы преступной деятельности. Законодательная деятельность объективно не способна быстро реагировать на изменения повседневной жизни, а потому решением проблемы является аналогичное применение уже существующих норм о преступлениях и наказаниях за совершение неизвестных уголовному законодательству общественно опасных деяний (Д. И. Курский, Н. В. Крыленко)¹. Подобные обоснования, будучи вполне применимыми и для уголовной ответственности в первую очередь за приготовительную деятельность к преступлению, явно вступают в конфликт с принципом «нет преступления, не указанного в законе». Однако указанный принцип «должен оставаться незыблемым, и в данной сфере места аналогии не должно быть»².

Здесь же будет уместным указать и на институт добровольного отказа от преступления – отказа от продолжения совершения преступления при наличии осознания объективной возможности продолжения преступной деятельности. Факт установления добровольного отказа от преступной деятельности на любой стадии совершения преступления, за исключением оконченного преступления, является одним из обстоя-

¹ См.: Кругликов Л. Л. Аналогия в уголовном праве: миф или реальность? // Проблемы теории уголовного права : избр. ст., 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. С. 178.

² Там же. С. 183.

тельств, исключаящих уголовную ответственность¹. В случае же реализации уголовной ответственности за неоконченное преступление, особенно если данная деятельность пресекается на стадии приготовления, лицо в действительности лишается возможности отказаться от доведения преступления до конца на более поздних временных отрезках, но до момента окончания совершаемого им преступления.

Изучение нормативных положений об установлении ответственности за приготовление к преступлению позволяет сформулировать дополнительные доводы о дискуссионности решения о подобной криминализации. Так, «уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям» (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Подобный подход законодательной регламентации не безупречен, поскольку любое деяние, признанное преступлением, должно влечь за собой уголовную ответственность независимо от категории, к которой это преступление отнесено или от стадии, на которой оно было прервано. Применение положений о малозначительности деяния в части отказа от реализации уголовной ответственности за приготовление к преступлению недопустимо, поскольку ч. 2 ст. 14 УК РФ содержит явное исключение из общего правила применения уголовного закона и, следовательно, носит индивидуальный, а не универсальный (ч. 2 ст. 30 УК РФ) характер.

Преступления, относящиеся к категориям небольшой или средней тяжести, также обладают общественной опасностью, но ответственность за приготовление к их совершению законодателем исключается. Определение близости достижения преступного результата имеет юридическое значение для назначения наказания, но не ставит под сомнение наличие общественной опасности деяния, предусмотренного нормой Особенной части УК РФ.

Наиболее рациональным предложением по решению этой проблемы видится конструирование составов преступлений, в которых криминализируемое общественно опасное деяние будет сведено к совершению конкретных действий, направленных на подготовку к совершению более опасного уголовно наказуемого деяния. В настоящее время таковыми преступлениями можно признать запрещенные уголовным законом

¹ См.: Маляр М. Ю. Отказ в Уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2017. С. 8.

действия, направленные на создание условий для совершения отдельных преступлений против общественной безопасности (ст. 208–210 УК РФ), основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 282.1 УК РФ), интересов государственной и муниципальной службы (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) и др. Этот методологический подход к криминализации фактически приготовительных действий устранит все перечисленные противоречия различных норм действующего уголовного законодательства.

В сложившихся условиях общее практико-ориентированное направление квалификации неоконченных преступлений сводится к главенствующему определению содержания умысла лица, которым охватывались совершенные им действия. Эти деяния или служат объективным основанием для создания необходимых условий для совершения преступления (приготовление), или представляют собой начало непосредственного совершения преступления (покушение). Субъективное основание видится в намерении добиться наступления общественно опасных последствий, поэтому «если не установлен прямой умысел на причинение предусмотренных уголовно-правовой нормой общественно опасных последствий, то деяние не может квалифицироваться как покушение на данное преступление»¹. Справедливость данного утверждения сомнений не вызывает, особенно с учетом признания категории «вина» не только одним из признаков субъективной стороны состава преступления, но и самостоятельным уголовно-правовым принципом (ст. 5 УК РФ). Однако практическое установление вины представляет собой достаточно сложную задачу, на что многократно обращалось внимание представителями уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки².

Такие же проблемы возникают при квалификации неоконченных преступлений, прерванных на стадии приготовления, по причине ограниченности в сборе тех видов доказательств, которые подтверждают объективность намерений лица совершить общественно опасное деяние и добиться наступления общественно опасных послед-

¹ Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. С. 161.

² См.: Кораблева С. Ю. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 3–4; Найбойченко В. В. Вина в умышленных преступлениях (закон, теория, практика) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 26; Паньков И. В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 3–4, 7–8; Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 74.

ствий. На основании изученных материалов уголовных дел можно заключить, что во многих случаях доказывание прямого умысла на совершение преступления, прерванного на стадии приготовления, в действительности сводится только к признанию обвиняемым своей вины в действиях, которые не были совершены по независящим от него обстоятельствам¹, чего в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ч. 2 ст. 77 УПК РФ) для предъявления обвинения недостаточно.

Юридическая состоятельность этого предположения полностью подтверждается результатами проведенного анкетирования представителей практических органов. На вопрос: «При привлечении лица к ответственности за совершение неоконченного преступления обязательным условием положительной квалификации является», – были получены следующие ответы: совокупность различных доказательств, позволяющих установить вину лица в инкриминируемом ему деянии, – 94 % респондентов; признание обвиняемым своей вины в совершении неоконченного преступления – 5 % респондентов; свидетельские показания, подтверждающие наличие вины лица в совершении неоконченного преступления, – 1 % респондентов (прил. 1).

Вместе с этим на вопрос: «При привлечении лица к ответственности за приготовление к совершению преступления доказательством наличия вины является только», – были даны такие ответы: признание обвиняемого в совокупности с показаниями свидетелей – 33 % респондентов; признание обвиняемого – 55 %; свидетельские показания – 11 %, иное мнение выразил 1 % опрошенных (прил. 1).

Как видно, подавляющее большинство опрошенных представителей практических органов считают необходимым определение совокупности различных доказательств, позволяющих установить вину лица в инкриминируемом ему деянии (94 %), но в случае квалификации приготовительных к преступлению действий такими доказательствами объективно могут выступать только полное признание лицом своей вины в готовящемся преступлении (55 %) или признание лицом своей

¹ См.: Уголовное дело № 1-57/2018 // Архив Ачхой-Мартановского районного суда Чеченской Республики. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zId37xHnszLK/?regular-txt=ч.+1+ст.+30+УК+®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+30.+Приготовление+к+преступлению+и+покушение+на+преступление%28УК+РФ%29®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1561912849221&snippetpos=13228#snippet (дата обращения: 30.05.2019).

вины в готовящемся преступлении в совокупности с подтверждающими данный факт свидетельскими показаниями (33 %). В последнем случае достаточно трудно предположить, какие юридически значимые признаки преступления можно подтвердить свидетельскими показаниями, если полное или частичное выполнение преступного деяния не имело места в реальной действительности.

Думается, что именно этим объясняется практическая непопулярность решений о привлечении лиц к ответственности за совершение неоконченного преступления, прекращенного на стадии приготовления. Как следует из материалов изученных уголовных дел, их наибольшее количество связано с совершением приготовления к сбыту запрещенных в гражданском обороте средств, оказывающих одурманивающее влияние на сознание человека. При этом обоснованность выносимых обвинительных приговоров, на наш взгляд, несвободна от критики. Это связано как с юридической сущностью принимаемого решения, так и в части полноты доказательственной базы, полученной в процессе производства по уголовному делу.

Так, Н. и неустановленное следствием лицо достигли сговора о передаче третьим лицам 1000,4 грамма наркотического средства – героина. Для этого неустановленное следствием лицо положило в тайник указанное наркотическое средство и сообщило об этом Н., который в установленное время забрал из тайника пакет с 1000,4 грамма героина и пошел в заранее оговоренное место поселка П. для передачи находящегося при нем героина третьим лицам. По пути следования Н. был задержан оперативными сотрудниками госнаркоконтроля, которые в процессе проведения личного обыска Н. изъяли у него пакет с 1000,4 грамма героина.

В процессе судебного разбирательства доказательствами вины Н. в инкриминируемом ему преступлении были признаны: 1) полное признание вины подсудимым; 2) показания свидетеля – представителя оперативной службы, сообщившего, что в оперативную службу УФСКН России поступила информация о гражданине Н., который совместно с другим лицом готовится к сбыту одного килограмма героина. В ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий Н. был задержан. При личном досмотре при нем был обнаружен пакет, в котором находился приблизительно один килограмм героина; 3) показания свидетеля –

понятого, присутствующего при задержании и изъятии у Н. пакета с наркотическим средством; 4) рапорт сотрудника УФСКН России об обнаружении признаков преступления, совершенного Н.; 5) протокол личного досмотра Н., в ходе которого был изъят пакет с героином; 6) справка эксперта о том, что в пакете, изъятom у Н., находилось наркотическое средство, массой 1000,4 грамма; 7) заключение экспертизы, в результате проведения которой установлено, что предметом экспертизы является наркотическое средство – героин. Иных доказательств вины Н. в инкриминируемом ему деянии установлено не было.

Суд квалифицировал действия Н. по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ – приготовление к незаконному сбыту наркотического средства в особо крупном размере, совершенное в группе лиц по предварительному сговору, то есть умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что за исключением полного признания вины подсудимым у суда не имелось иных доказательств наличия признаков объекта, объективной и субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Все собранные доказательства подтверждают в действиях Н. лишь наличие состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 228 УК РФ в части незаконного приобретения и хранения наркотического средства в особо крупном размере. Однако только на основании признательных показаний Н. (их уголовно-процессуальная незыблемость достаточно условна) суд квалифицировал его деяние в качестве приготовления к более тяжкому преступлению. Иные доказательства вины Н. в совершении инкриминируемого ему деяния в приговоре не указаны, что вызывает сомнения в соблюдении судом требований законодательства о законности, обоснованности и справедливости принятого решения

¹ См.: Уголовное дело № 1-451/2010 // Архив Индустриального районного суда г. Перми Пермского края. URL: <https://rospravosudie.com/court-industrialniy-rayonniy-sud-gorod-perm-s/act-100749368> (дата обращения: 31.03.2018); Уголовное дело № 2-15/2011 // Архив Мурманского областного суда. URL: <https://rospravosudie.com/court-murmanskiy-oblastnoy-sud-s/act-102638187> (дата обращения: 26.02.2018); Архив Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга, 2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-gorod-sankt-peterburg-s/act-102044056> (дата обращения: 24.02.2018).

(ст. 14, ч. 2 ст. 17 и 297 УПК РФ), а также указывает на явное игнорирование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, изложенных в абз. 2 п. 17 постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», в соответствии с которым «признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора»¹.

К сожалению, судебной практике о привлечении к ответственности за неоконченное преступление известны случаи, когда даже частичное признание подсудимым вины в приобретении наркотических средств без цели последующего сбыта в совокупности с такими доказательствами, как: показания свидетелей – сотрудников правоохранительных органов, проводивших оперативно-розыскные мероприятия, протоколы обысков об изъятии расфасованных по разовым дозам наркотических средств, а также иных документально подтвержденных сведений объективного характера, – признается достаточным для его обвинения в совершении неоконченного преступления по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ².

Однако данная практика привлечения к ответственности за неоконченное преступление не является общепризнанной. В отдельных случаях суды по причине отсутствия достаточных доказательств переквалифицируют подготовительные действия, направленные на незаконный сбыт наркотических средств, на оконченное хранение указанных средств. Так, по одному из эпизодов уголовного дела И. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Инкриминируемое деяние заключалось в изготовлении И. в домашних условиях 0,842 грамма наркотического средства. Приготовленный препарат содержался в трех одноразовых шприцах, которые были обнаружены и изъяты в процессе обыска на квартире И. Кроме того, в ходе предварительного следствия установлено, что И. неоднократно сбывала пригото-

¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Российская газета. 2016. 7 дек.

² См.: Архив Гатчинского городского суда Ленинградской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-gatchinskij-gorodskoj-sud-leningradskaya-oblast-s/act-100497218> (дата обращения: 24.02.2018).

ленные наркотические средства различным лицам, используя свою квартиру в качестве притона для потребления приготовленных ею наркотических средств.

В ходе судебного разбирательства указанные данные предварительного следствия подтвердились, но суд переквалифицировал совершенное И. деяние в соответствии с ч. 1 ст. 228 УК РФ – незаконное хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере. Свое решение об отсутствии приготовления к преступлению, предусмотренному п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, суд мотивировал отсутствием в материалах уголовного дела совокупности доказательств, свидетельствующих о намерении И. сбыть изъятое в ходе обыска наркотическое средство. Полученных в ходе следствия и судебного разбирательства доказательств вины И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, недостаточно для инкриминирования указанного вида неоконченного преступления¹.

Учитывая содержание приведенных материалов следственно-судебной практики об ответственности за неоконченное преступление, прерванное на стадии приготовления, мы полагаем, что вряд ли возможно получить достаточные доказательства вины обвиняемого, если последний отказывается дать признательные показания. Однако даже в случае дачи обвиняемым признательных показаний достаточность полученных доказательств в силу требований, предусмотренных ч. 2 ст. 77 УПК РФ, будет весьма условной.

Отказ от установления уголовной ответственности за действия, которые совершаются на стадии приготовления к совершению преступления, на наш взгляд, является обоснованным, поскольку они, будучи не запрещенными нормами Особенной части УК РФ, не характеризуются признаками общественной опасности и противоправности, которые в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ характерны для преступления.

¹ См.: Уголовное дело № 1-1086/2011 // Архив Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан. URL: <https://rospravosudie.com/court-naberezhnochelninskij-gorodskoy-sud-respublika-tatarstan-s/act-139148210> (дата обращения: 10.04.2018). Также см.: Приговор Ставропольского краевого суда от 25.02.2020 №22-960/2020. Обвинение: по ч. 3 ст. 30, пп. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (покушение; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов ...). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.07.2020).

Эти же действия не содержат совокупности всех признаков состава преступления, которые согласно ст. 8 УК РФ необходимо установить в процессе квалификации. Объективные признаки состава в действительно совершенном деянии не могут быть установлены, поскольку последнее не предусмотрено нормой Особенной части УК РФ. Спорным представляется и установление субъективной стороны, поскольку вина определяется именно в отношении предусмотренного нормой Особенной части УК РФ деяния и его негативных последствий (ч. 2 ст. 25 УК РФ). Юридическая констатация факта наличия в деянии, прерванном на стадии приготовления, состава преступления, по нашему мнению, недопустима. Законодательное определение возможности привлечения лица к уголовной ответственности за приготовительные действия вызвана, скорее, стремлением пресечь еще только планируемое к совершению уголовно наказуемое деяние, что не согласуется с недопустимостью применения уголовного закона по аналогии (ст. 3 УК РФ), а также лишает осужденного возможности добровольно отказаться от осуществления противоправной деятельности на более поздних стадиях совершения преступления (ст. 31 УК РФ).

Таким образом, оценка противоправности как признака преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), которое не было доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам (ст. 29, 30 УК РФ), позволяет сформулировать следующие выводы: во-первых, основанием уголовной ответственности в соответствии со ст. 8 УК РФ является наличие в деянии всех признаков состава преступления. Анализ действий, совершаемых на стадии приготовления, указывает, что из всех признаков (элементов) состава готовящегося преступления на данном этапе можно с определенными оговорками установить только его субъективную сторону. Вследствие этого решение о наличии в деянии – приготовительных действиях – основания для привлечения лица к уголовной ответственности носит крайне дискуссионный и умозрительный характер.

Во-вторых, фактическое отсутствие в приготовительном деянии всех признаков состава преступления приводит к необходимости осуществлять квалификацию, основанную на предположении следователя и судьи о том, что обвиняемый при отсутствии объективных препятствий обязательно совершил бы планируемое преступление. Подобный алгоритм действий является применением уго-

ловного законодательства по аналогии, а потому не согласуется с принципами законности, справедливости, а также презумпцией невиновности.

В-третьих, привлечение к уголовной ответственности за приготовительные действия лишает обвиняемого права и фактической возможности добровольно отказаться от продолжения совершения преступления. Наличие добровольного отказа исключает возможность привлечения к уголовной ответственности. При реализации ответственности за неоконченное преступление, прерванное на стадии приготовления, человек не может воспользоваться предусмотренным ст. 31 УК РФ правом, поскольку уже обвиняется в преступлении, которое не успел совершить по независящим от него обстоятельствам. Однако никто не может утверждать, что лицо не отказалось бы от осуществления преступной деятельности до момента совершения уголовно наказуемого деяния в полном объеме.

В-четвертых, противоправность действий, совершаемых на стадии покушения, устанавливается, поскольку в них присутствуют признаки всех элементов состава соответствующего преступления. Данное обстоятельство обеспечивает возможность привлечения лица к уголовной ответственности за неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения.

Глава 3. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

3.1. Наказуемость неоконченного преступления в контексте теорий уголовного наказания

Наказуемость преступления в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ является его неотъемлемым признаком. Однако, как отмечалось в предыдущей главе, это мнение не является общепризнанным. Предмет дискуссии, скорее всего, кроется в различном толковании содержания уголовной наказуемости. Сторонники ее признания в качестве одного из признаков преступления приводят преимущественно следующие доводы: официально признается действующим уголовным законом; преступление не может формироваться без определения меры ответственности за его совершение, а потому наказуемость является частью преступного деяния; лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет, подвергается тем лишениям и правоограничениям, которые составляют сущность уголовного наказания¹.

Противники этой позиции приводят не менее убедительные аргументы о том, что наказание объективно не может рассматриваться в качестве составляющей преступления. Определение меры ответственности за конкретное деяние представляет собой процесс индивидуализации уголовной ответственности, который не во всех случаях завершается определением конкретного вида и размера (срока) уголовного наказания. Помимо этого, действующий уголовный закон содержит значительное количество поощрительных норм, положения которых позволяют лицу, совершившему преступление, избежать негативного воздействия, реализуемого посредством уголовного наказания².

¹ См.: Бибик О. Н. Наказуемость как признак преступления // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2008. № 2. С. 123–124; Дорогин Д. А. К вопросу о наказуемости как ключевом признаке преступления для целей исключения уголовной ответственности // Шестой пермский конгресс ученых-юристов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 16–17 окт. 2015 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2015. С. 250.

² См.: Козлов А. П. Понятие преступления. С. 748–752; Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. С. 128; Петин И. А. Преступление как критерий неосознания неотвратимости ответственности // Российский следователь. 2010. № 6. С. 22; Фефелов П. А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности: основные методологические проблемы / отв. ред. М. И. Ковалев. М., 1972. С. 49.

Анализ приведенных мнений свидетельствует о различном сущностном подходе к уголовно-правовой категории «наказуемость». Противники ее признания признаком преступления в действительности ведут речь о практическом применении уголовно-правовых предписаний в рамках реализации ответственности в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления. Разумеется, что в подобных случаях уголовное наказание может и не назначаться по результатам рассмотрения уголовного дела в связи с отсутствием в нем необходимости. Приверженцы данной точки зрения отказываются от нормативистского подхода определения преступления, предлагая при этом реальный анализ процесса привлечения лица к уголовной ответственности, в связи с чем выдвигаемые идеи не лишены оснований для признания.

Однако наказуемость все же является объективным признаком преступления, хотя и производным от его первичных признаков: общественной опасности и противоправности. Сторонники указанного подхода справедливо акцентируют внимание на ее абсолютности, независимой от результатов правоприменительной деятельности. При таком нормативистском рассмотрении преступление немыслимо без наказуемости, поскольку в противном случае теряется весь смысл законодательной деятельности по определению общественной опасности соответствующих видов деяний и их последующей криминализации¹. Здесь наказуемость выступает в качестве одного из доктринальных уголовно-правовых принципов о неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление, в связи с чем добиться действительности его выполнения было бы невозможным в условиях отказа от ее включения в совокупность признаков преступления.

В то же время сводить значение наказуемости только к одному из признаков преступления и (или) к одному из возможных последствий его совершения является ошибочным решением. В научной литературе высказаны достаточно обоснованные суждения, в соответствии с которыми устанавливаемая уголовным законом наказуемость представляет собой зеркальное отражение общественной опасности деяния и предпосылки вариантов его криминализации. Так, многие труды представителей отечественной и зарубежной уголовно-правовой

¹ См.: Дорогин Д. А. Указ. соч. С. 249.

науки еще с XIX в. презюмировали приоритет решения общих проблем установления, назначения и реализации уголовного наказания, поскольку наказание фактически представляет собой конечный результат всей деятельности уголовного установления и правоприменения¹.

Наказуемость деяния предопределяет деятельность законодателя относительно конструирования санкций статей Особенной части УК РФ, вследствие чего общественная опасность предусмотренного диспозицией деяния конкретизируется в видах наказания и его пределах. Социальная составляющая наказуемости не ограничивается опасностью соответствующего деяния, поскольку в процессе законодательной деятельности государством определяется степень заинтересованности предупреждения того или иного вида поведения именно уголовно-правовыми средствами. Это предопределяет учет экономических и иных возможностей власти относительно эффективности или неэффективности криминализации и пенализации конкретных деяний, что дает возможность отдельным исследователям не исключать влияние наказуемости даже на процесс формирования общественной опасности².

Тем не менее приведенная позиция вызывает возражения по причине некоторого несоответствия логических законов причины и следствия. Общественная опасность деяния является базисом для определения всех последующих решений о степени (мере, объеме и др.) ее вредоносности для общества, поиска наиболее эффективных методов противодействия, а равно определения круга средств уголовно-правового воздействия в отношении лица, допускающего совершение подобного деяния. Отсюда и следует формирование наказуемости деяния, общественная опасность которого уже была признана в процессе оценки общественной опасности и криминализации. В связи с этим наказуемость деяния можно рассматривать в качестве юридического факта, не имеющего строгой зависимости от конкретной меры уголовной ответственности, устанавливаемой и реализуемой за совершение преступления.

¹ См.: Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития. С. 37.

² См.: Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 97–99; Лопашенко Н. А. Пенализация преступлений против собственности: состояние и проблемы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 6.

Установление наказания за общественно опасное деяние, равно как и определение степени его справедливости, несмотря на свое правовое содержание, все же имеют общегуманитарное значение. Попытки их решения предпринимались со времен древнейших цивилизаций и не утрачивают актуальности по сей день. Было бы не совсем верным назвать эволюционным развитие учений об уголовном наказании, поскольку они формировались параллельно, а не сменяли друг друга ввиду повышения степени истинности. Это в какой-то мере позволяет согласиться с мнением А. В. Наумова о том, что данная проблема находится в плоскости предмета философского, а не юридического осмысления¹. Современная уголовно-правовая доктрина насчитывает как минимум три базовые теории уголовного наказания: абсолютную, относительную и смешанную², которые по-разному определяют сущность уголовного наказания и критерии оценки справедливости его реализации.

Так, учение абсолютной теории основано на том, что уголовное наказание является возмездием за вред, который был причинен в результате совершения преступления. Абсолютизм этого утверждения сводится к идентификации с вредом, который причинен в результате совершения преступления. Наказание является логическим продолжением (последствием) имевшего место преступного деяния, то есть выступает целью государственной карательной деятельности по отношению к преступнику.

Думается, что именно эта идея изначально доминировала при определении вида меры негативного воздействия, применяемой к нарушителям сложившихся обычаев, а впоследствии и установленных правил поведения. Некоторые исследователи указывали, что еще до появления норм писаного права люди уже определяли меры ответственности за нарушение общепризнанных социальных ценностей. Эти меры негативно-принудительного воздействия преимущественно сводились к «симметричному ответу», реализуемому в рамках кровной мести, или к ostracism. В первом случае

¹ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 340.

² См.: Уголовно-правовое воздействие : монография / под ред. А. И. Рарога. М., 2012. С. 109. Справедливости ради следует отметить, что отдельные авторы выделяют значительно большее количество теорий уголовного наказания, но, как представляется, все эти учения в сущности дублируют базовые положения абсолютной, относительной и смешанной теорий о сущности и целях уголовного наказания.

воздаяние реализовывалось в отношении представителя (представителей) «чужой» социальной группы, а во втором – своего племени, рода, общины¹.

Многие исследователи склонны считать, что «теория возмездия» имеет в своей основе социально-философские идеи, предложенные И. Кантом и Г. Гегелем. Так, И. Кант в труде «Основоположения метафизики нравов» указал, что морально-нравственная ответственность человека за причиненный им вред обществу должна сводиться только к определенным негативным материальным последствиям для нарушителя. Кант был убежден, что при совершении преступления нарушаются некие блага и ценности, объективно признаваемые обществом, а потому после причиненного преступлением вреда у общества возникает право на воздаяние преступнику. Объем этого воздаяния должен быть соразмерен объему преступного вреда, иначе невозможно вести речь о справедливости возмездия². Как отмечается в современной литературе, в этом случае наивысшей справедливостью уголовно-правового возмездия считается полная тождественность вреда, причиненного преступлением, тем лишениям, которые испытывает осужденный при исполнении назначенного наказания³.

Ключевая идея теории диалектического возмездия Г. Гегеля сводилась к появлению права на наказание только после совершения преступления. Совершив преступление, человек признает возможность быть осужденным представителями государственной власти и испытать ту меру возмездия, которая будет достаточна для искупления вины в совершенном деянии⁴. Анализ данной теории свидетельствует о том, что Г. Гегель, как и И. Кант, не ставил никаких целей, которые необходимо достичь после исполнения (применения) уголовного наказания. Именно поэтому И. Кант и Г. Гегель считаются родоначальниками абсолютной теории уголовного наказания.

В отечественной дореволюционной науке уголовного права идеи абсолютной теории широкой поддержки не получили. В то же время Н. С. Таганцев полагал, что

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. С. 359; Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. С. 10–16.

² См.: Кант И. Основоположения метафизики нравов // Соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 4. С. 368–369.

³ См.: Кругликов Л. Л. Целесообразность и цели в российском уголовном законодательстве // Вестник Югорского государственного университета. 2018. № 2 (49). С. 20–21.

⁴ См.: Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 413–414.

это учение наиболее полно охватывает содержание уголовного наказания¹. Соглашаясь с ним, С. П. Мокринский писал: «В основе каждой абсолютной нормы заложено определенное начало, с которым человечество призвано согласоваться и отменить которое оно не властно. Абсолютные теории представляют собой философскую разработку императивов, требований от наказания со стороны абсолютных принципов идеально-нравственного, эстетического, религиозного, логического»².

Несмотря на значительное количество критики, которой подверглась и подвергается до сих пор абсолютная теория уголовного наказания (Х. Кестлин³, В. С. Соловьев⁴, М. П. Чубинский⁵ и др.), все же можно утверждать, что она выдержала проверку временем. Основная идея об эквивалентном возмездии, реализуемом в порядке применения наказания, находит свое отражение в нормативных актах уголовного законодательства многих стран мира и не утрачивает своей актуальности по сей день.

Необходимость поиска баланса между общественной опасностью, которой характеризуются деяние и личность преступника, и степенью интенсивности негативного воздействия конкретного вида наказания фактически была положена в основу содержания уголовно-правового принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), а также современного учения о дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности¹. Кроме того, психология человека определяет справедливость назначенного наказания в первую очередь на основании того объема вреда, который был причинен в результате совершения преступления. Так, по результатам проведенного нами анкетир-

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. С. 470.

² Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. Часть I. Общее и специальное предупреждение преступлений. М., 1902. С. 10.

³ Köstlin H. System des deutschenstrafrechts. Ersteabtheilung. Allgemeinertheil. Tübingen, 1855. 647 p. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/011615311> (дата обращения: 21.02.2018). Аналогичные суждения высказывали гегельянцы Генрих Абегг и Альберт Бернер. Более подробно см.: Везломцев В. Е. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2010. С. 78–82.

⁴ См.: Философия уголовного права / сост., ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика. СПб., 2004. С. 220.

⁵ См.: Чубинский М. П. Курсъ уголовной политики. Ярославль, 1909. С. 291.

¹ См.: Кругликов Л. Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения // LEXRUSSICA. 2014. № 3. С. 305–313; Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч.; Рогова Е. В. Указ. соч.; Килимбаев Р. В. Наказуемость неоконченного преступления в рамках теорий уголовного наказания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 2. С. 90–97.

рования представителей профессорско-преподавательского состава юридических вузов и факультетов на вопрос: «Каким образом определяется справедливость уголовного наказания?» – были получены следующие ответы: преступник в процессе исполнения уголовного наказания должен испытать примерно те же негативные последствия, которые наступили в результате совершенного им преступления, – 60 % респондентов; лицо после отбытия наказания не совершает противоправных, в том числе преступных, деяний – 20 %; и преступник, и третьи лица (общество) осознают недопустимость совершения преступлений – 19 %; иное мнение выразил 1 % респондентов (прил. 2). Представленные результаты анкетирования подтверждают, что в сознании людей критерием справедливости уголовного наказания по большей мере (60 %) продолжает оставаться приблизительно возможное равенство лишений и ограничений, составляющих сущность наказания, с теми негативными последствиями, которые наступили в результате совершенного преступления.

Основы относительной (утилитарной) теории уголовного наказания тоже формировались в эпоху античности¹. Сущность уголовного наказания определялась необходимостью предупреждать совершение преступлений в будущем, а не к отмщению уже состоявшегося в реальной действительности зла. Здесь имеет место отрицание практической значимости применения наказания для любого рода компенсации вреда, причиненного совершением преступления. Действительной целью, ради достижения которой может быть обосновано применение наказания, является предупреждение повторения преступления в будущем².

Основу учения относительной теории уголовного наказания сформировали Ч. Беккариа и И. Бентам. Рассматривая наказание в качестве «абсолютной необходимости», Ч. Беккариа указывал на то, что степень справедливости уголовного наказания находится в пропорциональной зависимости от качества защиты общественного блага от преступных посягательств отдельных лиц. Жестокость наказания может быть оправдана только в том случае, если она не противоречит общему благу и не создает препятствий для предупреждения преступлений. Во всех

¹ См.: Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985. С. 183–187, 287–288.

² См.: Платон. Законы // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Lows.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

остальных случаях жестокость наказания является признаком «стада рабов», которая вызвана их страхом перед преступником. Истинная цель уголовного наказания заключается только в воспрепятствовании виновному вновь совершить преступление, а равно удержать других от причинения аналогичного вреда общественному благу¹.

Суть воззрений И. Бентама на уголовное наказание сводилась на ориентацию «полезности» – свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить выгоду, удовольствие, добро или счастье, но обязательно предупреждать вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь. Уголовное наказание может быть воспринято как «счастье» только в том случае, если общество получает от него пользу в виде предупреждения еще большего зла и страданий, то есть только для предупреждения совершения преступлений в будущем. Во всех иных случаях наказание не является олицетворением социального удовольствия, а потому не может иметь места в обществе².

И. Бентам одним из первых попытался дать научное обоснование практической цели уголовного наказания и обозначить наказание как средство, а не самоцель социального воздействия, действительная справедливость которого измеряется не страданиями преступника, а его последующим законопослушным поведением – общественным благом.

Положения относительной теории уголовного наказания ничуть не утратили своей актуальности и по сей день. Идеи о превентивной цели уголовного наказания, средств ее достижения и задач, которые ставятся перед субъектом уголовно-исполнительной деятельности, нашли свое отражение в источниках уголовного права многих стран современного мирового сообщества. В научной литературе это объясняется рациональной основой указанного теоретического учения: уголовное наказание будет иметь социальную пользу только в случае, когда оно обеспечивает положительные изменения в будущем; страх перед уголовным наказанием как фактор превентивного значения должен иметь бóльшую силу в сравнении с мотивацией преступного

¹ См.: Беккариа Ч. Указ. соч. С. 90, 92, 103.

² См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 9, 221–229.

поведения¹. Лишения и правоограничения, которые неизбежно влечет за собой исполнение уголовного наказания, становятся социально оправданными и полезными только в тех случаях, когда они обеспечивают отказ от совершения преступления в будущем, хотя искоренение преступности в обществе только такими средствами не представляется возможным².

Практическое значение относительной теории уголовного наказания проявляется и в том, что современные пенитенциарные учреждения во многих странах именуется исправительными, в них созданы условия для получения осужденными общего и профессионального образования, физической и социальной реабилитации и т. п.³, а на уровне международного права закрепляются минимальные стандартные правила, в соответствии с которыми заключенным независимо от тяжести совершенного преступления гарантировано соблюдение социальных, культурных и иных прав и законных интересов человека⁴. Именно поэтому уголовное наказание в соответствии с рассматриваемым учением не имеет ничего общего с возмездием за совершенное преступление, а выполняет строго социальные задачи: защищает от возможных в будущем общественно опасных посягательств, при этом исправляя преступника в процессе пенитенциарной ресоциализации. Это определяет достаточно высокую степень социальной значимости и полезности уголовного наказания, но идеализировать относительную теорию уголовного наказания тоже не представляется возможным.

Отказ от рассмотрения меры государственного принуждения в качестве воздаяния за совершенное преступление полностью видоизменяет ее сущность и основания реализации. Если уголовное наказание представляет собой меру социальной защиты, средство для обеспечения общественной безопасности и (или) под-

¹ См.: Сулейманова С. Т. Эволюция целей уголовного наказания в уголовном праве России и Канады // LEXRUSSICA. 2016. № 7. С. 105.

² См.: Кругликов Л. Л. Целесообразность и цели в российском уголовном законодательстве // Вестник Югорского государственного университета. 2018. № 2 (49). С. 20–21.

³ См.: Бабаян С. Л. К вопросу о совершенствовании правового регулирования поощрительного института изменения вида исправительного учреждения // Российский следователь. 2015. № 14. С. 47–50; Громов В. Г. Обязанности исправительных учреждений // Современное право. 2013. № 4. С. 127–130.

⁴ См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г. № 70/175. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

держания общественного порядка, то нет ничего предосудительного в применении уголовного наказания к лицам, которые демонстрируют склонность к совершению уголовно наказуемых деяний, хотя и не совершают их в действительности. Преступление перестает рассматриваться в качестве обязательного условия для применения уголовного наказания либо незначительное по своей вредоносности деяние может влечь за собой самые суровые меры уголовной ответственности (социальной защиты). Подобный произвол становится оправданным, а потому возможным, так как при выборе уголовного наказания первоочередное значение приобретает характеристика личности преступника, а не общественная опасность совершенного им деяния.

В нашей стране имело место официальное признание уголовного наказания в качестве меры социальной защиты¹. Это позволяло назначать смертную казнь или длительные сроки лишения свободы преимущественно по причине принадлежности к социальной группе, чуждой советской власти: «буржуазия» (ст. 47, 58.4 УК РСФСР), «враги трудящихся» (ст. 20, 23, 27 УК РСФСР), «контрреволюционеры» (ст. 58.2, 58.11 и др. УК РСФСР), «кулацкие элементы» (ст. 61 УК РСФСР). Более того, ст. 7 УК РСФСР в редакции 1926 г. предусматривала возможность применения мер социальной защиты не только к лицам, совершившим преступление, но и к тем, которые относятся к группе граждан, представляющих опасность по своей связи с преступной средой, или по своей прошлой деятельности¹. При таких обстоятельствах даже самые ярые сторонники практической реа-

¹ В ст. 8 УК РСФСР 1922 г. содержалась формулировка «наказание и другие меры социальной защиты», но в связи с принятием Основных начал уголовного законодательства 1924 г. любое реагирование государства на совершение уголовно наказуемого деяния рассматривалось только в качестве «мер социальной защиты». См.: О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) (утратило силу); Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик : утв. постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. (утратило силу) // Собр. законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

¹ См.: Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. и с предисл. И. Т. Голякова. М., 1946. С. 9; Килимбаев Р. В. История развития института неоконченного преступления в российском уголовном праве // Современное состояние и пути развития уголовной политики : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Архангельск, 31 мая – 1 июня 2019 г.). Архангельск, 2019. С. 34–42; Нигмадьянова С. Ф. Стадии совершения преступления в уголовном праве России 1917–1926 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9, 16.

лизации Закона Талиона при определении меры уголовной ответственности будут выгодно отличаться гуманностью и человеколюбием по сравнению с приверженцами относительной теории уголовного наказания.

Для постановки под сомнение сущности уголовного наказания в интерпретации ученых-утилитаристов будет уместным процитировать русского философа-юриста П. И. Новгородцева (1866–1924): «Если рационализм отрицает все историческое, не находя в нем соответствия со своими принципами, то этим самым он обнаруживает внутреннее бессилие и бессодержательность этих принципов. Чтобы обладать жизненным значением, они должны иметь корни в действительности и хотя бы частично проявиться в истории»¹. Отказ от признания наказания в качестве воздаяния (кары), которое направлено на лицо, совершившее преступление, не имеет ничего общего с историей возникновения и развития наказания как социально-правового института, а потому может признаваться ошибочным утверждением.

Наконец, утилитаристы определяли справедливость наказания именно через эффективность достижения сформулированных ими целей². Однако даже при гипотетическом исправлении осужденного и предупреждении совершения им новых преступлений примененное наказание не во всех случаях может признаваться обществом как справедливое³. В связи с этим показательны следующие результаты проведенного нами анкетирования. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы справедливым наказание, например, в виде штрафа в размере 100 тыс. рублей, если преступник в результате осуществления своей незаконной деятельности получил 1 млн рублей, но после этого никогда не совершал уголовно наказуемых деяний?», – мы получили следующие ответы: наказание справедливым не является – 72 % респондентов; наказание является справедливым, так как обеспечило исправление преступника и предупреждение преступности – 28 % респондентов (прил. 2). Очевидная несправедливость такого наказания не вызывает сомнений, с чем соглашаются почти три четвер-

¹ Новгородцев П. Историческая школа юристовъ, ея происхождение и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ последовательномъ развитіи. М., 1896. С. 12.

² См.: Беккариа Ч. Указ. соч. С. 90–91, 103.

³ См.: Уголовное дело № 1-3/2016 (1-88/2015) // Архив Шелковского районного суда Чеченской Республики. URL: <https://rospravosudie.com/court-shelkovskoj-rajonnyj-sud-chechenskaya-respublika-s/act-538449682> (дата обращения: 20.02.2018).

ти респондентов. И даже если лицо в будущем больше не совершит преступлений, подобное наказание остается неприемлемым для общества.

Ахиллесовой пятой и абсолютной, и относительной теории была их категоричность в утверждениях о сущности уголовного наказания, что неизменно выступало основанием для критических суждений в научной литературе¹. Вследствие этого была предложена еще одна «смешанная» теория уголовного наказания, в рамках которой авторы стремились в различных вариациях объединить рациональные идеи обоих приведенных учений об уголовном наказании.

В настоящее время достаточно трудно определить родоначальника этого учения об уголовном наказании, поскольку все исследователи данной проблематики изначально выступали сторонниками (критиками) абсолютной (относительной) теории. Для разрешения противоречий между указанными теориями использовались различные приемы и обоснования, описанные Н. С. Таганцевым еще в начале прошлого века. В частности, указывался исторически-эволюционный путь развития сущности уголовного наказания, при котором изначально оно выступало в качестве средства отщипления преступнику за вред, причиненный обществу, а затем – как мера, обеспечивающая общественную безопасность от преступных посягательств в будущем. Высшим же пределом этого эволюционного процесса предлагалось понимать достижение справедливости уголовного наказания, когда оно стало представлять разумное возмездие преступнику, соответствующее нормам не только писаного права, но и общественной морали (Г. Абегг).

Иное обоснование для устранения противоречий абсолютной и относительной теории предложил А. Бернер, считавший, что наказание является актом справедливости, призванным восстановить нарушенное преступником право. Справедливое возмездие облекается в рамках санкции уголовно-правовой нормы, на основании которой и определяется окончательная мера наказания для виновного. Удовлетворяющее и устрашающее возмездие одновременно обеспечивает защиту государству и праву, восстановление причиненного преступлением вреда, предупреждение совершения новых преступлений. Кроме того, Н. С. Таганцев

¹ Gropp W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Berlin, 2001. P. 34.

описывает и иные социологические и правовые исследования уголовного наказания, которые проводились преимущественно германскими учеными и были направлены на обеспечение достижения целей воздаяния, исправления и обеспечения общественной безопасности¹.

Подводя итог изучению содержания теорий уголовного наказания, следует обратить внимание на то, что средства, избираемые обществом для охраны своих ценностей и интересов, менялись в зависимости от уровня его развития и цивилизованности. На протяжении истории общественного развития менялось и само наказание в части видов и объема тех прав и свобод, которых лишается или в которых ограничивается лицо, признанное виновным в совершении преступления. Подобные изменения вызваны переоценкой ценностей, неизбежно осуществляемой в процессе развития социума. Наказания, применяемые в различные периоды, формировались обществом и обеспечивали (насколько это возможно) защиту его интересов в зависимости от господствующих представлений об эффективности мер уголовно-правового принуждения, поэтому каждая из приведенных теорий является ценнейшим источником научно-практических знаний, несмотря на то что ни в одной из них доподлинно не был решен вопрос о сущности уголовного наказания и действительной оценке справедливости его применения к преступнику.

Целесообразность установления мер ответственности за неоконченное преступление также следует анализировать с позиций, содержащихся в предложенных теориях уголовного наказания. Как мы уже отмечали, общественная опасность неоконченного преступления в ряде случаев носит достаточно условный характер, в связи с чем установление и последующее применение мер уголовной ответственности на общих основаниях не соответствует принципу справедливости. Современная теория права содержит два концептуальных подхода относительно обоснования принимаемых и реализуемых правовых предписаний. Первый из них предполагает оправданность правовых положений только тогда, когда они преследуют социально полезную цель. Данный позитивный результат

¹ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. С. 368–370.

прогнозируется субъектом правотворческой деятельности¹. Второй подход ориентирован не на формальное содержание нормы, а на действительные результаты ее применения. Норма может рассматриваться в качестве регулятора общественных отношений, если ее применение действительно приводит к положительным социальным последствиям. Идея законодателя о полезности принимаемых правовых предписаний в этом случае имеет вторичное значение².

Содержание источников уголовно-правовой доктрины о неоконченном преступлении свидетельствует о том, что авторы обосновывают необходимость установления ответственности за юридически незавершенную преступную деятельность, используя один из перечисленных подходов правового обоснования. Некоторые исследователи утверждают, что, принимая решение о криминализации неоконченных посягательств на охраняемые уголовным законом общественные отношения, законодатель обеспечивает создание возможности карательного применения уголовного закона на ранних стадиях развития преступной деятельности для предупреждения наступления общественно опасных (вредных) последствий³. Однако постановка социально полезной цели, средством достижения которой является уголовно-правовой запрет, еще далеко не означает его действительную достижимость. В случае установления уголовной ответственности за неоконченное преступление уже наблюдается несогласованность специальных норм данного института с отдельными уголовно-правовыми принципами и общими положениями о содержании преступления.

В. Н. Некрасов, анализируя результаты применения зарубежного уголовного права за приготовление и покушение на совершение преступления, приходит к выводу о высоком социальном значении криминализации и последующей наказуемо-

¹ См.: Пчелкин А. В. Техничко-юридические нормы в современной России (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 85, 91–95; Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985. С. 10.

² См.: Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права. Краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 12; Фаткулин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / под науч. ред. В. П. Малкова. Казань, 1977. С. 12.

³ См.: Безуглый С. Н. Ответственность за неоконченное преступление по уголовному законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2017. С. 71; Поротиков Д. Ю. Указ. соч. С. 3.

сти поведения на указанных стадиях осуществления преступной деятельности, что следует учесть российскому законодателю¹. Принципиально не возражая против подобного обоснования, отметим, что еще А. Н. Круглевский указывал на невозможность определения действительных положительных социальных последствий ввиду наличия многообразия факторов, влияющих на результаты правоприменительной деятельности. Как указывал ученый, в различных случаях применение нормы порождает различные последствия, в связи с чем практическое определение действительных результатов правоприменения становится невозможным из-за их существенного различия. Если же признать основанием нормы только какой-либо один из результатов, наступивший в результате ее применения, то сделанные выводы будут страдать неполнотой и необъективностью².

В приведенных случаях авторы косвенно симпатизируют относительной теории уголовного наказания, указывая на необходимость доминирования уголовно-предупредительной деятельности. Однако предлагаемое решение носит явно односторонний характер. Предупредительная функция уголовного права эффективно реализуется, по их мнению, в результате установления наказуемости предварительной преступной деятельности, осуществляемой на стадиях приготовления и покушения. При этом авторы не акцентируют свое внимание на том, что уголовное наказание назначается и исполняется за деяние, которое формально может и не содержать совокупности элементов состава преступления. Наказуемость при этом остается неизменной как для оконченного, так и для неоконченного преступления.

Отсюда возникает вопрос о субъективном восприятии справедливости наказуемости неоконченного деяния. Как правило, лицо готово осознать и подчиниться правовому принуждению в процессе назначения и исполнения уголовного наказания, но только за оконченное преступление, запрещенное нормами Особенной части УК РФ. Факт создания гипотетической угрозы общественным благам не означает их действительного нарушения. Осознанная лицом несправедливость применения уго-

¹ См.: Некрасов В. Н. Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2013. С. 119, 134.

² См.: Круглевский А. Н. Учение о покушении на преступление. Т. 1. Петроград, 1917. С. 32.

ловного наказания явно не будет способствовать предупреждению совершения новых преступлений. Отсюда можно заключить, что превентивное значение криминализации деятельности, осуществляемой на стадиях приготовления и покушения, в современной науке уголовного права явно завышено, а фактические негативные последствия указанной деятельности не согласуются с закрепленной в УК РФ наказуемостью неоконченного преступления.

Приведенные данные указывают на то, что наказуемость (равно как общественная опасность и противоправность) является уголовно-правовой категорией, единой для институтов оконченного и неоконченного преступления. Приоритетное основание для установления наказуемости может определяться по-разному в зависимости от восприятия идей одной из существующих теорий уголовного наказания. Абсолютная теория в качестве такого основания указывала на общественную опасность совершаемого деяния, относительная – на превенцию, смешанная – не выделяла приоритетных оснований для наказуемости, учитывая в равной мере общественную опасность и деяния, и личности преступника, а также предупреждение совершения новых преступлений.

Применение наказания за неоконченное преступление в современной теории обосновывается преимущественно необходимостью осуществления предупреждения вреда, причиняемого обществу, на более ранних стадиях развития противоправной деятельности, нежели причинение вреда или наступление вредных последствий от совершенного запрещенного уголовным законом деяния. Указанное утверждение не соответствует общим началам предупреждения преступности: применение уголовного наказания, справедливость которого не воспринимается осужденным, не может признаваться эффективным средством предупреждения и профилактики совершения новых преступлений. По этой причине наказуемость неоконченного преступления становится оправданной, если в процессе совершения деяния были нарушены или поставлены под реальную угрозу нарушения охраняемые уголовным законом общественные отношения, то есть устанавливается исходя из вреда, причиненного объекту уголовно-правовой охраны.

3.2. Содержание целей наказания за неоконченное преступление

Приведенные теории создают основу для постановки и законодательного закрепления тех результатов, которые общество стремится получить от назначения и приведения в исполнение уголовного наказания. Важность постановки цели в любой деятельности обеспечивает ясность понимания сущности необходимых к выполнению действий и значительно сокращает затраты на процесс достижения желаемого результата. Пенитенциарная деятельность государства исключением не является. В связи с этим, определяя цель уголовного наказания, законодатель, по сути, обозначает направление общей пенитенциарной политики, формирует систему наказаний, способных обеспечить эффективность ее достижения. Кроме того, сформулированные в уголовном законе цели наказания выполняют ориентирующую функцию для правоприменительной деятельности, осуществляемую должностными лицами судебной и уголовно-исполнительной системы. По этим причинам крайне важно формулировать цель (цели) уголовного наказания таким образом, чтобы они были предельно просты для понимания и определения момента их действительного достижения. Некорректно поставленные цели уголовного наказания порождают условия для формализма в правоприменительной деятельности и неудовлетворенность потребностей общества в вопросах борьбы с преступностью.

Вышеназванные выводы находят свое подтверждение в научных исследованиях как российских, так и зарубежных авторов. Мы также разделяем идею о необходимости (обязательности) указания точных целей, которые должны быть достигнуты в результате назначения и исполнения уголовного наказания. Безусловно, цель наказания должна быть предельно конкретизирована, в противном случае определение момента ее достижения будет крайне затруднительным, если вообще возможным. Здесь же авторы отмечают, что проводимая государством уголовная политика находит свое отражение в тех целях, которые ставятся перед уголовным наказанием, что также указывает на их социально-правовую значимость¹.

¹ Meier B.-D. Strafrechtliche Sanktionen. Berlin, 2001. P. 33–35; Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 306; Кругликов Л. Л. Целесообразность и цели в российском уголовном законодательстве. С. 20–21.

Отечественное уголовное законодательство на протяжении всей истории своего развития предусматривало следующие виды целей уголовного наказания:

- общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений (УК РСФСР 1922 г.)¹;
- кара; исправление осужденных; перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития; предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (Основы уголовного законодательства СССР 1958 г., УК РСФСР 1960 г.)²;
- восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (УК РФ).

Обстоятельные обоснования недопустимости указания кары и перевоспитания осужденного в качестве официальных целей наказания были представлены еще советскими учеными³, вследствие чего в 1996 г. принято решение об отказе от включения указанных целей в новый уголовный закон. Однако предусмотренные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели наказания как были, так и остаются предметом научных дискуссий, хотя безусловная значимость точного определения официальных целей уголовного наказания обоснована не только доктринальными исследованиями, но и результатами проведенного нами анкетирования. Так, на вопрос: «Есть ли необходимость указывать в УК РФ цели уголовного наказания?» 97 % представителей правоохранительных и судебных органов дали утвердительный ответ (прил. 1). Мнения предста-

¹ См.: Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. (утратило силу) // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1919. № 66. Ст. 590.

² См.: Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (утратил силу); Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

³ Более подробно см.: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 258; Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов, 1973. С. 25; Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1977. С. 61, 65–68; Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984. С. 75.

вителей юридических вузов и факультетов на тот же вопрос были менее категоричны: о необходимости закрепления целей в УК РФ заявило 72 % опрошенных, тогда как 26 % респондентов отметили практическую бессмысленность указания целей в законе и 2 % указали иное (прил. 2). Из этого следует, что и результатами анкетирования подтверждена высокая значимость и необходимость закрепления целей уголовного наказания на уровне уголовного закона.

Каждая из официальных целей современного уголовного наказания являлась предметом исследований, представленных в многочисленных источниках научной литературы. Их анализ свидетельствует, что ни одна из заявленных ранее или предусмотренных современным российским уголовным законом целей уголовного наказания не получила всеобщей поддержки и одобрения. В зависимости от своих научных предпочтений авторы выделяют одну или несколько целей уголовного наказания в качестве действительного желаемого социального результата правоприменительной деятельности, и напротив, активно критикуют содержание иных предусмотренных УК РФ целей наказания, приводя комплекс аргументов относительно их недостижимости или некорректности формулирования¹.

Действительно, все заявленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели уголовного наказания довольно трудно оценить по критериям четкости формулирования и определению момента реального достижения. Это подтверждается результатами проведенного анкетирования: 46 % респондентов – представителей правоохранительных и судебных органов – указали на невозможность определения на практике реального достижения перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей уголовного наказания, а 44 % – затруднились дать однозначный ответ. Респонденты, считающие возможным реально определить достижение целей уголовного наказания, составили 10 % от общего числа, но при этом на предложение пояснить, каким образом определяется факт достижения целей уголовного наказания, 75 % ответы не предоставили (прил. 1).

¹ Более подробно см.: Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 15–16, 282; Громов В. Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 5; Елеонский В. А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. С. 57–58; Цветинович А. Л. Новый Уголовный кодекс РФ: достижения и просчеты (вопросы Общей части) // Преступность и закон : тез. конф. М., 1996. С. 8; и др.

Аналогичное мнение на вопрос о возможности определения на практике достижения целей уголовного наказания высказано представителями юридических вузов: 41 % респондентов отрицают эту возможность, такое же количество затруднилось дать однозначный ответ по данному вопросу. Респонденты, считающие возможным определить достижение данных целей, составили 17 %; иное указал 1 %. В то же время из общего количества опрошенных, считающих возможным практическое определение достижения целей уголовного наказания (17 %), 83 % не смогли пояснить, каким образом можно установить этот факт (прил. 2).

Включение в УК РФ цели восстановления социальной справедливости с сочетанием исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений указывает, что законодатель формировал институт уголовного наказания на идеях смешанной теории, основоположники которой пытались обосновать необходимость или возможность сочетания карательной и превентивной целей наказания.

Мы не разделяем идей о возможности исправления преступника и предупреждения совершения новых преступлений, достигаемой именно в результате исполнения уголовного наказания. Это может быть подтверждено результатами изучения сущности перечисленных целей уголовного наказания и анализом высказанных в научной литературе мнений об особенностях их достижения.

Характеризуя цель исправления преступника уголовно-правовыми средствами воздействия, Н. А. Беляев указывал на то, что исправление осужденных представляет собой сложный и трудоемкий процесс, реализуемый при исполнении лишения свободы. Если же уголовным наказанием не удастся достичь цели исправления осужденного, то частнопревентивные цели достигаются «карой и угрозой наказания за вновь совершенное преступление»¹. Интерпретация высказанного суждения сводится к тому, что исправление является конечной и более емкой по содержанию целью уголовного наказания. Ей предшествует достижение цели частного предупреждения новых преступлений. Однако если цель частной превенции можно считать достигнутой при простом «механическом» соблюдении

¹ Беляев Н. А. Избранные труды. URL: <http://iknigi.net/avtor-nikolay-belyaev/99614-izbrannye-trudy-nikolay-belyaev/read/page-20.html> (дата обращения: 13.01.2021).

осужденным нормативных предписаний, то достижение цели исправления свидетельствует именно об осознанности правопослушного поведения.

Еще до Н. А. Беляева при исследовании проблемы исправления преступника И. Я. Фойницкий отмечал, что исправительное воздействие уголовного наказания уместно не для всех категорий осужденных. Те, кто впервые совершил запрещенное уголовным законом деяние под воздействием случайного стечения обстоятельств, по убеждению ученого, не нуждаются в исправлении ввиду отсутствия факта криминальной зараженности. Применяя наказание к случайным преступникам, государство стремится не исправить, а утратить и их, и общество уголовным наказанием за совершение преступления. Именно этим объясняется крайняя суровость режимных требований, которые имеют место в пенитенциарных учреждениях, предназначенных для отбывания краткосрочных уголовных наказаний: одиночное содержание заключенных, сокращение норм питания, исключение общения с близкими и др., чего нельзя наблюдать в аналогичных учреждениях, предназначенных для длительного содержания преступников. В свою очередь, лица, которые осуждены на значительные сроки лишения свободы, нуждаются в исправлении, а потому данная цель может быть достигнута в результате применения уголовного наказания¹.

Более категоричен в решении этого вопроса был С. В. Познышев, считавший, что исправление преступника должно обязательно рассматриваться в качестве цели применения уголовного наказания в процессе судопроизводства, поскольку «уголовное право не знает неисправимых, а знает лишь неисправленных»¹.

Небезынтересен подход к определению содержания рассматриваемой цели, который позднее был предложен Б. В. Яценко и заключался в разграничении исправления как процесса и как юридического результата исполнения наказания. Именно юридическое исправление осужденного предполагается содержанием ч. 2 ст. 43 УК РФ в качестве самостоятельной цели уголовного наказания. Оно сводится к изменению отрицательных качеств личности осужденного, а также к привитию данному лицу чувства уважительного отношения к закону, установленному право-

¹ См.: Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб., 1889. С. 60–61.

¹ Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 36.

порядку, правам и законным интересам граждан, что обеспечивается применением карательных элементов уголовного наказания и является тем максимально возможным позитивным результатом применения уголовного наказания¹.

Подавляющее большинство сторонников признания исправления осужденного в качестве самостоятельной цели уголовного наказания сходились во мнении о том, что с момента начала исполнения уголовного наказания и до его завершения личность осужденного претерпевает кардинальные изменения: стремление удовлетворить свои низменные и иные потребности посредством совершения уголовно наказуемого деяния сменяется социально одобряемыми установками на служение обществу и государству; перестраивается вся система личностных ценностей, имевшая место «до» и «после» применения уголовного наказания; отказ от противоправного (преступного) поведения вызван не страхом перед новым уголовным наказанием, а морально-нравственными установками, исключающими возможность подобного поведения; и др.² В настоящее время высказано мнение о констатации факта исправления осужденного при оценке его жизнедеятельности, но только после исполнения в отношении его уголовного наказания, то есть недопущения совершения новых преступлений. При этом указывается, что принудительное и насильственное исправление неэффективно, хотя именно принудительное исправление имеет место в местах лишения свободы, реализуемое под угрозой применения государственного принуждения¹.

Между тем многие авторы ставили под сомнение возможность признания самостоятельности данной цели и способности ее существования в отрыве от цели предупреждения совершения осужденным новых преступлений (частная превенция), равно как и действительную возможность исправления осужденного, к которому было в установленном законом порядке применено уголовное наказание. Так, А. А. Герцензон не исключал возможность исправления преступника, однако рас-

¹ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание – издание профессора Малинина. СПб., 2007. С. 159–160.

² Более подробно см.: Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 37; Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание. СПб., 2005. С. 114; Мальцев В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград, 2007. С. 111; и др.

¹ См.: Селиверстов В. И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Избр. материалы Шестого Пермского конгресса ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 окт. 2015 г.) / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М., 2016. С. 407–409.

сма­три­вал его в качестве составляющей более общей цели уголовного наказания – предупреждение совершения новых преступлений¹. Иные авторы тоже высказывали сомнения о возможности признания исправления осужденного самостоятельной целью уголовного наказания и обосновывали свою позицию сущностью некоторых наказаний, которые или не предполагают при исполнении процесса исправления личности: штраф; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, или не связывают исправление осужденного с моментом окончания исполнения: пожизненное лишение свободы, смертная казнь².

Отрицал возможность исправления осужденного в условиях содержания в местах лишения свободы А. Подгурецкий, объясняя это крайне специфическими условиями, которые имеют место в пенитенциарных учреждениях, но никогда не встречаются в обычной жизни. Отгороженность от нормального мира порождает у осужденных снижение жизненных стимулов с одновременным увеличением степени конфликтности, агрессивности, взаимной неуживчивости, подозрительности. Это исключает возможность гарантирования положительных результатов исправительного процесса в условиях содержания человека в местах лишения свободы³.

Невозможность исправления осужденного путем применения к нему и карательных правоограничительных уголовно-правовых мер, и иных средств ресоциализации обосновывалась через этическую недопустимость принудительного улучшения человека. Государство вправе реагировать на причиненный вред охраняемым уголовным законом правам и законным интересам, но решение о принудительной перестройке уже сложившегося мировоззрения человека в процессе реализации уголовной ответственности безнравственно, а потому и недопустимо¹.

Некоторые исследователи, отрицая самостоятельность исправления как цели уголовного наказания, равно как и действительную возможность исправления

¹ См.: Герцензон А. А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие. М., 1948. С. 391.

² См.: Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. С. 83; Шестаков Д. А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. С. 156.

³ См.: Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. С. 207–208.

¹ См.: Усс А. В. О нравственной природе уголовно-правового осуждения преступника // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения : сб. науч. ст. Красноярск, 1989. С. 31–34.

преступника в результате применения к нему мер уголовно-правового воздействия, приводят сугубо практические доводы. В условиях лишения свободы (анализируется только этот вид наказания) происходит негативная деформация личности, а потому эффект от исполнения лишения свободы – особенно в тех случаях, когда человек был изолирован от общества на длительный срок – становится противоположным ожидаемому. К моменту освобождения осужденный, с одной стороны, утрачивает навыки к нормальной жизни на свободе, а с другой – хорошо усваивает ценности тюремной субкультуры, приветствующей противоправный и аморальный (в обычном понимании) образ жизни. В совокупности это не только не исправляет человека, но и в большей степени уродует его сознание, выступая добротной предпосылкой для процветания рецидивной преступности¹.

Официальная трактовка исправления осужденного (ч. 1 ст. 9 УИК РФ) сводится к отождествлению с формированием у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулированием правопослушного поведения. Подобный подход к определению содержания исправления осужденного как цели уголовного наказания заслуживает как минимум двух оговорок. Во-первых, данное определение содержится в уголовно-исполнительном законе, то есть в нормативном акте, не являющимся источником уголовного права (ст. 1 УК РФ), а потому не может определять уголовно-правовые категории. Во-вторых, уголовно-исполнительное исправление осужденного характеризуется как процесс формирования, стимулирования, но не как его конечная цель (в этом проявляется противоречие с содержанием ч. 2 ст. 43 УК РФ и ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Обращают на себя внимание и несколько размытые по своему содержанию положения, не позволяющие определить ни критериев их установления, ни действительного наличия положительных изменений личности осужденного, вызванных исполнением уголовного наказания: «уважительное отношение», «человеческое общежитие» и др.

Таким образом, решение об определении исправления осужденного в качестве цели уголовного наказания действительно спорно. Даже сторонники уголовно-

¹ См.: Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 15–16, 282.

правового признания самостоятельности данной цели строили свои обоснования преимущественно на примерах реализации лишения свободы. Объективность и всесторонность данного подхода в современных условиях сомнительна, поскольку действующий УК РФ помимо лишения свободы на определенный срок предусматривает еще двенадцать видов уголовных наказаний, из которых восемь (это примерно 62 % от общего количества) не связаны с изоляцией осужденного от общества. Кроме того, авторы прямо или косвенно связывают исправление с ведением правопослушного образа жизни осужденным, отбывшим уголовное наказание, то есть допускают смешение содержания двух юридически самостоятельных целей уголовного наказания: исправления и частной превенции. Определение одной категории через содержание иной категории противоречит правилам логики¹.

Еще одной целью наказания, которая была перенесена из советского уголовного закона в УК РФ, является предупреждение совершения новых преступлений. В силу традиционного толкования предупреждение подразделяется на две взаимодополняющие друг друга цели: частная и общая превенции². Первая распространяется на осужденного, который после совершения преступления и отбывания назначенного наказания не допускает повторения преступного поведения, а вторая – на неопределенный круг граждан, которые достоверно знают о возможности привлечения к уголовной ответственности, то есть о лишениях и правоограничениях, составляющих сущность уголовного наказания.

Мотивы, по которым бывший осужденный или законопослушный гражданин не совершают деяния, запрещенные уголовным законом, могут быть различными: страх привлечения к уголовной ответственности, морально-нравственные устои, рациональные расчеты о выгоде правомерного поведения, субъективное мнение об отсутствии реальной возможности осуществления преступной деятельности и др. Общая и частная превенция предполагаются достигнутыми уже только потому, что человек объективно не совершает уголовно наказуемых деяний.

¹ См.: Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития. С. 148–149.

² См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание – издание профессора Малинина. С. 182–183.

В литературе встречаются утверждения о том, что предупреждение совершения новых преступлений является или основной, или единственной целью уголовного наказания. Так, М. Д. Шаргородский, С. В. Полубинская и другие отмечают, что только предупреждение совершения новых преступлений может признаваться целью уголовного наказания, тогда как все иные перечисленные в уголовном законе цели в действительности являются или составными элементами предупреждения преступлений или средствами его достижения¹. С. В. Максимов указывает, что деятельность по реализации положений уголовно-правовых норм направлена на достижение единственной цели уголовного наказания – предупреждения совершения новых преступлений, тогда как выделение иных целей: восстановление социальной справедливости и исправление осужденного, не является методологически обоснованным решением².

Относительно содержания данной цели в науке уголовного права единства мнений также не наблюдается. Частная превенция некоторыми авторами понимается как ограничение или лишение осужденного возможности совершения новых преступлений³ или ограничение объективной возможности совершения осужденным, отбывающим наказание, очередного уголовно наказуемого деяния¹. Иные исследователи, непоследовательно трактуя положения уголовного закона, утверждают, что частное предупреждение новых преступлений является не целью, а процессом, который осуществляется на протяжении деятельности государственных органов по применению норм уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права².

Представленные суждения об особенностях достижения специальной превенции как цели уголовного наказания отчасти утратили свою актуальность, особенно в условиях существования современной системы уголовных наказаний

¹ См.: Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 31.

² См.: Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2002. С. 113.

³ См.: Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 157–158; Мицкевич А.Ф. Указ. соч. С. 103–104; Ной И. С. Указ. соч. С. 141; и др.

¹ См.: Жидков Э.В. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 13; Полубинская С.В. Указ. соч. С. 70; Сундуrow Ф. Р., Талан М. В. Указ. соч. С. 83.

² См.: Жалинский А. Э. Условия эффективности профилактики преступлений. М., 1978. С. 10; Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений. Омск, 1977. С. 6; и др.

и уголовно-исполнительной политики. Как уже отмечалось, далеко не все виды наказаний, предусмотренные действующим уголовным законом, предполагают физическую изоляцию осужденного от общества, равно как и полностью исключают возможность реализации им права на труд (например, служба в государственных органах власти), свободы выбора профессиональной деятельности (например, осуществление предпринимательской деятельности). Современная уголовная политика отличается высокой степенью либеральности и ориентирована на недопущение изоляции осужденного от общества, равно как и полного лишения его различных социальных прав и свобод¹. По этим причинам нельзя говорить об обеспечении отказа осужденного от совершения новых преступлений, поскольку применяемые в настоящее время меры государственного принуждения, как правило, не связаны с физической и (или) профессионально-трудовой изоляцией от общества.

Признание специальной превенции процессом реализации назначенного наказания беспочвенно, поскольку, во-первых, это явно противоречит законодательно установленному положению о целях наказания; во-вторых, процесс применения наказания не может быть регламентирован материальными уголовно-правовыми нормами, ибо данная категория выходит за рамки предмета уголовно-правового регулирования; в-третьих, все заявленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели представляют собой конечный результат реализации уголовного наказания, а не процедуру его применения.

Содержание общей превенции в научной литературе традиционно связывается с воздействием на сознание неопределенного круга лиц, не совершавших запрещенное уголовным законом деяние. Некоторые авторы предлагают конкретизацию адресата общепревентивного воздействия, указывая, что таковым является неопределенная группа «колеблющихся» и потенциально готовых к совершению уголовно наказуемого деяния¹. Подобная избирательность вряд ли может быть оправдана, поскольку законопослушные граждане удерживаются от совершения преступлений по

¹ См.: Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»; Тимошенко Ю. А. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о практике назначения уголовного наказания // Законность. 2016. № 4. С. 42.

¹ См.: Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963. С. 56; Зубкова В.И. Указ. соч. С. 87–88; и др.

различным мотивам, в том числе из-за боязни привлечения к уголовной ответственности. В связи с этим общепредупредительная цель уголовного наказания, видимо, может быть достигнута путем достоверного знания каждым членом общества, достигшим возраста уголовной ответственности, о том, что: 1) уголовный закон устанавливает наказания, которые ограничивают права и свободы осужденного соразмерно тяжести совершенного им преступления; 2) наказание за совершенное преступление применяется своевременно, то есть до истечения установленных уголовным законом сроков давности; 3) организация исполнения уголовного наказания исключает возможность осужденного уклониться от его негативного воздействия и избежать соответствующих лишений и правоограничений; 4) уголовное наказание является неотвратимым и наступает в каждом случае совершения общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом¹.

Сомнительность превентивной цели уголовного наказания заключается в том, что предупредить совершение новых преступлений путем установления ответственности за конкретный вид общественно опасного поведения, равно как и применением уголовного наказания, проблематично. Если назначенное наказание не соответствует общим представлениям о справедливости, то оно оказывается неспособным обеспечить и общее, и частное предупреждение преступлений¹.

Спорно и мнение о предупреждении совершения новых преступлений как о единственной цели уголовного наказания². Признание ее исключительности может привести к непредсказуемым негативным последствиям, при которых человек превратиться «в некую разменную монету в вечном и затягивающем обществе дальше и глубже процессе по «предупреждению» преступлений»³. Однако даже если предположить наличие гипотетической возможности обеспечить предупреждение совершения новых преступлений, то оно будет достигнуто бла-

¹ См.: Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития. С. 151–152.

¹ См.: Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву / сост. и предисл. Б. В. Волженкина. СПб., 2003. С. 318.

² См.: Полубинская С. В. Цели уголовного наказания / отв. ред. И. И. Карпец. М., 1990. С. 30; Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. С. 31.

³ Петин И. А. Цели наказания, их обоснованность и возможность достижения // Российский следователь. 2009. № 19. С. 17.

годаря наличию совокупности многих факторов, в которых уголовное наказание точно не будет иметь ключевого превентивного значения¹.

Наконец, результаты проведенного нами анкетирования указывают, что предупреждение совершения новых преступлений как цель уголовного наказания не находит в обществе абсолютной поддержки. Так, на вопрос: «Назовите, по Вашему мнению, главную причину, которая удерживает человека от совершения преступлений» – о боязни подвергнуться уголовному наказанию высказались лишь 49 % опрошенных; на высокий уровень правосознания и нравственности в качестве причины, удерживающей от совершения преступлений, указало 35 % респондентов; о нежелании возможного ухудшения материального положения (потеря работы и стабильного заработка) в связи с последствиями реализации уголовной ответственности высказалось 14 % респондентов и 2 % – указали иное мнение (прил. 2). Таким образом, страх быть подверженным уголовному наказанию выступает не единственной причиной, которая удерживает человека от совершения преступлений.

И исправление осужденного, и предупреждение совершения новых преступлений как цели уголовного наказания отстаивались представителями относительной теории. Думается, что заявленная в российском уголовном законе цель восстановления социальной справедливости интерпретирует обозначенную сторонниками абсолютной теории уголовного наказания цель возмездия (кары, воздаяния), которое осуществляется в отношении преступника за причиненный им вред.

Так, восстановление социальной справедливости может представлять собой либо результат деятельности правоохранительных и судебных органов, обеспечивающих в процессе профессиональной деятельности реализацию уголовной ответственности, либо результат субъективного восприятия преступником и потерпевшим достаточности лишений и правоограничений, которые применяются в процессе исполнения уголовного наказания.

¹ См.: Бавсун М. В. Уголовно-правовая идеология как средство предупреждения преступности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1. С. 78; Долгова А. И. Криминологический подход к детерминации и предупреждению преступности // Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под ред. А. И. Долговой. М., 2017. С. 10; Лапшин В. Ф. Наказание как средство предупреждения преступности: российский и зарубежный опыт // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 7. С. 50–51.

В первом случае предлагается считать восстановление социальной справедливости состоявшимся в момент воздаяния виновному за совершенное деяние путем исполнения назначенного наказания¹, вступления обвинительного приговора суда в законную силу², кары за нарушение уголовного запрета³, устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений⁴.

Сторонники субъективного восприятия факта восстановления социальной справедливости обращают внимание на то, что любое преступление причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Данный вред в первую очередь осознается (претерпевается, испытывается) потерпевшим, а также обществом и государством. По этой причине речь о восстановлении социальной справедливости можно вести только тогда, когда нарушенная преступным деянием система социальных отношений возвращается в свое первоначальное состояние. Средством такого восстановления является уголовное наказание, которое и обеспечивает эффективность восстановительного процесса¹.

Конкретизируя эту идею, некоторые авторы указывают, что справедливость восстанавливается в случае разрешения конфликта между преступником и потерпевшим на справедливых началах воздаяния, когда преступник получает справедливую предусмотренную уголовным законом кару за совершенное деяние, а потерпевший и общество – различные виды возможного удовлетворения: морального, материального, физического².

Объективности ради следует отметить, что и данная цель уголовного наказания не является бесспорной. В научной литературе высказано мнение, что восстановление социальной справедливости по своему содержанию представляет резуль-

¹ См.: Михлин А. С. Наказание : слов. по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. М., 1997. С. 221–222.

² См.: Курочка Е. В. Проблемы наказания в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 85.

³ См.: Исиченко А. П., Фумм А. М. Уголовное наказание в контексте социальной справедливости // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 6. С. 9.

⁴ См.: Петин И. А. Цели наказания, их обоснованность и возможность достижения. С. 14–15.

¹ См.: Никифоров Б. С. Избранное. М., 2010. С. 209, 215.

² См.: Астемиров З. А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания : учеб. пособие. Махачкала, 1987. С. 68–69; Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты : монография. М., 2011. С. 120–121.

тат индивидуализации уголовной ответственности, реализованной в отношении конкретного лица, признанного виновным в совершении преступления. Само по себе восстановление справедливости не может быть конкретизировано ни по моменту достижения, ни по сущности, поскольку представление о ней различное даже среди представителей одной и той же социальной группы¹.

И приведенные замечания нельзя признать беспочвенными. Отсюда возникает проблема определения той теории уголовного наказания, которая в наибольшей степени отвечает современной уголовно-правовой идеологии. Решение данной проблемы может предопределить и особенности установления уголовной ответственности за неоконченное преступление.

В предыдущей главе мы указали на фактическое отсутствие общественной опасности действий, совершаемых на стадии приготовления к совершению преступления. Противоправность совершаемых на данной стадии действий достаточно условна, поскольку в действительности формальные признаки состава преступления, предусмотренные диспозицией уголовно-правовой нормы, в приготовительных действиях отсутствуют, а криминализация сводится к установлению уголовно-правового запрета в ч. 1, 2 ст. 30 УК РФ. Исключением из этого являются случаи, когда эти действия определяются законодателем в качестве самостоятельных преступлений, за совершение которых устанавливается ответственность отдельной нормой Особенной части УК РФ. При таких условиях применение уголовного наказания за фактически приготовительные действия – юридически оконченное преступление – является оправданным.

Совершение неоконченного преступления, прерванного по не зависящим от лица обстоятельствам на стадии покушения, уже заслуживает применения уголовной ответственности, в том числе уголовного наказания. Однако с учетом пониженной степени общественной опасности по сравнению с оконченным преступлением уголовная ответственность должна наступать на льготных условиях. Действующее уголовное законодательство в этой части определяет только понижение максимально-

¹ См.: Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития. С. 158–162.

го срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи Особенной части УК РФ, а также недопустимость применения таких видов наказаний, как смертная казнь и пожизненное лишение свободы (ч. 3, 4 ст. 66 УК РФ).

В части применения уголовного наказания за неоконченное преступление, совершение которого было прервано на стадии покушения, обозначенная цель может достигаться не во всех случаях. В частности, при назначении не самого строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ, разница между ответственностью за оконченное и неоконченное преступление может отсутствовать. К сожалению, подобные примеры известны современной судебной практике: К. совершил покушение на совершение тайного хищения чужого имущества – четырех колес в сборе, установленных на автомобиле, принадлежащем Д. Реализуя умысел на совершение тайного хищения, К. снял с автомобиля два колеса и унес их с места нахождения автомобиля. В процессе снятия третьего колеса К. был замечен Д., а потому бросил третье автомобильное колесо и скрылся с места совершения преступления. Суд квалифицировал деяние К. по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и назначил ему наказание в виде двух лет лишения свободы, однако постановил считать назначенное наказание условным с испытательным сроком два года¹, что формально соответствует всем требованиям назначения наказания, предусмотренным ст. 66 УК РФ.

Другой пример: Э., находясь в квартире своего знакомого Ф., решил тайно похитить находившееся там имущество: денежные средства и телевизор. Осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, Э. тайно взял денежные средства и телевизор, принадлежащие Ф., после чего скрылся с места преступления. Впоследствии похищенным имуществом Э. распорядился по собственному усмотрению. Деяние Э. судом квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. По результатам рассмотрения уголовного дела суд назначил Э. наказание в виде двух лет лишения свободы и на основании ст. 73

¹ См.: Уголовное дело № 1-488/2014 // Архив Новочеркасского городского суда Ростовской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-novocherkasskiy-gorodskoy-sud-rostovskaya-oblast-s/act-101005953> (дата обращения: 07.04.2018).

УК РФ постановил считать данное наказание условным с испытательным сроком два года¹.

В приведенных примерах, судя по содержанию вынесенных обвинительных приговоров, единственным юридически значимым отличием является то, что в первом случае преступление по не зависящим от виновного обстоятельствам было прервано на стадии покушения, а во втором случае совершенное преступление является оконченным. Иных обстоятельств, принципиально влияющих на выбор вида и размера уголовного наказания, в представленных приговорах не содержится. Тем не менее судами было назначено идентичное наказание и при этом формально не были нарушены общие начала назначения уголовного наказания за совершенные преступления. Наличие предусмотренной уголовным законом возможности назначения тождественных наказаний за одни и те же преступления, завершённые на разных стадиях, свидетельствует о необходимости корректировки правил назначения наказания за неоконченное преступление для обеспечения соблюдения принципа справедливости и обозначенной цели уголовного наказания.

Неоконченное преступление, прерванное по не зависящим от лица обстоятельствам на стадии покушения, уже заслуживает применения уголовной ответственности, включая и уголовное наказание. Однако с учетом меньшей степени общественной опасности по сравнению с общественной опасностью оконченного преступления уголовная ответственность должна наступать на льготных условиях для недопущения нарушения уголовно-правового принципа справедливости.

Таким образом, официально заявляемая цель уголовного наказания является правовым ориентиром для осуществления государственной уголовной и уголовно-исполнительной политики и определяет приоритеты в деятельности правоохранительных и судебных органов, направленной на противодействие пре-

¹ См.: Уголовное дело № 1-709/2016 // Архив Бийского городского суда Алтайского края. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dyj6lURI1SZL/?regular-txt=®ular-case_doc=1-709®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=1008®ular-date_from=01.01.2016®ular-date_to=31.12.2016®ular-workflow_stage=®ular-area=1018®ular-court=Бийский+городской+суд+%28Алтайский+край%29®ular-judge=&=1560713583963 (дата обращения: 16.03.2019).

ступности. По результатам анализа содержания всех перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей уголовного наказания можно заключить, что только восстановление социальной справедливости в наибольшей степени соответствует общеправовым и отраслевым принципам законности, вины и справедливости, которые предусмотрены в ст. 3, 5 и 6 УК РФ. Именно этой целью определяется прямая зависимость назначаемого уголовного наказания от общественной опасности совершенного преступления, в том числе объема вреда, причиненного объекту уголовно-правовой охраны.

Напротив, цели исправления осужденного и предупреждение совершения новых преступлений не имеют прямой зависимости с совершенным преступлением, а потому и назначаемое для их достижения уголовное наказание может быть несоразмерно характеру и степени общественной опасности уголовно наказуемого деяния. Стремление достичь этих целей именно средствами уголовного наказания создает условия для нарушения многих социально-правовых принципов, в том числе справедливости и гуманизма (ст. 6, 7 УК РФ). В связи с этим при определении цели уголовного наказания необходимо прежде всего учитывать тот вред, который был причинен лицом в результате совершения запрещенного уголовным законом деяния, а наказание назначать исходя из общественной опасности преступления и только потом учитывать личность виновного, равно как и иные обстоятельства, имеющие юридическое значение для дела.

На основании изложенного можно заключить, что, исходя из содержания цели восстановления социальной справедливости, назначение уголовного наказания возможно только за оконченное преступление и преступление, прерванное на стадии покушения. Не предусмотренные нормами Особенной части УК РФ действия, совершаемые на стадии приготовления к совершению преступления, не могут повлечь за собой применения уголовного наказания, поскольку они еще не влекут за собой причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям. Вследствие этого уголовное наказание за приготовительные действия исключается ввиду отсутствия предмета для реализации цели восстановления социальной справедливости.

3.3. Законодательное установление и назначение наказания за неоконченное преступление

Определив в деянии все признаки состава преступления, суд назначает уголовное наказание или иную меру уголовно-правового характера, которые должны быть справедливыми по отношению к лицу, совершившему преступление. Закрепленный в ст. 6 УК РФ принцип определяет базовые начала, соблюдение которых обеспечит справедливость любой назначаемой меры ответственности по уголовному делу. Таковыми началами прежде всего признаются:

- характер и степень общественной опасности преступления;
- обстоятельства совершения преступления;
- личность виновного.

Перечисленные начала, составляющие содержание уголовно-правового принципа справедливости, получили развернутую регламентацию в ст. 60 УК РФ об общих началах назначения уголовного наказания. Значение принципа справедливости и общих начал назначения наказания переоценить невозможно¹, поскольку именно они призваны дать ориентиры судам для осуществления индивидуализации уголовной ответственности в отношении каждого осужденного.

К сожалению, в ст. 60 УК РФ не представлен четкий перечень общих начал назначения наказания, вследствие чего ни уголовно-правовая наука, ни судебная практика, даже на уровне Пленума Верховного Суда РФ, не могут доподлинно установить точное их количество². Считаем, что проблема определения общих начал назначения наказания заключается прежде всего в несовершенстве законодательной техники формулирования предписаний ст. 60 УК РФ. Формально «учет положений Общей части УК РФ» и «учет обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание» являются самостоятельными видами общих начал назначения наказания, хотя по существу они находятся друг с другом в соотношении общего и

¹ См.: Коняхин В. П., Полтавец В. В. Институт назначения наказания: понятие и структурно-функциональный анализ // Российский следователь. 2016. № 14. С. 17.

² См.: Бурганов Р. С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 20–21; Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: история, тенденции, перспективы. СПб., 2006. С. 14–20.

частного, так как перечень обстоятельств обоих видов предусмотрен нормами Общей части – ст. 61, 63 УК РФ. Кроме того, учет особенностей личности при назначении наказания уже включает в себя и прогнозирование влияния назначенного наказания на исправление осужденного, а также на условия жизни его семьи.

В связи с изложенным общие начала назначения уголовного наказания могут быть представлены следующими видами:

- назначение наказания в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ;
- учет при назначении окончательного наказания положений Общей части УК РФ;
- обеспечение экономии уголовной репрессии;
- учет характера и степени общественной опасности преступления;
- учет личности виновного.

Законодательное указание на то, что все перечисленные виды носят общий характер и представляют собой содержание принципа справедливости, позволят сделать вывод о необходимости принять во внимание каждое из перечисленных начал во всех случаях назначения уголовного наказания.

Итак, уголовное наказание назначается в соответствии с санкцией нормы, которая предусматривает вид преступления, совершенного подсудимым. Основу данного требования в первую очередь представляет принцип законности: деяние должно точно соответствовать положениям уголовно-правовой нормы, определяющим его в качестве преступления. Анализ судебной практики, проведенный различными исследователями, свидетельствует об отсутствии в практике двусмысленности судебного толкования и нарушений данного начала в процессе правоприменения¹. В то же время суды в большинстве случаев предпочитают назначать наказание, сроки или размеры которого стремятся или к усредненным, или к минималь-

¹ См.: Анощенко С. В. Основа справедливого наказания // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 107–108; Сильченко Е. В., Леушина А. С. Принцип назначения справедливого уголовного наказания посредством учета общих начал, установленных ст. 60 УК РФ // Наука сегодня: реальность и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 22 февраля 2017 г.). Вологда, 2017. С. 104–105.

ным значениям санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ¹. Причем это является общей тенденцией, не зависящей ни от нарушенного объекта уголовно-правовой охраны, ни от характера и размера причиненного ущерба (вреда), ни от категории преступления, ни от иных юридически значимых признаков². Данное наблюдение является дополнительным свидетельством проведения политики гуманизации уголовной ответственности, которая осуществляется по пути минимизации назначаемого наказания за совершенное преступление.

Назначение уголовного наказания с учетом обстоятельств, предусмотренных нормами Общей части УК РФ, также не вызывает в современной судебной практике серьезных трудностей по вопросам толкования и правоприменения. Здесь речь ведется об уголовно-правовых институтах, установление которых в процессе производства по уголовному делу корректирует верхние и нижние границы санкции статьи Особенной части УК РФ, в соответствии с которой квалифицировано совершенное подсудимым общественно опасное деяние. Таковыми институтами являются: неоконченное преступление, соучастие, множественность и др., а особенности назначения наказания предусматриваются соответствующими положениями норм гл. 10 «Назначение наказания» и разд. V «Уголовная ответственность несовершеннолетних».

Обеспечение экономии уголовной репрессии как одно из начал назначения уголовного наказания сводится к императивному указанию о недопустимости назначения более строгого наказания, если перечисленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели наказания могут быть достигнуты в результате применения менее строгого вида уголовного наказания¹. В целом данный вид общих начал назначения наказания

¹ См.: Непомнящая Т. В. Учет судами общих начал назначения наказания при избрании меры наказания // LEXRUSSICA. 2017. № 12. С. 111.

² См.: Уголовное дело № 1-111/2017 // Архив Карталинского городского суда Челябинской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-kartalinskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-559458306> (дата обращения: 31.03.2018); Уголовное дело № 1-49/2017 // Архив Лениногорского городского суда Республики Татарстан. URL: <https://rospravosudie.com/court-leninogorskij-gorodskoj-sud-respublika-tatarstan-s/act-554631491> (дата обращения: 31.03.2018); Уголовное дело № 2-08/2017 // Архив Смоленского областного суда. URL: <https://rospravosudie.com/court-smolenskij-oblastnoj-sud-smolenskaya-oblast-s/act-559460850> (дата обращения: 31.03.2018) и др.

¹ См.: Розенко С. В. Система наказания в российском уголовном праве (сравнительно-правовое исследование) : монография. М., 2016. С. 218.

также не вызывает на практике серьезных проблем толкования в части определения степени строгости уголовных наказаний относительно друг друга, даже несмотря на наличие научных споров о неоднозначности или невозможности универсальной оценки тяжести того или иного вида наказания. В описательной части обвинительных приговоров, как правило, не акцентируется внимание на обосновании предпочтительности выбора вида уголовного наказания перед иными возможными к назначению видами уголовных наказаний. Примером использования общей формулировки в определении вида наказания может служить следующая выдержка из обвинительного приговора: А. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ (санкция содержит четыре вида наказаний, назначение которых возможно в качестве основных). Назначая наказание в виде лишения свободы – самый строгий из предусмотренных санкцией статьи вид наказания – суд указал, что «...не находит целесообразным применение к ней других, более мягких мер наказания... так как по убеждению суда, они не в полной мере обеспечат ее исправление»¹. Суд не указал те обстоятельства, наличие которых обеспечило формирование подобного убеждения и не позволило назначить менее строгий вид наказания, предусмотренный санкцией ч. 3 ст. 160 УК РФ, тем более что назначенное лишение свободы постановлено в итоге считать условным.

Следующим общим началом назначения уголовного наказания является обязательность учета характера и степени общественной опасности преступления. В предыдущих параграфах настоящего исследования нами уже была представлена социально-правовая характеристика данных категорий, а также обращено внимание на неоднозначность понимания природы характера и степени общественной опасности деяния в уголовно-правовой науке. Здесь же дополнительно следует обратить внимание на непоследовательность и неопределенность позиции высшей судебной инстанции относительно содержания рассматриваемой категории.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 указывалось, что характер общественной опасности преступления зависит

¹ Уголовное дело № 19/1153 // Архив Моздокского районного суда Республики Северная Осетия – Алания. URL: <https://rospravosudie.com/court-mozdoksij-rajonnyj-sud-respublika-severnaya-osetiya-alaniya-s/act-100070154> (дата обращения: 31.03.2018).

от нарушенного объекта уголовно-правовой охраны, формы вины и категории совершенного преступления. Степень общественной опасности преступного посягательства судам предлагалось определять исходя из конкретных обстоятельств содеянного: способ совершения, размер вреда, тяжесть наступивших последствий, роль подсудимого-соучастника в осуществлении преступной деятельности и др.¹

В 2007 г. Пленум Верховного Суда РФ принимает новое постановление по вопросам назначения уголовного наказания, но ни содержание общественной опасности, ни особенности определения ее качественных и количественных характеристик в указанном постановлении даже не упоминались². Подобное замалчивание свидетельствовало о неготовности Верховного Суда РФ дать разъяснения относительно общественной опасности как одной из составляющих принципа справедливости и общих начал назначения уголовного наказания.

Принимая в конце 2009 г. новое постановление о назначении уголовного наказания, Пленум Верховного Суда РФ определяет характер и степень общественной опасности преступления, используя те же критерии оценки, которые предусматривались в п. 1 постановления от 11 июня 1999 г. № 40¹.

Действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указывает, что характер общественной опасности, учитываемый при назначении уголовного наказания, определяется уголовным законом и зависит от признаков состава совершенного преступления. Суды при определении содержания характера общественной опасности должны учитывать охраняемые уголовным законом социальные ценности, на которые было направлено преступное посягательство, а также причиненный им вред. Степень общественной опасности устанавливается судом с учетом конкретных обстоятельств совершения посягательства, к которым пред-

¹ См.: О практике назначения судами уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 (утратило силу).

² См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 января 2007 г. № 2 (утратило силу) // Российская газета. 2007. 24 янв.

¹ См.: О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 (утратило силу) // Российская газета. 2009. 11 нояб.

лагается относить: вид и размер причиненного вреда, способ совершения преступления, вид вины, роль соучастника в совершении группового преступления и др.¹

Оценивая действующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно содержания характера и степени общественной опасности преступного деяния, можно сделать вывод о частичном отказе принять во внимание достижения современной научной теории дифференциации уголовной ответственности относительно социально-правовой природы характера и типовой степени общественной опасности².

Практическая ценность данных разъяснений является достаточно условной, поскольку все предложенные Пленумом характеристики общественной опасности в действительности сводятся к содержанию признаков состава преступления, предусмотренного нормой Особенной части УК РФ, или институтам Общей части, влияющим на выбор вида и размера (срока) уголовного наказания. Иными словами, предложенный вариант определения характера и степени общественной опасности как общего начала назначения наказания по своему содержанию дублирует первые два вида общих начал, предусмотренных ч. 1 ст. 60 УК РФ.

В современных обвинительных приговорах описание характера и степени общественной опасности в основном представляет собой казуальную формальность, которая не раскрывает сущность опасности совершенного преступления, равно как и ее влияния на выбор вида назначаемого уголовного наказания. Так, назначая один год лишения свободы подсудимому Т., который признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, в обосновании выбора данного вида наказания было указано следующее: «При назначении меры наказания подсудимому суд принимает во внимание степень и характер совершенного преступления, характеризующие данные о личности подсудимого, мнение представителя потерпевшего о наказании, однако не считает возможным назначить ему наказание, не связанное с лишением свободы. У суда также не имеется основа-

¹ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58.

² См.: Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 56–57; Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 45, 50–52; Рогова Е. В. Указ. соч. С. 20–21; Ширшов А. А. Указ. соч. С. 26.

ний для применения ст. 64, 73 УК РФ, а равно назначения иного наказания, предусмотренного санкцией данной статьи»¹. Подобные формулировки, абстрактность которых позволяет применять их в любом обвинительном приговоре, используются судами повсеместно на территории всех субъектов Российской Федерации², что подтверждает вывод об отсутствии ясного понимания правовой природы характера и степени общественной опасности как в теории, так и на практике¹.

Та же проблема неопределенности содержания возникает при оценке категории «личность виновного», которая действующим уголовным законом указывается в качестве одного из общих начал назначения наказания. Для осуществления положительной квалификации преступления в части лица, его совершившего, достаточно установить совокупность признаков субъекта преступления. В отличие от субъекта преступления, личность преступника представляет собой многоаспектное понятие, юридическая составляющая которого явно уступает социальным и психологическим характеристикам, поэтому достаточно дискуссионным является решение об использовании данной категории в качестве обстоятельства, имеющего юридическое значение для выбора уголовного наказания.

В действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 представлен приблизительный перечень тех критериев, которые характеризуют личность лица, признанного виновным в совершении преступления. Так, к ним следует относить семейное и имущественное положение осужденного, состояние его здоровья, наличие лиц, находящихся на иждивении, и др. Разумеется, что здесь указываются далеко не все характеристики личности, однако их установление обеспечит выбор вида наказания, которое будет реально исполнено и не создаст угрозу нарушения законных интересов третьих лиц.

¹ Уголовное дело № 1-105/2017 // Архив Багаевского районного суда Ростовской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-bagaevskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-581273449> (дата обращения: 31.03.2018).

² См.: Уголовное дело № 1-4/2018 // Архив Неманского городского суда Калининградской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-nemanskij-sudebnyj-uchastok-kaliningradskoj-oblasti-s/act-241476590> (дата обращения: 04.04.2018); Уголовное дело № 1-57/2018 // Архив Кабанского районного суда Республики Бурятия. URL: <https://rospravosudie.com/court-kabanskij-rajonnyj-sud-respublika-buryatiya-s/act-580834183> (дата обращения: 04.04.2018).

¹ См.: Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития. С. 63.

Как и в случае определения характера и степени общественной опасности, суды в описательной части обвинительного приговора указывают на состоявшийся в процессе разбирательства учет особенностей личности виновного: наличие судимости, семьи, характеристики по месту жительства и т. п., но, как правило, не раскрывают особенности их содержания или не указывают, каким образом данные о личности виновного повлияли на выбор вида и размера (срока) назначаемого наказания¹.

Подобный формальный подход к учету личности виновного при назначении уголовного наказания не может быть оправдан даже объективной сложностью описания всевозможных составляющих данной категории. Особенности личности виновного явно выходят за пределы содержательного объема состава инкриминируемого деяния, общественной опасности совершенного преступления, равно как и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, поэтому законность вынесенного приговора будет обеспечена только в случае обоснования выбора вида и размера (срока) наказания, применяемого к конкретному лицу, признанному виновным в совершении преступления¹.

Перечисленные общие начала назначения наказания подлежат обязательному учету и в случаях определения меры ответственности за неоконченное преступление. При этом действующий уголовный закон не определяет специальных юридических фактов, которые выступали бы дополнительными к общим началам назначения наказания условиями для избрания меры ответственности за неоконченную преступную деятельность. В соответствии с ч. 1 ст. 66 УК РФ суд должен учесть фактические обстоятельства, в силу которых лицу не удалось завершить задуманное преступление, тогда как в ст. 15 УК РСФСР 1960 г. специальными условиями, учитываемыми при назначении наказания за неоконченное преступление, определялись: 1) характер и

¹ См.: Уголовное дело № 1-21/2018 // Архив Ижемского районного суда Республики Коми. URL: <https://rospravosudie.com/court-izhemskij-rajonnyj-sud-respublika-komi-s/act-581039785> (дата обращения: 04.04.2018); Уголовное дело № 1-33/2018 // Архив Калачинского городского суда Омской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-kalachinskij-gorodskoj-sud-omskaya-oblast-s/act-581091041> (дата обращения: 04.04.2018).

¹ См.: Айнутдинова К. А. Роль личности виновного лица: к вопросу об индивидуализации наказания в уголовном законодательстве РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 102–103; Шкредова Э. Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 135–136.

степень общественной опасности совершенных действий; 2) степень осуществления преступного намерения; 3) причины незавершенности преступления.

Тем не менее институт неоконченного преступления имеет существенную юридическую специфику, учитываемую при установлении и назначении наказания. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько соответствует уголовно-правовым принципам законности и справедливости решение законодателя об уголовной наказуемости деяний, прерванных по независящим от лица обстоятельствам на различных стадиях осуществления преступного посягательства.

Наказуемость приготовления к совершению преступления в современной уголовно-правовой науке воспринимается неоднозначно¹. Некоторые исследователи полагают, что отказ законодателя от криминализации приготовления к преступлениям средней тяжести есть проявление чрезмерной либеральности. Авторы в этом видят возможности для открытой подготовки ко многим распространенным на сегодняшний день преступлениям и негативное отношение сотрудников правоохранительных органов к проведению превентивных мероприятий, направленных на выявление лиц, осуществляющих подготовку к совершению отдельных преступлений, которые обладают достаточной общественной опасностью².

Иные авторы, напротив, предлагают полностью отказаться от криминализации приготовления к преступлению или существенно ограничить возможности реализации уголовной ответственности, указав, что приготовление является уголовно наказуемым только в случаях, когда оно совершается к преступлениям, специально предусмотренным УК РФ³.

Принципиально соглашаясь с данным мнением, мы не можем не обратить внимания на вопрос о научной состоятельности приводимой аргументации.

¹ См.: Ситникова А. И. Назначение наказания за неоконченное преступление : закон, теория, практика // Уголовная ответственность и наказание : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (г. Рязань, 18 мая 2018 г.) / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2018. С. 206–207.

² См.: Чернокозинская С. В. Указ. соч. С. 16–17; Безуглый С. Н. Указ. соч. С. 11–12.

³ См.: Чельцов М. А. Спорные вопросы учения о преступлении // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 9; Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: Часть Общая : в 6 т. Т. 2 : Преступление. М., 1970. С. 423; Юшков Ю. Добровольный отказ от совершения преступления // Советская юстиция. 1978. № 8. С. 20; Гринь М. В. Указ. соч. С. 85–89; Поротиков Д. Ю. Указ. соч. С. 8–9.

Большинство исследователей не признают целесообразность наказуемости приготавливаемых к преступлению действий ввиду «редкого попадания приготовления в поле зрения правоохранительных органов» (М. А. Чельцов), «отсутствия ответственности за приготовление в уголовном законодательстве зарубежных стран», «временная отдаленность приготовления от момента окончания преступления» (М. В. Гринь). Некоторые ученые указывают на недостаточность общественной опасности приготовления для его криминализации (Ю. Юшков, Д. Ю. Поротиков), но обстоятельно не раскрывают содержание оснований для криминализации и последующей наказуемости общественно опасного деяния.

В соответствии с принципом законности, содержание которого анализировалось в главе второй настоящего исследования, а также общими началами назначения наказания, в основу которых положен принцип справедливости, мы приходим к выводу об избыточности установления уголовной ответственности за действия, совершаемые на стадии приготовления к совершению преступления (ч. 1 и 2 ст. 30 УК РФ). Эти деяния не обладают должной общественной опасностью, достаточной для криминализации и пенализации. Противоправность данного деяния – действий, не запрещенных по общему правилу нормами Особенной части УК РФ, – в действительности определяется только нормами института неоконченного преступления, содержащимися в Общей части УК РФ. Отсюда следует, что квалификация действий, описываемых с использованием сослагательного наклонения, является нарушением принципа законности, а потому недопустима.

Наказуемость рассматриваемых действий также не согласуется с содержанием подавляющего большинства общих начал назначения уголовного наказания, базирующихся на принципе справедливости. Исключением являются те случаи, когда названные действия содержат в себе самостоятельный состав преступления (ст. 209, 282.1, ч. 5 ст. 291.1 УК РФ и др.). Отсюда следует нарушение и последующих начал назначения уголовного наказания.

Явно отсутствует экономия уголовной репрессии при установлении и реализации ответственности за приготавливаемые к совершению преступления дей-

ствия, поскольку назначаемое наказание выполняет предупредительную функцию, карая за действие (действия), представляющее собой предпосылку для совершения преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ.

Наконец, учет личности виновного при назначении наказания, если и происходит, то только в части установления субъективных причин недоведения преступления до конца, но и в этом случае фактическое отсутствие общественной опасности и противоправности совершенных действий не делает легитимным наказуемость приготовления к совершению преступления.

Законность и справедливость применения мер уголовной ответственности будет обеспечена только в случае, когда человек хотя бы в какой-то части нарушил охраняемые уголовным законом общественные отношения, совершив при этом действия, которые признаются преступными. Приготовление исключает существование обоих перечисленных условий.

Об оптимальности освобождения от уголовной ответственности за совершение приготовительных действий высказалось и большинство практических работников, что подтверждается результатами проведенного нами анкетирования. Так, на вопрос: «В какой форме предпочтительна реализация уголовной ответственности за неоконченное преступление, если фактически совершенное деяние не нарушило охраняемых уголовным законом общественных отношений?» – получены следующие ответы: условное осуждение или освобождение от уголовной ответственности (наказания) – 73 % опрошенных; применение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, – 9 % респондентов; в любой, предусмотренной действующим уголовным законом – 16 % респондентов; иное мнение высказали 2 % опрошенных (прил. 1).

Среди представителей профессорско-преподавательского состава на тот же вопрос процентное количество вариантов ответов оказалось следующим:

32 % – условное осуждение или освобождение от уголовной ответственности (наказания);

26 % – применение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества;

41 % – в любой, предусмотренной действующим уголовным законом;

1 % – иное мнение (прил. 2).

Уголовная наказуемость действий, совершаемых лицом на стадии приготовления, не согласуется с принципами законности и справедливости, а также не соответствует общим началам назначения наказания. В связи с этим следует определить в качестве неоконченного преступления только деяние (действие или бездействие), совершаемое на стадии покушения, и внести некоторые изменения и дополнения в уголовно-правовые нормы, определяющие содержание неоконченного преступления, а именно изложить ст. 29 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 29. Оконченное и неоконченное преступление

1. Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

2. Неоконченным преступлением признается общественно опасное деяние, совершенное лицом на стадии покушения, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

3. Уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на часть вторую настоящей статьи.

Примечание. Стадией покушения признается период с начала совершения запрещенного настоящим Кодексом деяния до момента его окончания.».

Кроме того, реализация авторских предложений по изменению и дополнению уголовно-правовых норм о неоконченном преступлении потребует исключения из УК РФ ст. 30 и ч. 6 ст. 35, а также технического редактирования ч. 1 ст. 31 и ч. 5 ст. 34 УК РФ.

В отличие от деяния, совершаемого на стадии приготовления к совершению преступления, необходимость наказуемости покушения на преступление в уголовно-правовой теории ни у кого сомнений не вызывала. Это связано с наличием выделенных ранее элементов общественной опасности: имеющие высокую соци-

альную значимость общественные отношения, общественно опасное деяние, вред или реальная угроза причинения вреда социальным благам¹.

В качестве одного из многочисленных примеров судебной практики по определению общественной опасности покушения на совершение преступления можно привести следующий: Б. решил совершить тайное хищение имущества, находящегося в боксе № 42 гаражного кооператива. В процессе реализации умысла на совершение хищения Б. при помощи металлической трубы сорвал запорное устройство, установленное на калитке одной из створок металлических ворот, проник в бокс № 42 и тайно изъяс находящееся там имущество на общую сумму 49 500 рублей. Причинить реальный имущественный ущерб собственнику С. не представилось возможным, поскольку Б. был задержан сотрудниками полиции на месте совершения преступления. Впоследствии деяние, совершенное Б., квалифицировано в соответствии с ч. 3 ст. 30, п. «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ¹.

Из описательной части судебного решения по уголовному делу следует, что подсудимый Б. нарушил общественные отношения частной собственности потерпевшего, совершил действия, частично составляющие объективную сторону состава преступления, предусмотренного п. «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а также создал реальную угрозу причинения имущественного ущерба потерпевшему. При наличии подобных обстоятельств не вызывает сомнения наказуемость совершенных Б. действий и, как следствие, выполнение требований о наличии перечисленных в уголовном законе общих начал назначения наказания.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, определяемые уголовным законодательством правила установления и последующей реализации уголовной ответственности за неоконченное преступление – покушение на совершение преступления – нельзя признать безупречными в части соблюдения принципа справедливости. Современная теория уголовного права рассматривает в качестве аксиомы утверждение о меньшей общественной опасности неоконченного преступ-

¹ См.: Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / сост. К. А. Барышева и др. С. 235.

¹ См.: Уголовное дело № 1-135/2018 // Архив Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-kirovsko-chepeckij-rajonnyj-sud-kirovskaya-oblast-s/act-581490612> (дата обращения: 07.04.2018).

ления по сравнению с аналогичным окончанным уголовно наказуемым деянием. Это предполагает установление в уголовном законе реализации ответственности за неоконченное преступление на более льготных условиях.

Проведенное анкетирование практических работников не позволило выявить наиболее предпочтительную форму дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление. Так, на вопрос: «Какой вариант дифференциации ответственности за неоконченное преступление является наиболее предпочтительным?» – мы получили следующие ответы респондентов:

23 % – назначение более мягких видов наказаний в сравнении с наказаниями за оконченное преступление;

46 % – сокращение размера или срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией за оконченное преступление;

14 % – сокращение размеров или сроков всех видов наказаний, предусмотренных санкцией соответствующей статьи за оконченное преступление;

17 % – освобождение от уголовной ответственности (наказания) (прил. 1).

Анкетирование представителей профессорско-преподавательского состава также не позволило выявить предпочтительный вариант дифференциации ответственности за неоконченное преступление. Процентное соотношение ответов на указанный вопрос здесь выглядит следующим образом:

37 % – назначение более мягких видов наказаний в сравнении с наказаниями за оконченное преступление;

29 % – сокращение размера или срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией за оконченное преступление;

25 % – сокращение размеров или сроков всех видов наказаний, предусмотренных санкцией соответствующей статьи за оконченное преступление;

8 % – освобождение от уголовной ответственности (наказания);

1 % – иное мнение (прил. 2).

Вопрос о путях смягчения уголовной ответственности за неоконченное преступление по сравнению с общими основаниями в настоящее время остается открытым. Некоторые авторы предлагают осуществлять данное смягчение путем

снижения категории неоконченного преступления по сравнению с категорией того же окончченного преступления¹, иные исследователи видят возможным установить ряд ограничений при избрании меры государственного принуждения за неоконченное преступление¹.

Мы не можем согласиться с предложением об изменении установленной законом категории преступления, в том числе при признании его неоконченным. Как уже отмечалось, категория преступления определяется на основании общественной опасности вида преступления. В этом случае общественная опасность является некой константой, независимой от юридически значимых обстоятельств, связанных с особенностями совершения преступления, достижения желаемого преступного результата и т. п. И само преступление в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ не делится на разновидности: окончченное – неоконченное, одиночно совершенное – групповое и др., в связи с чем представляется неубедительным предложение об осуществлении дифференцированной категоризации преступлений в зависимости от фиксации момента окончания уголовно наказуемого деяния.

По этим причинам закрепленный в ст. 66 УК РФ вариант дифференциации ответственности за неоконченное преступление является более обоснованным, хотя и не безупречным. Так, уголовный закон закрепляет два вида ограничений, действующих при назначении наказания за неоконченное преступление: 1) недопустимость применения смертной казни и пожизненного лишения свободы; 2) сокращение срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ за окончченное преступление (за неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения, верхняя граница санкции снижается до трех четвертей наиболее строгого наказания).

Существенное нарушение принципа справедливости при назначении наказания за неоконченное преступление заключается в создании возможности назначения одинаковых наказаний (вид, размер, то есть срок) как за окончченное, так и

¹ См.: Гаухман Л. Нужен новый УК РФ // Законность. 1998. № 7. С. 23; Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 115.

¹ См.: Строганова О. Л. О некоторых проблемах назначения судом наказания // Российский судья. 2013. № 3. С. 34–35.

за неоконченное преступление. Это может иметь место в случаях, когда избранное судом наказание не является наиболее строгим по сравнению с иными видами наказаний, предусмотренными альтернативной санкцией уголовно-правовой нормы. Более того, формально не будет иметь место нарушение в назначении при прочих равных условиях трех четвертей срока наиболее строгого наказания за неоконченное преступление и более мягкого наказания, предусмотренного санкцией уголовно-правовой нормы за совершение того же оконченного преступления (прил. 1 и 2).

Примеры такого назначения уголовных наказаний за деяния, содержащие в себе тождественные составы оконченного и неоконченного преступления, встречаются в современной судебной практике. Так, И. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ, с назначением наказания в виде лишения свободы сроком девять месяцев. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное И. наказание суд постановил считать условным и назначил полугодовой испытательный срок¹. За совершение аналогичных действий – покушение на совершение тайного хищения чужого имущества – К. назначен в соответствии с ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ штраф в размере тридцати тысяч рублей². В то же время Ю. признан виновным в совершении оконченного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, с назначением штрафа в размере пяти тысяч рублей³, а Г. за совершение аналогичного преступления приговорен к штрафу в размере восьми тысяч рублей⁴.

¹ См.: Уголовное дело № 10-23/2014 // Архив Октябрьского районного суда г. Мурманска. URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabr'skiy-rayonnyy-sud-gorod-murmansk-s/act-192729051> (дата обращения: 12.04.2018).

² См.: Апелляционное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 16 сентября 2013 г. № 5-АП/13-44 URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=356519#04786580999620291> (дата обращения: 14.01.2021).

³ См.: Уголовное дело № 1-11/2018 // Архив Рыбновского районного суда Рязанской области; Уголовное дело № 1-488/2014 // Архив Новочеркасского городского суда Ростовской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-novocherkasskiy-gorodskoy-sud-rostovskaya-oblast-s/act-101005953> (дата обращения: 07.04.2018); Уголовное дело № 1-12/2018 // Архив Шуйского городского суда Ивановской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-shuyskiy-gorodskoy-sud-ivanovskaya-oblast-s/act-161742802> (дата обращения: 31.03.2018).

⁴ См.: Уголовное дело № 1-15/2018 // Архив Находкинского городского суда Приморского края. URL: <https://rospravosudie.com/court-nakhodkinskiy-gorodskoy-sud-primorskij-kraj-s/act-118529107> (дата обращения: 22.03.2018).

Анализ приведенных судебных решений свидетельствует о юридической тождественности обстоятельств совершения преступлений, а также характеристик личности подсудимых. Однако за неоконченное тайное хищение имущества было назначено более строгое уголовное наказание, нежели за аналогичное оконченное уголовно наказуемое деяние (ч. 1 ст. 158 УК РФ), что тем не менее формально не нарушает требований уголовно-правовых норм о назначении уголовного наказания, хотя явно не соответствует их идеологическому содержанию¹ – «духу закона»².

Итак, теоретический анализ содержания норм о назначении наказания за неоконченное преступление, а также материалов судебной практики позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра предусмотренных в УК РФ средств дифференциации ответственности за неоконченное преступление, прерванное по независящим от лица обстоятельствам на стадии покушения. С учетом требований проводимой в настоящее время политики гуманизации уголовного законодательства и целесообразности отказа от криминализации действий, совершаемых на стадии приготовления к совершению преступления, следует установить правило, в соответствии с которым срок или размер наказания за неоконченное преступление не может превышать половины максимального срока или размера вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление. Данные изменения необходимо включить в ст. 66 УК РФ, в связи с чем мы предлагаем следующую редакцию части второй данной нормы:

«2. Срок или размер наказания за неоконченное преступление не может превышать половины срока или размера вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление».

Кроме того, реализация авторских предложений по изменению и дополнению уголовно-правовых норм о правилах назначения наказания за неоконченное

¹ См.: Колоколов Н. Форма победила содержание // ЭЖ-Юрист. 2015. № 43. С. 16; Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999. 672 с.

² Обвинительные приговоры по инкриминированию деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ и ч. 3 ст. 291 УК РФ. См.: Уголовное дело № 1-109/2014 // Архив Алексинского городского суда Тульской области; Уголовное дело № 1-371/2014 // Архив Центрального районного суда г. Читы. URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-chity-zabajkalskij-kraj-s/act-480557570> (дата обращения: 12.04.2018).

преступление потребует исключения из действующего уголовного закона части третьей и технического редактирования ч. 4 ст. 66 и ч. 2 ст. 69 УК РФ.

Обращает на себя внимание и факт отсутствия дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление в части течения срока погашения судимости.

Будучи формой реализации уголовной ответственности, судимость представляет собой комплекс лишений и правоограничений, возлагаемых на осужденного. Это обеспечивает ее схожесть с правовой природой уголовного наказания. По общему правилу указанные лишения и правоограничения имеют место и в процессе исполнения уголовного наказания, и после его исполнения в течение законодательно определенного периода. Справедливость подобного решения ставилась под сомнение еще А. А. Пионтковским, по мнению которого лицо, отбывшее в полном объеме наказание, назначенное за совершенное преступление, становится полноправным членом общества¹, что предполагает аннулирование всех уголовно-правовых лишений и правоограничений, возлагаемых на осужденного.

Сторонники судимости, которая может быть представлена в качестве «уголовно-правовых ограничений карательного характера, рассредоточенных в различных федеральных законах»², признают ее неотъемлемой частью уголовной ответственности. По их мнению, судимость должна применяться к любому осужденному, включая случаи освобождения последнего от уголовного наказания³. Общественная и индивидуальная польза судимости, по мнению данных авторов, выражается в обеспечении успешной социальной адаптации лиц, которые отбыли назначенное уголовное наказание. Применение уголовно-правовых ограничений к лицам после отбытия ими уголовного наказания «необходимо для успешной ресоциализации»⁴.

В результате проведенного исследования социально-правовой природы судимости И. А. Архенголец утверждает, что в основу судимости положено свойство психики человека, выражающееся в стремлении подразделять окружающих его ин-

¹ См.: Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности. С. 44.

² Нечепуренко А. А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 13.

³ См.: Там же. С. 12, 27, 33.

⁴ См.: Гришко А. Я., Потапов А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. М., 2009. С. 177.

дивидов на «своих» и «чужих». В связи с этим автор верно указывает на возможность наступления негативных (а потому нежелательных для государства и общества) последствий в виде усиления «межгруппового антагонизма», «отчуждения от нормального общества», «социальной несправедливости», вызванного обособлением группы лиц, имеющих судимость, хотя уже и отбывших уголовное наказание. Однако, несмотря на это, она все же указывает на необходимость сохранения института судимости для «нормального функционирования общества», а возможный отказ от применения данной формы реализации уголовной ответственности, по мнению автора, способен повлечь за собой нарушение стабильности и порядка в любом обществе¹. Анализ точек зрения на социально-правовую обоснованность и цели применения судимости свидетельствует о довольно высокой степени абстрактности приводимых авторами доказательств и выводов относительно необходимости установления и реализации данного уголовно-правового института.

Отдельные исследователи ставят под сомнение не только целесообразность включения судимости в УК РФ, но и существующие правила определения сроков ее погашения. Так, В. Питецкий приводит следующий пример практического значения: осужденному по ч. 1 ст. 161 УК РФ за совершение преступления средней тяжести А. назначено наказание в виде лишения свободы на один год. Точно такое же наказание назначено Б. за совершение приготовления к особо тяжкому преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 30 и п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Назначив идентичные уголовные наказания, суд тем самым признал схожесть общественной опасности преступлений, совершенных указанными осужденными. Однако на основании отнесения указанных преступлений к различным категориям судимость А. будет погашена по истечении трех лет после отбытия наказания, тогда как судимость Б. – по прошествии восьми лет. В связи с этим автор обоснованно обращает внимание на явное несоответствие уголовно-правовому принципу справедливости закрепленных в УК РФ правил исчисления сроков погашения судимости².

Ввиду ограниченности предмета настоящего диссертационного исследования мы не можем предложить окончательное решение вопроса о необходимости

¹ См.: Архенгольц И. А. Судимость и ее общеправовые последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 9, 19.

² См.: Питецкий В. Судимость в уголовном праве // Законность. 2006. № 4. С. 50.

сохранения в уголовном законодательстве института судимости либо, напротив, о целесообразности его исключения из УК РФ. Однако наличие спора, который уже вышел за рамки сугубо научного диспута и стал предметом дискуссионного обсуждения на уровне Конституционного Суда РФ, свидетельствует о возникшей к настоящему времени потребности всестороннего научного исследования судимости как социально-правового феномена.

Склоняясь к мнению о нецелесообразности существования института судимости, но осознавая при этом неготовность современного общества к полному отказу от ее применения, мы видим решение данной проблемы в последовательном сокращении законодательно установленных сроков погашения судимости, а также в расширении судебной практики досрочного снятия судимости лиц, отбывших назначенное наказание. Это согласуется и с проводимой в настоящее время государственной политикой гуманизации уголовного законодательства, направления реализации которой анализировались в параграфе 1.2 настоящей работы. Учитывая изложенное, мы считаем целесообразным сокращение установленных уголовным законом сроков погашения судимости, которая применяется в отношении лиц, осужденных за совершение неоконченного преступления.

Принимая во внимание факт пониженной общественной опасности неоконченного преступления, следует считать судимость погашенной с момента исполнения или отбытия в полном объеме наказания, назначенного за неоконченное преступление. Это повысит качество современной дифференциации ответственности за неоконченное преступление, что обеспечит дополнительные гарантии обоснованности и справедливости соответствующих судебных решений. Реализация данных предложений потребует дополнения ч. 3 ст. 86 УК РФ отдельным пунктом (а¹) об особенностях исчисления сроков погашения судимости за неоконченное преступление следующего содержания: «а¹) в отношении лиц, осужденных за совершение неоконченного преступления, — по отбытии или исполнении наказания».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования тенденций российской уголовной политики, вопросов определения общественной опасности, противоправности и наказуемости деяний, прерванных на различных стадиях осуществления преступной деятельности, особенностей назначения наказания за неоконченное преступление нами сформулированы выводы и предложения, имеющие как теоретическое, так и практическое значение для современного отечественного уголовного права.

1. Проводимая в настоящее время российская уголовная политика обоснованно ориентирована на гуманизацию законодательства об ответственности за совершение преступлений. Эта задача имеет несколько путей решения, которые могут быть реализованы как альтернативно, так и в совокупности. Одним из вариантов смягчения уголовно-правового воздействия является отказ от криминализации большинства деяний, которые в соответствии с действующим уголовным законом квалифицируются в качестве неоконченных преступлений. Данное решение предполагает пересмотр отдельных положений института неоконченного преступления. Во-первых, это касается определения основания ответственности за деяние, прерванное на стадии приготовления к совершению преступления. Во-вторых, существует реальная необходимость в проведении более последовательной дифференциации ответственности за неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения, с учетом его действительной общественной опасности.

2. Уголовная ответственность за неоконченное преступление социально оправдана только в случае установления общественной опасности деяния, совершенного на стадии приготовления или покушения. К сожалению, уголовно-правовая доктрина до настоящего времени не предложила универсального инструментария для определения общественной опасности деяния, причиняющего или способного причинить вред общественным отношениям. По этой причине из всего многообразия вариантов определения сущности такого признака преступления, как общественная опасность, наиболее рациональным и перспективным для уголовного правотворчества видится

предложение А. Э. Жалинского, которое заключается в признании рассматриваемой категории в качестве юридической конструкции, включающей в себя элементы, содержательно пересекающиеся с признаками состава преступления: 1) общественные отношения, предметом которых является охраняемое правовое благо; 2) общественно опасное деяние; 3) нарушение социальных благ и интересов; 4) форма и вид вины, которыми характеризуется совершаемое деяние. Указанное свойство обеспечивает установление внутренней взаимосвязи между общественной опасностью и противоправностью преступного деяния, что исключает возможность искусственного конструирования состава преступления, которое в действительности не имеет достаточной для криминализации общественной опасности.

3. Деяния, совершаемые на стадии приготовления к совершению преступления, не обладают той общественной опасностью, которая была бы достаточна для признания их преступности и уголовной наказуемости. Исключением можно признать только случаи криминализации отдельных действий, явно свидетельствующие о сформировавшемся у лица намерении совершить преступление. Однако юридически эти действия уже обладают достаточной общественной опасностью для установления за их совершение уголовной ответственности, предусмотренной нормой Особенной части УК РФ: ст. 205.3, 209, 282.1, ч. 5 ст. 291.1 и др.

Деяния, совершаемые на стадии покушения на преступление, содержат в себе все юридически значимые (конструктивные) признаки общественной опасности. В связи с этим неоконченное посягательство, процесс исполнения которого по независящим от лица обстоятельствам был прерван на стадии покушения, представляет собой общественно опасное деяние.

4. Установление и общественной опасности, и противоправности неоконченного преступления, прерванного на стадии приготовления, невозможно по причине отсутствия указанных признаков в фактически совершенных действиях. Положительное решение о криминализации приготовительных действий не соответствует содержанию уголовно-правового принципа законности, поскольку создает условия для расширения пределов определения преступности деяния и применения положений норм Особенной части УК РФ по аналогии.

5. Наказуемость является уголовно-правовой категорией, единой для институтов оконченного и неоконченного преступления. Материальным основанием наказуемости выступает общественная опасность фактически совершенного деяния. Подмена общественной опасности деяния целесообразностью предупреждения противоправных действий способна нарушить систему всего уголовно-правового воздействия. Применение уголовного наказания, справедливость которого не воспринимается осужденным, не может признаваться эффективным средством предупреждения и профилактики совершения новых преступлений.

6. Наказуемость неоконченного преступления становится оправданной, если в процессе совершения деяния нарушены или поставлены под реальную угрозу нарушения охраняемые уголовным законом общественные отношения. Наказание назначается и исполняется с целью воздаяния за вред, который причинен в результате совершения преступления, для обеспечения баланса между общественной опасностью совершенного деяния и строгостью избранной меры уголовно-правового принуждения. По этой причине неоконченным преступлением может быть признано только деяние (действия или бездействие), совершаемое и прерываемое на стадии покушения.

7. Содержание уголовно-правовых принципов законности и справедливости указывает на недопустимость применения наказания за действия, совершаемые на стадии приготовления к преступлению, если они не содержат в себе признаков самостоятельного состава преступления. Совершение неоконченного преступления, прерванного по независящим от лица обстоятельствам на стадии покушения, заслуживает установления уголовной ответственности, в том числе применения уголовного наказания. Однако, учитывая явно пониженную степень общественной опасности неоконченного преступления, в качестве аксиомы предлагается признать необходимость смягчения уголовной ответственности за его совершение в сравнении с оконченным преступлением, что потребует внесения ряда изменений в ст. 66 УК РФ.

8. Наличие предусмотренной уголовным законом возможности назначения тождественных наказаний за одни и те же преступления, завершённые на разных стадиях, свидетельствует о необходимости осуществления более последователь-

ной дифференциации ответственности за неоконченное преступление, в сравнении с имеющей место в действующем уголовном законе, для обеспечения соблюдения уголовно-правового принципа справедливости, а именно: 1) сокращение сроков или размеров всех видов наказаний, назначение которых возможно за неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения; 2) отказ от осуществленной в нормах Общей части УК РФ криминализации приготовления к совершению преступления. Исключением из этого являются отдельные преступления террористической, экстремистской и коррупционной направленности ввиду их крайне высокой общественной опасности. Приготовление к ним должно признаваться уголовно наказуемым деянием, ответственность за которое устанавливается специальной нормой Особенной части УК РФ.

9. Анализ содержания норм о назначении наказания за неоконченное преступление, а также материалов судебной практики указывает на необходимость пересмотра содержания средств дифференциации ответственности за неоконченное преступление, прерванное по независящим от лица обстоятельствам на стадии покушения. С учетом требований проводимой в настоящее время политики гуманизации уголовного законодательства и целесообразности отказа от криминализации действий, совершаемых на стадии приготовления к совершению преступления, следует установить правило, в соответствии с которым срок или размер наказания за неоконченное преступление не может превышать половины максимального срока или размера вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление.

10. Обращает на себя внимание и факт отсутствия дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление в части течения срока погашения судимости. С учетом пониженной общественной опасности неоконченного преступления следует считать судимость погашенной с момента исполнения в полном объеме наказания, назначенного за неоконченное преступление. Это повысит качество современной дифференциации ответственности за неоконченное преступление, что обеспечит дополнительные гарантии обоснованности и справедливости соответствующих судебных решений.

11. Реализация сформулированных по результатам проведенного исследования выводов и предложений предполагает изменение и дополнение уголовно-правовых норм о неоконченном преступлении, а именно:

– изложить ст. 29 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 29. Оконченное и неоконченное преступление

1. Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

2. Неоконченным преступлением признается общественно опасное деяние, совершенное лицом на стадии покушения, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

3. Уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на часть вторую настоящей статьи.

Примечание. Стадией покушения признается период с начала совершения запрещенного настоящим Кодексом деяния до момента его окончания.»;

– изложить часть вторую ст. 66 УК РФ в следующей редакции:

«2. Срок или размер наказания за неоконченное преступление не может превышать половины срока или размера вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление»;

– дополнить часть третью ст. 86 УК РФ пунктом «а¹» следующего содержания:

«а¹) в отношении лиц, осужденных за совершение неоконченного преступления, – по отбытии или исполнении наказания».

Кроме того, реализация авторских предложений по изменению и дополнению уголовно-правовых норм о неоконченном преступлении потребует исключения из УК РФ ст. 30, ч. 6 ст. 35 и ч. 3 ст. 66, а также технического редактирования ч. 1 ст. 31, ч. 5 ст. 34, ч. 4 ст. 66, ч. 2 ст. 69 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Официальные документы и нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 21.12.2020).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 8 января 1997 № 1-ФЗ (в ред. от 9 марта 2021 г. № 44-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

5. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (ред. распоряжения Правительства Рос. Федерации от 23 сентября 2015 г. № 1877-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

6. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» : распоряжение Правительства Рос. Федерации : от 23 дек. 2016 г. № 2808-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 2 (Ч. II). – Ст. 413.

7. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. – 2015. – 29 дек.

8. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : от 29 ноября 2016 г. № 55 // Российская газета. – 2016. – 7 дек.

9. Уголовный кодекс РСФСР : утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. (в ред. от 30 июля 1996 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591 [утратил силу].

10. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР : от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1958. – №1. – Ст. 6 [утратил силу].

11. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик : утв. постановлением ЦИК СССР : от 31 октября 1924 г. // Собр. законодательства СССР. – 1924. – №24. – Ст. 205 [утратило силу].

12. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР : постановление ВЦИК : от 1 июня 1922 г. [вместе с Уголовным кодексом РСФСР] [утратило силу].

13. Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР : от 12 декабря 1919 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – 1919. – № 66. – Ст. 590 [утратило силу].

14. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : от 29 октября 2009 г. № 20 // Российская газета. – 2009. – 11 ноября [утратило силу].

15. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : от 11 января 2007 г. № 2 // Российская газета. – 2007. – 24 января [утратило силу].

16. О практике назначения судами уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : от 11 июня 1999 г. № 40 // Российская газета. – 1999. – 7 июля [утратило силу].

II. Книги (учебники, учебные пособия и монографии)

17. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006. – 144 с. – ISBN 5-468-00027-X.

18. Астемиров, З. А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания : учеб. пособие / З. А. Астемиров. – Махачкала : Издательство Дагестанского университета, 1987. – 91 с.

19. Бабаев, В. К. Общая теория права : краткая энциклопедия / В. К. Бабаев, В. М. Баранов. – Н. Новгород : Нижегородский юридический институт МВД России, 1997. – 200 с. – ISBN 5-88840-013-0.

20. Бабий, Н. А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях : монография / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 712 с. – ISBN 978-5-4396-1334-2.

21. Багрий-Шахматов, Л. В. Уголовная ответственность и наказание / Л. В. Багрий-Шахматов. – Минск : Вышэйшая школа, 1976. – 384 с.

22. Безверхов, А. Г. Имущественные преступления / А. Г. Безверхов. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2002. – 359 с. – ISBN 5-86465-135-4.

23. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М. : Инфра-М, 2004. – 184 с. – ISBN 5-16-001961-8.

24. Беляев, Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях / Н. А. Беляев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 186 с.

25. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – 416 с. – ISBN 5-86004-166-7.

26. Блувштейн, Ю. Д. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования / Ю. Д. Блувштейн, А. В. Добрынин. – Минск : Изд-во «Университетское», 1990. – 208 с. – ISBN 5-7855-0463-4.

27. Богомолов, А. С. Античная философия / А. С. Богомолов. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 360 с.

28. Боровиков, С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних : монография / С. А. Боровиков. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 192 с. – ISBN 978-5-93295-430-0

29. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – М. : Госюриздат, 1963. – 275 с.

30. Войшвилло, Е. К. Логика : учеб. для вузов / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. – М. : Валдос-Пресс, 2001. – 528 с. – ISBN 5-305-00001-7.
31. Галиакбаров, Р. Р. Система и виды наказаний / Р. Р. Галиакбаров. – Горький : ГВШ МВД СССР, 1986. – 40 с.
32. Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с. – ISBN 5-244-00384-4.
33. Герцензон, А. А. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / А. А. Герцензон. – М. : РИО ВЮА, 1948. – 496 с.
34. Герцензон, А. А. Понятие преступления в советском уголовном праве / А. А. Герцензон. – М. : Госюриздат, 1955. – 55 с.
35. Гладких, В. И. Условное осуждение: правовая природа и проблемы применения : монография / В. И. Гладких, С. В. Дьяконова. – М. : Изд-во Международ. юрид. ин-та, 2009. – 200 с. – ISBN 978-5-902416-27-2.
36. Гришко, А. Я. Амнистия. Помилование. Судимость / А. Я. Гришко, А. М. Потапов. – М. : Университетская книга ; Логос, 2009. – 272 с. – ISBN 978-5-98704-368-9.
37. Гуманизация современного уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов и др. ; под общ. ред. В. П. Кашепова. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 336 с. – ISBN 978-5-16-011384-5.
38. Денисов, Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты) / Ю. А. Денисов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 142 с.
39. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов ; отв. ред. М. Д. Шаргородский. – М. : Л. : Академия наук СССР, 1948. – 315 с.
40. Дуюнов, В. К. Дополнительные наказания: теория и практика / В. К. Дуюнов, А. Л. Цветинович ; отв. ред. С. Г. Келина. – Фрунзе : Илим, 1986. – 240 с.
41. Елеонский, В. А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности / В. А. Елеонский. – Рязань : РВШ МВД СССР, 1979. – 83 с.
42. Епифанова, Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность / Е. В. Епифанова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 152 с. – ISBN 978-5-43960-049-6.

43. Жалинский, А. Э. Избранные труды : в 4 т. / А. Э. Жалинский ; сост. К. А. Барышева и др. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014–2016. – ISBN 978-5-7598-1211-1.
44. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – М. : Проспект, 2006. – 560 с. – ISBN 5-98032-738-X.
45. Жалинский, А. Э. Условия эффективности профилактики преступлений / А. Э. Жалинский. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1978. – 152 с.
46. Звечаровский, И. Э. Ответственность в уголовном праве / И. Э. Звечаровский. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2009. – 100 с. – ISBN 978-5-94201-590-2.
47. Зубкова, В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика / В. И. Зубкова. – М. : Норма, 2002. – 304 с. – ISBN 5-89123-652-4.
48. Иванов, В. Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях их проявления / В. Д. Иванов. – Ростов н/Д : ЮРГИ, 2000. – 210 с. – ISBN 5-900548-28-7.
49. Иванов, Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации : монография / Н. Г. Иванов. – М. : Проспект, 2016. – 109 с. – ISBN 978-5-392-21145-6.
50. Иванчин, А. В. Состав преступления : учеб. пособие / А. В. Иванчин. – Ярославль : ЯрГУ, 2011. – 128 с. – ISBN 978-5-83-97-0796-2.
51. Иванчина, С. А. Оконченное преступление : монография / С. А. Иванчина ; науч. ред. Е. В. Благов. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 192 с. – ISBN 978-5-4396-0372-5.
52. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 481 с.
53. Кант, И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант // Кант. И. Сочинения : в 8 т. Т. 4. – М. : ЧОРО, 1994. – С. 233–237.
54. Карпец, И. И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы / И. И. Карпец. – М. : Наука, 1973. – 288 с.
55. Келина, С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С. Г. Келина ; отв. ред. А. А. Пионтковский. – М. : Наука, 1974. – 232 с.
56. Козлов, А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. – 819 с. – ISBN 5-94201-263-6.

57. Козлов, А. П. Учение о стадиях преступления / А. П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. – 353 с. – ISBN 5-94201-095-1.
58. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М. : Юрайт, 2002. – 917 с. – ISBN 5-94879-176-9.
59. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 263 с.
60. Костюк, М. Ф. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера : учеб. пособие / М. Ф. Костюк, А. Н. Батанов, В. А. Посохова. – М. : Проспект, 2011. – 320 с. – ISBN 978-5-392-02544-2.
61. Круглевский, А. Н. Учение о покушении на преступление. Т. 1 / А. Н. Круглевский. – Петроградъ : Типографія М. П. Фроловой, 1917. – 429 с.
62. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Василевский. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. – 300 с. – ISBN 5-94201-126-5.
63. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 352 с.
64. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1960. – 244 с.
65. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.
66. Кузнецова, Н. Ф. Глава II. Признаки (свойства) преступления / Н. Ф. Кузнецова // Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. – СПб. : Издание профессора В. Б. Малинина, 2005. – С. 47–109.
67. Кузнецова, Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Госюриздат, 1958. – 219 с.
68. Кузнецова, Н. Ф. Избранные труды / Н. Ф. Кузнецова. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. – 834 с. – ISBN 5-94201-205-9
69. Кузнецова, Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Юрид. лит., 1958. – 214 с.
70. Кузнецова, Н. Ф. Уголовное право и мораль / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Изд-во МГУ, 1967. – 104 с.

71. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 648 с.
72. Лейст, О. Э. Санкции в советском праве / О. Э. Лейст. – М. : Госюриздат, 1962. – 238 с.
73. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М. : Норма, 2000. – 400 с. – ISBN 5-89123-449-1.
74. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М. : ВолтерсКлувер, 2009. – 608 с. – ISBN 978-5-466-00377-2.
75. Ляпунов, Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного закона : учеб. пособие / Ю. И. Ляпунов. – М. : Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.
76. Максимов, С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / С. В. Максимов ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Ульяновск : УлГУ, 2002. – 148 с. – ISBN 5-88866-124-4.
77. Мальцев, В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВА МВД России, 2007. – 224 с. – ISBN 978-5-7899-0482-4.
78. Марцев, А. И. Преступление: сущность и содержание : учеб. пособие / А. И. Марцев. – Омск : Омская высшая школа МВД СССР, 1986. – 68 с.
79. Марцев, А. И. Специальное предупреждение преступлений : учеб. пособие / А. И. Марцев. – Омск : Омская высшая школа МВД СССР, 1977. – 84 с.
80. Мельникова, Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания / Ю. Б. Мельникова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 120 с. – ISBN 5-7470-0033-0.
81. Михлин, А. С. Наказание : слов. по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. – М. : БЕК, 1997. – 702 с. – ISBN 5-85639-218-3.
82. Мицкевич, А.Ф. Уголовное наказание : монография / А. Ф. Мицкевич. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2005. – 329 с. – ISBN 5-94201-397-7.

83. Мокринский, С. П. Наказание, его цели и предположения. Ч. I. Общее и специальное предупреждение преступлений / С. П. Мокринский. – М. : Университетская типография, 1902. – 157 с.
84. Монтескье, Ш. Л. О духе законов/ Ш. Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 672 с. – ISBN 5-244-00929-X.
85. Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. – М. : Норма ; ИНФРА-М, 2018. – 464 с. – ISBN 978-5-91768-844-2.
86. Наташев, А. Е. Основы исправительно-трудового права / А. Е. Наташев, Н. А. Стручков. – М. : Юрид. лит., 1967. – 190 с.
87. Наумов, А. В. Применение уголовно-правовых норм. По материалам следственной и прокурорско-судебной практики : учеб. пособие / А. В. Наумов. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1973. – 176 с.
88. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. : в 2 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – М. : Юрид. лит., 2004. – 496 с. – ISBN 5-7260-1025-6.
89. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М. : БЕК, 1996. – 560 с. – ISBN 5-85639-125-X.
90. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. – М. : Юрайт, 2014. – 851 с. – ISBN 978-5-9916-3655-1.
91. Непомнящая, Т. В. Назначение уголовного наказания: история, тенденции, перспективы / Т. В. Непомнящая. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 781 с. – ISBN 5 – 94201-475-2.
92. Никифоров, Б. С. Избранное / Б. С. Никифоров. – М. : ИЗиСП при Правительстве Рос. Федерации, 2010. – 224 с. – ISBN 978-5-98209-105-5.
93. Новгородцев, П. Историческая школа юристовъ, ея происхождение и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ последовательномъ развитіи / П. Новгородцев. – М. : Универ. тип., 1896. – 234 с.
94. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М. : Норма, 2001. – 208 с. – ISBN 5-89123-533-1.
95. Ной, И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве / И. С. Ной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1962. – 156 с.

96. Ной, И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование / И. С. Ной. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 192 с.

97. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты : монография / В. Н. Орлов. – М. : Элит, 2011. – 464 с. – ISBN 978-5-902406-14-3.

98. Осипов, П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовой санкции. Аксиологические аспекты / П. П. Осипов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 135 с.

99. Пионтковский, А. А. Курс советского уголовного права: Часть Общая : в 6 т. Т. 2 : Преступление / А. А. Пионтковский. – М. : Наука, 1970. – 516 с.

100. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.

101. Подгурецкий, А. Очерк социологии права / А. Подгурецкий. – М. : Прогресс, 1974. – 328 с.

102. Познышев, С. В. Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – М., 1923. – 352 с.

103. Полубинская, С. В. Цели уголовного наказания / С. В. Полубинская ; отв. ред. И. И. Карпец. – М. : Наука, 1990. – 142 с. – ISBN 5-02-012897-X.

104. Понятовская, Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права / Т. Г. Понятовская. – Ижевск : Изд-во Удмурд. ун-та, 1996. – 231 с. – ISBN 5-7029-0230-0.

105. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 224 с. – ISBN 978-5-93295-445-4.

106. Рабинович, П. М. Социалистическое право как ценность / П. М. Рабинович. – Львов : Изд-во при Львов. ун-те, 1985. – 167 с.

107. Разгильдиев, Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация / Б. Т. Разгильдиев ; под ред. Р. Р. Галиакбарова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – 232 с. – ISBN 5-292-01804-X.

108. Рарог, А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие / А. И. Рарог. – М. : Проспект, 2006. – 224 с. – ISBN 5-482-00681-6.

109. Рарог, А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А. И. Рарог. – М. : Профобразование, 2001. – 134 с.
110. Розенко, С. В. Система наказания в российском уголовном праве (сравнительно-правовое исследование : монография / С. В. Розенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 272 с. – ISBN 978-5-4396-1080-8.
111. Санталов, А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А. И. Санталов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 96 с.
112. Ситникова, А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление : монография / А. И. Ситникова. – М. : Ось-89, 2006. – 160 с. – ISBN 5-98534-313-8.
113. Строгович, М. С. Основные вопросы советской социалистической законности / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1966. – 252 с.
114. Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – 288 с.
115. Сундуров, Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве / Ф. Р. Сундуров. – Казань, 2005. – 298 с. – ISBN 5-98180-208-1.
116. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая : в 2 т. / Н. С. Таганцев. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 419 с. – ISBN 5-02-012940-2.
117. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1 / Н. С. Таганцев ; предисл. А. В. Наумова. – Тула : Автограф, 2001. – 800 с. – ISBN 5-89201-025-2.
118. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1957. – 364 с.
119. Трайнин, А. Н. Учение о соучастии / А. Н. Трайнин. – М. : Изд-во Наркомюста СССР, 1941. – 158 с.
120. Трайнин, А. Уголовный кодекс РСФСР : комментарий / А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская ; под ред. и с предисл. И. Т. Голякова. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. – 280 с.
121. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития : монография / под ред. В. Ф. Лапшина. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 408 с. – ISBN 978-5-4396-1572-8.

122. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. – М. : Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. – 990 с. – ISBN 978-5-91628-205-4.
123. Уголовное право России. Часть Общая : учебник / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М. : Проспект, 2013. – 568 с. – ISBN 978-5-392-09354-0.
124. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А. С. Михлина. – М. : Юристъ, 2004. – 494 с. – ISBN 5-7975-0640-8.
125. Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. для акад. бакалавриата. – М. : Юрайт, 2020. – 557 с. – ISBN 978-5-534-04778-3.
126. Уголовное право. Общая часть. Преступление : академ. курс в 10 т. / А. В. Наумов и др. ; под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – Т. 8. Множественность преступлений. Стадии преступления. Кн. 2. Стадии преступления. – 386 с. – ISBN 978-5-4396-1052-5.
127. Уголовно-правовое воздействие : монография / под ред. А. И. Рарога. – М. : Проспект, 2012. – 288 с. – ISBN 978-5-392-12230-1.
128. Уткин, В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В. А. Уткин. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 189 с.
129. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, ХеБинсуна. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2009. – 549 с. – ISBN 978-5-94201-586-4.
130. Фаткулин, Ф. Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф. Н. Фаткулин, Л. Д. Чулюкин ; под науч. ред. В. П. Малкова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 119 с.
131. Фефелов, П. А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности: основные методологические проблемы / П. А. Фефелов ; отв. ред. М. И. Ковалев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 150 с.
132. Филимонов, В. Д. Принципы уголовного права / В. Д. Филимонов. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 139 с. – ISBN 5-89158-097-7.

133. Филимонов, В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В. Д. Филимонов. – М. : ЮрИнфоР-МГУ, 2008. – 249 с. – ISBN 978-5-91329-005-2.
134. Философия уголовного права / сост., ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. – 348 с. – ISBN 5-94201-370-5.
135. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. – 514 с.
136. Черненко, Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики : монография / Т. Г. Черненко. – Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2012. – 188 с. – ISBN 978-5-8353-1321-1.
137. Чубинский, М. П. Курсь уголовной политики / М. П. Чубинский. – Ярославль : Тип. губ. правл., 1909. – 450 с.
138. Шаргородский, М. Д. Вопросы Общей части уголовного права: законодательство и судебная практика / М. Д. Шаргородский ; отв. ред. В. А. Иванов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 256 с.
139. Шаргородский, М. Д. Избранные работы по уголовному праву / М. Д. Шаргородский ; сост. и предисл. Б. В. Волженкина. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. – 434 с. – ISBN 5-94201-141-9.
140. Шаргородский, М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества / М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1957. – 304 с.
141. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 160 с.
142. Шеслер, А. В. Состав преступления : монография / А. В. Шеслер. – Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2016. – 142 с. – ISBN 978-5-91246-071-5.
143. Шуберт, Л. Об общественной опасности преступного деяния / Л. Шуберт. – М. : Госюриздат, 1960. – 239 с.
144. Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. – СПб. : ГКА – издание профессора Малинина, 2007. – 718 с. – ISBN 5-91005-001-7.
145. Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – СПб. : ГКА – издание профессора Малинина, 2007. – 794 с. – ISBN 5-91005-002-8.

146. Якушин, В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография / В. А. Якушин. – Тольятти : Изд-во ВУиТ, 2018. – 337 с. – ISBN 978-5-94510-143-2.

III. Статьи

147. Авдеев, В. А. Проблемы реализации уголовной ответственности / В. А. Авдеев // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. – № 5. – С. 50–54. – ISSN 1993-3541.

148. Айнутдинова, К. А. Роль личности виновного лица: к вопросу об индивидуализации наказания в уголовном законодательстве РФ / К. А. Айнутдинова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 98–104. – ISSN 2227-1171.

149. Анощенкова, С. В. Основа справедливого наказания / С. В. Анощенкова // Журнал российского права. – 2017. – № 4. – С. 106–112. – ISSN 1605-6590.

150. Бабаян, С. Л. К вопросу о совершенствовании правового регулирования поощрительного института изменения вида исправительного учреждения / С. Л. Бабаян // Российский следователь. – 2015. – № 14. – С. 46–50. – ISSN 1812-3783.

151. Бавсун, М. В. Уголовно-правовая идеология как средство предупреждения преступности / М. В. Бавсун // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 1. – С. 76–78. – ISSN 1999-625X.

152. Басова, Т. Б. Кодификация уголовного закона России: нужна ли поспешность в конструировании новых составов преступлений? / Т. Б. Басова // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: материалы VIII Российского конгресса уголовного права. – М. : Юрлитинформ, 2013. – С. 265–268. – ISBN 978-5-4396-0435-7.

153. Бибик, О. Н. Наказуемость как признак преступления / О. Н. Бибик // Вестник Омского университета. – Сер. Право. – 2008. – № 2. – С. 123–126. – ISSN 1990-5173.

154. Бочкарев, С. А. О природе общественной опасности преступления / С. А. Бочкарев // Бизнес в законе. – 2009. – № 5. – С. 155–159. – ISSN 1816-921X.

155. Васильев, Э. А. Общественная опасность – основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений / Э. А. Васильев // Государство и право. – 2007. – № 4. – С. 84–90. – ISSN 0132-0769.

156. Волков, К. А. Уголовная политика и судебная практика / К. А. Волков // Российский судья. – 2019. – № 2. – С. 34–38. – ISSN 1812-3791.

157. Ворогушина, Н. А. Ограничение свободы и условное осуждение: вместе или порознь? / Н. А. Ворогушина // Судья. – 2016. – № 4. – С. 34–36. – ISSN 1817-8170.

158. Воронин, В. Н. Индивидуализация наказания с учетом характера и степени общественной опасности / В. Н. Воронин // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 113–122. – ISSN 1605-6590.

159. Гаврина, А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе / А. А. Гаврина // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 95–106. – ISSN 1605-6590.

160. Гаухман, Л. Нужен новый УК РФ / Л. Гаухман // Законность. – 1998. – № 7. – С. 22–25. – ISSN 0869-4486.

161. Гладких, В. И. О соответствии наказаний степени общественной опасности преступлений / В. И. Гладких // Безопасность бизнеса. – 2017. – № 2. – С. 43–47. – ISSN 2072-3644.

162. Гонтарь, И. Я. Категория общественной опасности в российском уголовном праве: история становления и современное понимание / И. Я. Гонтарь // История государства и права. – 2008. – № 2. – С. 7–10. – ISSN 1812-3805.

163. Гончарова, М. В. Преступность в России: аспекты латентности / М. В. Гончарова // Российский следователь. – 2005. – № 11. – С. 35–36. – ISSN 1812-3783.

164. Гребенкин, Ф. Общественная опасность и ее характеристики / Ф. Гребенкин // Уголовное право. – 2006. – № 1. – С. 22–26. – ISSN 2071-5870.

165. Громов, В. Г. Обязанности исправительных учреждений / В. Г. Громов // Современное право. – 2013. – № 4. – С. 127–130. – ISSN 1991-6027.

166. Долгова, А. И. Криминологический подход к детерминации и предупреждению преступности / А. И. Долгова // Проблемы детерминации и предупре-

ждения преступности / под ред. А. И. Долговой. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2017. – С. 8–10. – ISBN 978-5-87817-084-0.

167. Долгополов, К. А. Применение иных мер уголовно-правового характера: теоретические аспекты / К. А. Долгополов, Г. Б. Магомедов // Власть закона. – 2017. – № 1. – С. 117–124. – ISSN 2079-0295.

168. Дорогин, Д. А. К вопросу о наказуемости как ключевом признаке преступления для целей исключения уголовной ответственности / Д. А. Дорогин // Шестой пермский конгресс ученых-юристов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 16–17 окт. 2015 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. – С. 248–250. – ISBN 978-5-7944-1951-1.

169. Дядькин, Д. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении / Д. Дядькин // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 34–37. – ISSN 2071-5870.

170. Дядькин, Д. С. К проблеме формализации системы наказаний / Д. С. Дядькин // Российский следователь. – 2006. – № 8. – С. 46–49. – ISSN 1812-3783.

171. Жалинский, А. Э. Общественная опасность преступления в структуре уголовно-правовой оценки деяния / А. Э. Жалинский // Избранные труды : в 4 т. Т. 2. Уголовное право. – М. : Высшая школа экономики, 2015. – С. 125–129. – ISBN 978-5-7598-1213-5 (т. 2).

172. Звечаровский, И. Понятие мер уголовно-правового характера / И. Звечаровский // Законность. – 2007. – № 1. – С. 19–21. – ISSN 0869-4486.

173. Иванов, А. Л. Уголовное наказание, уголовная ответственность, меры уголовно-правового характера / А. Л. Иванов // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4. – С. 167–174. – ISSN 1994-1471.

174. Исиченко, А. П. Уголовное наказание в контексте социальной справедливости / А. П. Исиченко, А. М. Фумм // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2015. – № 6. – С. 6–9. – ISSN 2072-4438.

175. Калинин, Ю. И. Расплатиться за неволю / Ю. И. Калинин // Российская газета. – 2008. – 17 сент. – ISSN 1606-5484.

176. Кауфман, М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве / М. А. Кауфман // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 92–101. – ISSN 1605-6590.
177. Кибальник, А. Г. Уголовный кодекс РФ: двенадцатый год деградации / А. Г. Кибальник // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3. – С. 24–35. – ISSN 2224-0543.
178. Килимбаев, Р. В. Особенности регламентации института неоконченного преступления в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран / Р. В. Килимбаев // Наука и жизнь Казахстана. Астана. – 2017. – № 6(51). – С. 128–129. – ISSN 2073-333X.
179. Килимбаев, Р. В. Ответственность за неоконченное преступление в контексте современной уголовной политики / Р. В. Килимбаев // Уголовная ответственность и наказание : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина (Рязань, 18 мая 2018 г.). – Рязань : Академия ФСИН России, 2018. – С. 97–102. – ISBN 978-5-7743-0862-0.
180. Килимбаев, Р. В. Иные меры уголовно-правового характера: социально-правовые метаморфозы / В. Ф. Лапшин, Р. В. Килимбаев // Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 6 дек. 2018 г.). – М. : Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2019. – С. 195–201. – ISBN 978-5-89789-145-0.
181. Килимбаев, Р. В. История развития института неоконченного преступления в российском уголовном праве / Р. В. Килимбаев // Современное состояние и пути развития уголовной политики : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Архангельск, 31 мая – 1 июня 2019 г.). – Архангельск : САФУ, 2019. – С. 34–42. – ISBN 978-5-261-01408-9.
182. Килимбаев, Р. В. Общественная опасность и критерии ее оценки / Р. В. Килимбаев // Пенитенциарная наука : научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2019. – Т. 13(№ 3). – С. 330–335. – ISSN 2686-9764.
183. Килимбаев, Р. В. Современные формы реализации уголовной ответственности и их соответствие принципу справедливости / В. Ф. Лапшин, Р. В. Ки-

лимбаев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 41–49. – ISSN 2071-6184.

184. Килимбаев, Р. В. Наказуемость неоконченного преступления в рамках теорий уголовного наказания / Р. В. Килимбаев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 2. – С. 90–97. – ISSN 2071-6184.

185. Ковалев, М. И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства / М. И. Ковалев // Советское государство и право. – 1985. – № 8. – С. 73–79. – ISSN 0132-0769.

186. Колоколов, Н. Форма победила содержание / Н. Колоколов // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 43. – С. 16.

187. Коняхин, В. П. Институт назначения наказания: понятие и структурно-функциональный анализ / В. П. Коняхин, В. В. Полтавец // Российский следователь. – 2016. – № 14. – С. 14–18. – ISSN 1812-3783.

188. Коробеев, А. И. Уголовная политика России: состояние и перспективы / А. И. Коробеев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 247–250. – ISSN 2078-5356.

189. Кошаева, Т. О. Уголовная ответственность как вид юридической ответственности / Т. О. Кошаева // Журнал российского права. – 2004. – № 8. – С. 47–53. – ISSN 1605-6590.

190. Кругликов, Л. Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения / Л. Л. Кругликов // LEXRUSSICA. – 2014. – № 3. – С. 305–313. – ISSN 1729-5920.

191. Кругликов, Л. Л. Аналогия в уголовном праве: миф или реальность? / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права : избр. ст., 2000–2009 гг. – Ярославль : ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2010. – С. 176–186. – ISBN 978-5-8397-0734-4.

192. Кругликов, Л. Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов // Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: избр. ст., 2000–2009 гг. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – С. 40–57. – ISBN 978-5-8397-0734-4.

193. Кругликов, Л. Л. Преступление как основание дифференциации уголовной ответственности / Л. Л. Кругликов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 29–30 янв. 2009 г.). – М. : Проспект, 2009. – С. 44–48.

194. Кругликов, Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления / Л. Л. Кругликов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Пятой Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 24–25 янв. 2008 г.). – М. : Проспект, 2008. – С. 122–127.

195. Кругликов, Л. Л. Целесообразность и цели в российском уголовном законодательстве / Л. Л. Кругликов // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – № 2(49). – С. 18–23. – ISSN 1816–9228.

196. Лаптев, С. А. Условное осуждение или ограничение свободы / С. А. Лаптев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 1. – С. 12–18. – ISSN 2072-4438.

197. Лапшин, В. Ф. Уголовная ответственность как юридически значимый признак в составах преступлений против правосудия / В. Ф. Лапшин // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (г. Рязань, 24 мая 2016 г.) / под ред. В. Ф. Лапшина. – Рязань : Академия ФСИН России, 2016. – С. 246–253. – ISBN 978-5-7743-0769-2

198. Лапшин, В. Ф. Наказание как средство предупреждения преступности: российский и зарубежный опыт / В. Ф. Лапшин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 7. – С. 47–52. – ISSN 2307-0382.

199. Лапшин, В. Ф. Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества / В. Ф. Лапшин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 1. – С. 74–75. – ISSN 2076-4162.

200. Лобанова, Л. В. Правовая природа судебного штрафа и перспективы масштабной декриминализации преступных деяний / Л. В. Лобанова // LegalConcept. – 2017. – № 3. – С. 14–20. – ISSN 2587-8115.

201. Лопашенко, Н. А. Пенализация преступлений против собственности: состояние и проблемы / Н. А. Лопашенко // Библиотека криминалиста. – 2011. – № 1. – С. 6–23. – ISSN 2224-0543.
202. Лунеев, В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 36–56. – ISSN 0132-0769.
203. Лупарев, Д. А. Общественная опасность как объективное свойство преступных последствий / Д. А. Лупарев // Российский следователь. – 2007. – № 5. – С. 13–15. – ISSN 1812-3783.
204. Макаров, А. В. Проблемы определения объекта общественно опасного деяния / А. В. Макаров // Российский судья. – 2005. – № 10. – С. 20–22. – ISSN 1812-3791.
205. Малков, В. П. Характер и степень общественной опасности преступлений в системе общих начал назначения наказания / В. П. Малков // Российская юстиция. – 2008. – № 9. – С. 41–45. – ISSN 0131-6761.
206. Милюков, С. Определение неоконченного преступления в современной уголовно-правовой литературе / С. Милюков, Т. Дронова // Уголовное право. – 2008. – № 2. – С. 41–45. – ISSN 2071-5870.
207. Миненок, М. Г. Преступность и ее предупреждение: реальность и фикция / М. Г. Миненок // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. – 2012. – № 9. – С. 73–81. – ISSN 2500-3216.
208. Мурадов, Э. С. Вина, виновность, общественная опасность / Э. С. Мурадов, П. С. Яни // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2007. – № 1. – С. 13–18. – ISSN 2619-1237.
209. Мусаелян, М. Ф. Развитие альтернативных лишению свободы наказаний – важнейшее направление гуманизации уголовно-исполнительной политики / М. Ф. Мусаелян // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 1. – С. 15–17. – ISSN 2072-4438.
210. Непомнящая, Т. В. Учет судами общих начал назначения наказания при избрании меры наказания / Т. В. Непомнящая // LEXRUSSICA. – 2017. – № 12. – С. 110–123. – ISSN 1729-5920.

211. Непомнящая, Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система / Т. В. Непомнящая // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 114–121. – ISSN 2542-1514.

212. Новоселов, Г. Без преступных последствий нет преступления / Г. Новоселов // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 56. – ISSN 0131-6761.

213. Петин, И. А. Преступление как критерий неосознания неотвратимости ответственности / И. А. Петин // Российский следователь. – 2010. – № 6. – С. 20–23. – ISSN 1812-3783.

214. Петин, И. А. Цели наказания, их обоснованность и возможность достижения / И. А. Петин // Российский следователь. – 2009. – № 19. – С. 13–17. – ISSN 1812-3783.

215. Пионтковский, А. А. О понятии уголовной ответственности / А. А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1967. – № 12. – С. 40–48. – ISSN 0132-0769.

216. Питецкий, В. Судимость в уголовном праве / В. Питецкий // Законность. – 2006. – № 4. – С. 50–51. – ISSN 0869-4486.

217. Селиверстов, В. И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности / В. И. Селиверстов // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.) : избр. материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – М. : Статут, 2016. – С. 399–409. – ISBN 978-5-8354-1254-9.

218. Сильченко, Е. В. Принцип назначения справедливого уголовного наказания посредством учета общих начал, установленных ст. 60 УК РФ / Е. В. Сильченко, А. С. Леушина // Наука сегодня: реальность и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 22 февр. 2017 г.). – Вологда : Маркер, 2017. – С. 104–106. – ISBN 978-5-906850-40-9.

219. Ситникова, А. И. Назначение наказания за неоконченное преступление: закон, теория, практика // Уголовная ответственность и наказание : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (г. Рязань, 18 мая 2018 г.) / под ред. В. Ф. Лапшина. – Рязань : Академия ФСИН России, 2018. – С. 202–207. – ISBN 978-5-7743-0862-0.

220. Скобелин, С. Ю. Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века / С. Ю. Скобелин // LEXRUSSICA. – 2016. – № 4. – С. 124–137. – ISSN 1729-5920.
221. Строганова, О. Л. О некоторых проблемах назначения судом наказания / О. Л. Строганова // Российский судья. – 2013. – № 3. – С. 34–35. – ISSN 1812-3791.
222. Сулейманова, С. Т. Эволюция целей уголовного наказания в уголовном праве России и Канады / С. Т. Сулейманова // LEXRUSSICA. – 2016. – № 7. – С. 103–115. – ISSN 1729-5920.
223. Радченко, В. И. Хорошо сидим / В. И. Радченко // Российская газета. – 2008. – 2 сент. – ISSN 1606-5484.
224. Рарог, А. И. Уголовной кодекс России против терроризма / А. И. Рарог // LEXRUSSICA. – 2017. – № 4. – С. 155–178. – ISSN 1729-5920.
225. Степанов, А. А. Правовая природа конфискации имущества (ст. 104.1, 104.2 УК РФ) / А. А. Степанов // Вестник ЯрГУ. – Сер. : Гуманитарные науки. – 2017. – № 2. – С. 72–76. – ISSN 1996-5648.
226. Тер-Акопов, А. А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом / А. А. Тер-Акопов // Советское государство и право. – 1991. – № 10. – С. 71–78. – ISSN 0132-0769.
227. Тимошенко, Ю. А. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о практике назначения уголовного наказания / Ю. А. Тимошенко // Законность. – 2016. – № 4. – С. 40–43. – ISSN 0869-4486.
228. Усс, А. В. О нравственной природе уголовно-правового осуждения преступника / А. В. Усс // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения : сб. науч. ст. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – С. 22–34. – ISBN 5-7470-0038-1.
229. Фефелов, П. А. Общественная опасность преступного деяния / П. А. Фефелов // Советское государство и право. – 1977. – № 5. – С. 135–138. – ISSN 0132-0769.
230. Цветинович, А. Л. Новый Уголовный кодекс РФ: достижения и просчеты (вопросы Общей части) / А. Л. Цветинович // Преступность и закон : тез. конф. – М. : Академия МВД России, 1996. – С. 7–8.

231. Чельцов, М. А. Спорные вопросы учения о преступлении / М. А. Чельцов // Социалистическая законность. – 1947. – № 4. – С. 7–9. – ISSN 0869-4486.

232. Шестаков, Д. А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии / Д. А. Шестаков // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 154–161. – ISSN 2658-6037.

233. Шкредова, Э. Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания / Э. Г. Шкредова // Журнал российского права. – 2016. – № 6. – С. 134–142. – ISSN 1605-6590.

234. Юшков, Ю. Добровольный отказ от совершения преступления / Ю. Юшков // Советская юстиция. – 1978. – № 8. – С. 20–21. – ISSN 0131-6761.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций

235. Амутинов, А. А. Проблемы естественно-латентной преступности (по материалам Республики Дагестан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Амутинов Арей Амучиевич. – Махачкала, 2004. – 21 с.

236. Антонян, Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Антонян Елена Александровна. – М., 2014. – 353 с.

237. Архенгольц, И. А. Судимость и ее общеправовые последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Архенгольц Илона Аркадьевна. – Екатеринбург, 2018. – 32 с.

238. Баймакова, Н. Н. Момент окончания преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Баймакова Надежда Николаевна. – М., 2011. – 205 с.

239. Безуглый, С. Н. Ответственность за неоконченное преступление по уголовному законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Безуглый Сергей Николаевич. – Белгород, 2017. – 203 с.

240. Бурганов, Р. С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бурганов Рамис Салихутдинович. – Казань, 2006. – 22 с.

241. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Васильевский Александр Валентинович. – Ярославль, 2000. – 219 с.

242. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Васильевский Александр Валентинович. – Н. Новгород, 2000. – 22 с.

243. Везломцев, В. Е. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Везломцев Виктор Евгеньевич. – СПб., 2010. – 205 с.

244. Веселова, В. Н. Конфискация в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Веселова Валентина Николаевна. – М., 1990. – 24 с.

245. Висков, Н. В. Специальная конфискация: юридическая природа, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения исполнения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Висков Николай Викторович. – Волгоград, 2006. – 222 с.

246. Гареев, М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гареев Марат Фаизович. – Казань, 2005. – 198 с.

247. Гринь, М. В. Неоконченное преступление : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Гринь Максим Валентинович. – Краснодар, 2003. – 208 с.

248. Громов, В. Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Громов Владимир Геннадьевич. – Тамбов, 2009. – 50 с.

249. Жидков, Э. В. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Жидков Эдуард Владимирович. – Рязань, 2005. – 25 с.

250. Жукова, Т. Г. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Жукова Татьяна Геннадьевна. – Ставрополь, 2005. – 21 с.

251. Зинин, Г. Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Зинин Григорий Юрьевич. – Рязань, 2014. – 23 с.

252. Иванцова, Н. В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Иванцова Наталья Владимировна. – Казань, 2005. – 34 с.

253. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2015. – 462 с.

254. Иванчина, С. А. Оконченное преступление: закон, теория, практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Иванчина Светлана Андреевна. – Саратов, 2012. – 26 с.

255. Каплин, М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Каплин Михаил Николаевич. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

256. Колодкин, Л. М. Стадии преступления и предупреждение преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Колодкин Леонард Михайлович. – Л., 1970. – 18 с.

257. Кораблева, С. Ю. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кораблева Светлана Юрьевна. – М., 2013. – 31 с.

258. Костарева, Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Костарева Татьяна Александровна. – Казань, 1992. – 19 с.

259. Красиков, Ю. А. Множественность преступлений: социальная сущность и проблемы уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Красиков Юрий Алексеевич. – М., 1989. – 47 с.

260. Кудрявцев, В. Н. Основные вопросы причинной связи в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кудрявцев Владимир Николаевич. – М., 1952. – 18 с.

261. Курочка, Е. В. Проблемы наказания в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Курочка Екатерина Викторовна. – Саратов, 2000. – 158 с.

262. Лапшин, В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Лапшин Валерий Федорович. – Рязань, 2016. – 446 с.

263. Лапшин, В. Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Лапшин Валерий Федорович. – Ярославль, 2004. – 179 с.

264. Латышева, Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Латышева Людмила Александровна. – Екатеринбург, 2015. – 29 с.

265. Мальцев, В. В. Проблема отражения общественно опасного поведения в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Мальцев Василий Васильевич. – М., 1993. – 39 с.

266. Маляр, М. Ю. Отказ в Уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Маляр Максим Юрьевич. – Ярославль, 2017. – 24 с.

267. Марогулова, И. Л. Конфискация имущества как мера наказания по советскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Марогулова Ирина Львовна. – М., 1979. – 15 с.

268. Найбойченко, В. В. Вина в умышленных преступлениях (закон, теория, практика) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Найбойченко Владимир Владимирович. – Саратов, 2016. – 29 с.

269. Некрасов, В. Н. Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Некрасов Василий Николаевич. – Ярославль, 2013. – 234 с.

270. Нечепуренко, А. А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Нечепуренко Алексей Алексеевич. – Омск, 2009. – 43 с.

271. Нигмадянова, С. Ф. Стадии совершения преступления в уголовном праве России 1917–1926 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Нигмадянова Светлана Фаритовна. – М., 2007. – 22 с.

272. Огурцов, Н. А. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правовых отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Огурцов Николай Александрович. – М., 1979. – 40 с.

273. Павлова, А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Павлова Арзулана Акрамовна. – М., 2011. – 28 с.

274. Парфенов, А. Ф. Общее учение об объективной стороне преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Парфенов Александр Федорович. – СПб., 2004. – 32 с.

275. Паньков, И. В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Паньков Илья Владимирович. – СПб., 2010. – 25 с.

276. Поротиков, Д. Ю. Неоконченное преступление: теоретические модели, законодательные конструкции и проблемы их применения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Поротиков Дмитрий Юрьевич. – М., 2007. – 211 с.

277. Пчелкин, А. В. Техничко-юридические нормы в современной России (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пчелкин Александр Владимирович. – Н. Новгород, 2004. – 194 с.

278. Редин, М. П. Преступления по степени их завершенности в российском праве (понятие, система преступлений, ответственность, концепция совершенствования законодательства) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Редин Михаил Петрович. – Саратов, 2005. – 22 с.

279. Рогова, Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Рогова Евгения Викторовна. – М., 2014. – 596 с.

280. Рудавин, А. А. Преступное бездействие (уголовно-правовой и криминологический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Рудавин Александр Алексеевич. – Рязань, 2013. – 19 с.

281. Рябко, Д. А. Уголовно-правовая характеристика условного осуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Рябко Диана Александровна. – СПб., 2007. – 23 с.

282. Рясков, А. И. Принцип справедливости в назначении наказания при множественности преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Рясков Алексей Иванович. – Ставрополь, 2004. – 217 с.

283. Солодков, И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Солодков Игорь Александрович. – Саратов, 2013. – 223 с.

284. Тедеев, К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Тедеев Кахабер Тамазович. – М., 2005. – 32 с.

285. Чернокозинская, С. В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Чернокозинская Светлана Васильевна. – Саратов, 2005. – 208 с.

286. Ширшов, А. А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ширшов Алексей Александрович. – Владивосток, 2004. – 30 с.

287. Эрхитуева, Т. И. Условное осуждение: юридическая природа, основания применения и порядок исполнения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Эрхитуева Татьяна Ильинична. – Иркутск, 2007. – 26 с.

V. Архивные, судебные и иные материалы

288. Архив Алексинского городского суда Тульской области // Уголовное дело № 1-109/2014.

289. Архив Рыбновского районного суда Рязанской области // Уголовное дело № 1-11/2018.

290. Архив Рязанского районного суда Рязанской области // Уголовное дело № 1-17/2019.

VI. Интернет-ресурсы

291. Академик: Словари и энциклопедии. – URL: <https://translate.academic.ru/Cogitationis%20%20poenam%20nemo%20patitur/xx/xx> (дата обращения: 12.01.2021).
292. Апелляционное определение Верховного Суда Рос. Федерации : от 16 сент. 2013 г. № 5-АПУ13-44. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=356519#047865_8099962_0291 (дата обращения: 14.01.2021).
293. Архив Гатчинского городского суда Ленинградской области. – URL: <https://rospravosudie.com/court-gatchinskij-gorodskoj-sud-leningradskaya-oblast-s/act-100497218> (дата обращения: 24.02.2018).
294. Архив Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга, 2011. – URL: <https://rospravosudie.com/court-frunzenskij-rajonnyj-sud-gorod-sankt-peterburg-s/act-102044056> (дата обращения: 24.02.2018).
295. Бангкокская декларация «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» : принята на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, 18–25 апреля 2005 г.). – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bangkok_declaration (дата обращения: 18.12.2017).
296. Беляев, Н. А. Избранные труды. – URL: <http://iknigi.net/avtor-nikolay-belyaev/99614-izbrannye-trudy-nikolay-belyaev/read/page-20.html> (дата обращения: 13.01.2021).
297. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью : принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 18.12.2017).
298. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации : разработана Общественной палатой Российской Федерации. – М., 2013. – URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 01.07.2020).
299. МВД России. Статистика и аналитика. Состояние преступности. – URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.07.2020).
300. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными [Правила Нельсона Манделы] : резолюция

Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г. № 70/175. – URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

301. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : от 31 окт. 2017 г. № 42. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=517495#0613473341626338> (дата обращения: 27.03.2018).

302. Платон. Законы // Электронная библиотека «Гражданское общество». – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Lows.pdf (дата обращения: 12.01.2021).

303. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П. – URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19032003-n> (дата обращения: 15.03.2018).

304. Приговор Ставропольского краевого суда от 25.02.2020 №22-960/2020. Обвинение: по ч. 3 ст. 30, пп. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (покушение; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов ...). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.07.2020).

305. Признание – царица доказательств. – URL: <http://dslov.ru/pos/p2893.htm> (дата обращения: 10.02.2018).

306. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. // Официальный сайт МВД Рос. Федерации. – URL: <https://мвд.пф/reports/10> (дата обращения: 01.07.2020).

307. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 г. // Официальный сайт МВД Рос. Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/10> (дата обращения: 01.07.2020).

308. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 г. // Официальный сайт МВД Рос. Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/10> (дата обращения: 01.07.2020).

309. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2016 г. // Официальный сайт МВД Рос. Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/10> (дата обращения: 01.07.2020).

310. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2015 г. // Официальный сайт МВД Рос. Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/10> (дата обращения: 01.07.2020).

311. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2014 г. // Официальный сайт МВД Рос. Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/10> (дата обращения: 01.07.2020).

312. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2013 г. // Официальный сайт МВД Рос. Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/10> (дата обращения: 01.07.2020).

313. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2012 г. // Официальный сайт МВД Рос. Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/10> (дата обращения: 01.07.2020).

314. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков [и др.]. – М., 2017. – URL: <https://www.csr.ru> (дата обращения: 01.07.2020).

315. Уголовное дело № 10-23/2014 // Архив Октябрьского районного суда г. Мурманска. – URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabr'skiy-rayonnyy-sud-gorod-murmansk-s/act-192729051> (дата обращения: 12.04.2018).

316. Уголовное дело № 1-105/2017 // Архив Багаевского районного суда Ростовской области. – URL: <https://rospravosudie.com/court-bagaevskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-581273449> (дата обращения: 31.03.2018).

317. Уголовное дело № 1-1086/2011 // Архив Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан. – URL: <https://rospravosudie.com/court->

naberezhnochelninskij-gorodskoy-sud-respublika-tatarstan-s/act-139148210 (дата обращения: 10.04.2018).

318. Уголовное дело № 1-111/2017 // Архив Карталинского городского суда Челябинской области. – URL: <https://rospravosudie.com/court-kartalinskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-559458306> (дата обращения: 31.03.2018).

319. Уголовное дело № 1-12/2018 // Архив Шуйского городского суда Ивановской области. – URL: <https://rospravosudie.com/court-shuyskiy-gorodskoy-sud-ivanovskaya-oblast-s/act-161742802> (дата обращения: 31.03.2018).

320. Уголовное дело № 1-135/2018 // Архив Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области. – URL: <https://rospravosudie.com/court-kirovo-chepeckij-rajonnyj-sud-kirovskaya-oblast-s/act-581490612> (дата обращения: 07.04.2018).

321. Уголовное дело № 1-15/2018 // Архив Находкинского городского суда Приморского края. – URL: <https://rospravosudie.com/court-nakhodkinskiy-gorodskoy-sud-primorskij-kraj-s/act-118529107> (дата обращения: 22.03.2018).

322. Уголовное дело № 1-21/2018 // Архив Ижемского районного суда Республики Коми. – URL: <https://rospravosudie.com/court-izhemskij-rajonnyj-sud-respublika-komi-s/act-581039785> (дата обращения: 04.04.2018).

323. Уголовное дело № 1-3/2016 (1-88/2015) // Архив Шелковского районного суда Чеченской Республики. – URL: <https://rospravosudie.com/court-shelkovskoj-rajonnyj-sud-chechenskaya-respublika-s/act-538449682> (дата обращения: 20.02.2018).

324. Уголовное дело № 1-33/2018 // Архив Калачинского городского суда Омской области. – URL: <https://rospravosudie.com/court-kalachinskij-gorodskoj-sud-omskaya-oblast-s/act-581091041> (дата обращения: 04.04.2018).

325. Уголовное дело № 1-371/2014 // Архив Центрального районного суда г. Читы. – URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-chity-zabajkalskiy-kraj-s/act-480557570> (дата обращения: 12.04.2018).

326. Уголовное дело № 1-4/2018 // Архив Неманского городского суда Калининградской области. – URL: <https://rospravosudie.com/court-nemanskij-sudebnyj-uchastok-kaliningradskoj-oblasti-s/act-241476590> (дата обращения: 04.04.2018).

327. Уголовное дело № 1-451/2010 // Архив Индустриального районного суда г. Перми Пермского края. – URL: <https://rospravosudie.com/court-industrialniy-rayonniy-sud-gorod-perm-s/act-100749368> (дата обращения: 31.03.2018).

328. Уголовное дело № 1-488/2014 // Архив Новочеркасского городского суда Ростовской области. – URL: <https://rospravosudie.com/court-novocherkasskiy-gorodskoy-sud-rostovskaya-oblast-s/act-101005953> (дата обращения: 07.04.2018).

329. Уголовное дело № 1-49/2017 // Архив Лениногорского городского суда Республики Татарстан. – URL: <https://rospravosudie.com/court-leninogorskiy-gorodskoj-sud-respublika-tatarstan-s/act-554631491> (дата обращения: 31.03.2018).

330. Уголовное дело № 1-57/2018 // Архив Ачхой-Мартановского районного суда Чеченской республики. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/zId37xHnszLK/?regular-txt=ч.+1+ст.+30+УК+®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+30.+Приготовление+к+преступлению+и+покушение+на+преступление%28УК+РФ%29®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1561912849221&snippet_pos=13228#snippet (дата обращения: 30.05.2019).

331. Уголовное дело № 1-57/2018 // Архив Кабанского районного суда Республики Бурятия. – URL: <https://rospravosudie.com/court-kabanskiy-rajonnyj-sud-respublika-buryatiya-s/act-580834183> (дата обращения: 04.04.2018).

332. Уголовное дело № 1-709/2016 // Архив Бийского городского суда Алтайского края. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/dyj6lURI1SZL/?regular-txt=®ular-case_doc=1-709®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=1008®ular-date_from=01.01.2016®ular-date_to=31.12.2016®ular-workflow_stage=®ular-area=1018®ular-court=Бийский+городской+суд+%28Алтайский+край%29®ular-judge=&_=1560713583963 (дата обращения: 16.03.2019).

333. Уголовное дело № 19/1153 // Архив Моздокского районного суда Республики Северная Осетия – Алания. URL: <https://rospravosudie.com/court-mozdokskij-rajonnyj-sud-respublika-severnaya-oseiya-alaniya-s/act-100070154> (дата обращения: 31.03.2018).

334. Уголовное дело № 2-08/2017 // Архив Смоленского областного суда. – URL: <https://rospravosudie.com/court-smolenskij-oblastnoj-sud-smolenskaya-oblast-s/act-559460850> (дата обращения: 31.03.2018).

335. Уголовное дело № 2-15/2011 // Архив Мурманского областного суда. – URL: <https://rospravosudie.com/court-murmanskiy-oblastnoy-sud-s/act-102638187> (дата обращения: 26.02.2018).

336. Уголовный кодекс Республики Болгария // Уголовные кодексы мира. – URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-bolgarii> (дата обращения: 30.10.2020).

337. Уголовный кодекс Швейцарии // Уголовное право Швейцарии. Законодательство Швейцарии. Швейцария деловая. URL: <https://business-swiss.ch/wp-content/uploads/2020/04/311.0-4.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).

338. Уголовный кодекс Эстонской республики // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. – URL: <https://constitutions.ru/?p=446> (дата обращения: 30.10.2020).

339. Уголовный кодекс Японии // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. – URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 30.10.2020).

340. Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2019 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 01.07.2020).

341. Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2018 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 01.07.2020).

342. Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2017 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 01.07.2020).

343. Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2016 год // Официальный

сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 01.07.2020).

344. Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2015 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 01.07.2020).

345. Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2014 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (дата обращения: 01.07.2020).

346. Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2013 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 01.07.2020).

347. Форма 10.1. Свод показателей всех судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, с учетом военных судов за 2012 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 01.07.2020).

348. ФСИН России. Статистические данные. – URL: <http://фсин.пф/statistics/> (дата обращения: 01.07.2020).

VII. Иностранные источники

349. Kodekskarnyzdnia 6 czerwca 1997 r. USTAWADz.U. 1997. Nr 88. poz. 553 KancelariaSejmu. – 13.04.2018. – 124 p.

350. Gropp W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. – Berlin : Springer-verlag berlin and Heidelberg gmbh & co, 2001. – 272 p.

351. Meier B.-D. Strafrechtliche Sanktionen. – Berlin : Springer, Cop, 2001. – 378 p.

352. Köstlin H. System des deutschenstrafrechts. Ersteabtheilung. Allgemeinertheil. Tübingen, 1855.–647 p. – URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/011615311> (дата обращения: 21.02.2018).

Сводный отчет по результатам анкетирования

Представлено: 320 анкет;

респонденты: работники правоохранительных и судебных органов.

№ п/п	Содержание вопроса	Кол-во	%
1	2	3	4
1	Считаете ли Вы обоснованной криминализацию неоконченного преступления?		
а)	криминализация неоконченных преступлений, осуществленная в действующем УК РФ, является социально полезной и юридически обоснованной	195	61
б)	криминализация неоконченного преступления необоснованна, так как данное деяние фактически не содержит в себе всех признаков состава преступления	26	8
в)	из всех неоконченных преступлений криминализации заслуживают только деяния, прерванные на стадии покушения	93	29
г)	криминализация недостаточна: необходимо признание преступным приготовление к совершению преступлений небольшой и (или) средней тяжести	6	2
д)	иное	—	—
2	При привлечении лица к ответственности за совершение неоконченного преступления обязательным условием положительной квалификации является:		
а)	совокупность различных доказательств, позволяющих установить вину лица в инкриминируемом ему деянии	299	94
б)	признание обвиняемым своей вины в совершении неоконченного преступления	16	5
в)	свидетельские показания, подтверждающие наличие вины лица в совершении неоконченного преступления	5	1
г)	иное	—	—
3	При привлечении лица к ответственности за приготовление к совершению преступления доказательством наличия вины является только:		
а)	признание обвиняемого в совокупности с показаниями свидетелей	105	33
б)	признание обвиняемого	174	55
в)	свидетельские показания	36	11
г)	иное	5	1
4	С какого момента, по Вашему мнению, деятельность лица приобретает ту общественную опасность, которая достаточна для применения уголовной ответственности (категория преступления в данном случае значения не имеет)?		
а)	лицо задумало совершение преступления, что никак не проявилось во внешней среде	—	—
б)	лицо задумало совершение преступления и поделилось данной информацией с третьими лицами	6	1
в)	лицо задумало совершение преступления и выполнило незапрещенные законом действия, создающие условия для достижения преступного результата (покупка топора для убийства)	19	6
г)	лицо задумало совершение преступления и выполнило запрещенные законом действия, создающие условия для достижения преступного результата (хищение оружия для убийства)	288	91

1	2	3	4
д)	лицо начинает выполнять деяние, запрещенное нормой Особенной части УК РФ	7	2
е)	иное	–	–
5	Есть ли необходимость указывать в УК РФ цели уголовного наказания?		
а)	Закрепление в УК РФ целей уголовного наказания является обязательным	305	97
б)	перечисление в УК целей уголовного наказания не имеет практического значения	9	2
в)	иное	6	1
6	Возможно ли определить на практике достижение целей уголовного наказания, закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений?		
а)	возможно	32	10
б)	невозможно	147	46
в)	затрудняюсь ответить	141	44
г)	иное	–	–
6.1	Если на вопрос №6 Вами дан утвердительный ответ «а», то поясните, каким образом определяется факт достижения целей уголовного наказания, назначенного и исполненного в отношении осужденного?		
	пояснения представлены	8	25
	пояснений не представлено	24	75
7	В какой форме предпочтительна реализация уголовной ответственности за неоконченное преступление, если фактически совершенное деяние не нарушило охраняемых уголовным законом общественных отношений?		
а)	в любой, предусмотренной действующим уголовным законом	51	16
б)	применение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества	29	9
в)	условное осуждение или освобождение от уголовной ответственности (наказания)	234	73
г)	иное	6	2
8	Какой вариант дифференциации ответственности за неоконченное преступление является наиболее предпочтительным?		
а)	назначение более мягких видов наказаний по сравнению с наказаниями за оконченное преступление, предусмотренными санкцией статьи Особенной части УК РФ	74	23
б)	сокращение размера или срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ за оконченное преступление	147	46
в)	сокращение размеров или сроков всех видов наказаний, предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РФ за оконченное преступление	45	14
г)	освобождение от уголовной ответственности (наказания)	54	17
д)	иное	–	–

Сводный отчет по результатам анкетирования

Представлено: 110 анкет;

респонденты: представители юридических вузов и факультетов.

№ п/п	Содержание вопроса	Кол-во	%
1	2	3	4
1	Считаете ли Вы обоснованным решение о криминализации неоконченного преступления?		
а)	криминализация неоконченных преступлений, осуществленная в действующем УК РФ, является социально полезной и юридически обоснованной	53	49
б)	криминализация неоконченного преступления необоснованна, так как данное деяние фактически не содержит в себе всех признаков состава преступления	8	7
в)	из всех неоконченных преступлений криминализации заслуживают только деяния, прерванные на стадии покушения	39	35
г)	криминализация недостаточна: необходимо признание преступным приготовления к совершению преступлений небольшой и (или) средней тяжести	9	8
д)	иное	1	1
2	Каким образом определяется справедливость уголовного наказания?		
а)	преступник в процессе исполнения уголовного наказания должен испытать примерно те же негативные последствия, которые наступили в результате совершенного им преступления	67	60
б)	лицо после отбытия наказания не совершает противоправных, в том числе преступных, деяний	22	20
в)	и преступник, и третьи лица (общество) осознают недопустимость совершения преступлений	20	19
г)	иное	1	1
3	Целесообразно ли включить в содержание уголовного наказания обязательное возмещение потерпевшему ущерба, причиненного преступлением?		
а)	уголовное наказание должно включать в себя возмещение ущерба в пользу потерпевшего	51	46
б)	возмещение ущерба потерпевшему осуществляется в рамках реализации гражданского иска в уголовном процессе. Расширение содержания уголовного наказания в этой части нецелесообразно	56	50
в)	иное	3	4
4	Есть ли необходимость указывать в УК РФ цели уголовного наказания?		
а)	закрепление УК РФ целей уголовного наказания является обязательным	79	72
б)	перечисление в УК целей уголовного наказания не имеет практического значения	29	26
в)	иное	2	2
5	Возможно ли определить на практике достижение целей уголовного наказания, закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений?		
а)	возможно	18	17
б)	невозможно	46	41
в)	затрудняюсь ответить	45	41
г)	иное	1	1

1	2	3	4
5.1	Если на вопрос № 5 Вами дан утвердительный ответ «а», то поясните, каким образом определяется факт достижения целей уголовного наказания, назначенного и исполненного в отношении осужденного?		
	пояснения представлены	3	17
	пояснений не представлено	15	83
6	Считаете ли Вы справедливым наказание, например, в виде штрафа – 100 тыс. рублей, если преступник в результате осуществления своей незаконной деятельности получил 1 млн рублей, но после этого никогда не совершал уголовно наказуемых деяний?		
а)	наказание справедливым не является	80	72
б)	наказание является справедливым, так как обеспечило исправление преступника и предупреждение преступности	30	28
в)	иное	–	–
7	Назовите, по Вашему мнению, главную причину, которая удерживает человека от совершения преступлений:		
а)	высокий уровень правосознания и морально-нравственных качеств;	39	35
б)	страх быть уличенным в преступной деятельности и подвергнуться применению уголовного наказания	54	49
в)	экономическая нецелесообразность: в материальном отношении потери от привлечения к уголовной ответственности превысят размер преступно полученного дохода	15	14
г)	иное	2	2
8	В какой форме предпочтительна реализация уголовной ответственности за неоконченное преступление, если фактически совершенное деяние не нарушило охраняемых уголовным законом общественных отношений?		
а)	в любой, предусмотренной действующим уголовным законом	45	41
б)	применение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества	29	26
в)	условное осуждение или освобождение от уголовной ответственности (наказания)	35	32
г)	иное	1	1
9	Какой вариант дифференциации ответственности за неоконченное преступление является наиболее предпочтительным?		
а)	назначение более мягких видов наказаний по сравнению с наказаниями за оконченное преступление, предусмотренными санкцией статьи Особенной части УК РФ	40	37
б)	сокращение размера или срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ за оконченное преступление	32	29
в)	сокращение размеров или сроков всех видов наказаний, предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РФ за оконченное преступление	28	25
г)	освобождение от уголовной ответственности (наказания)	9	8
д)	иное	1	1